

МИЭТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Экономические и социально-гуманитарные исследования *Научный журнал*

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:
ПИ № ФС77-69191 от 24 марта 2017 г.
Распространяется по подписке
Подписной индекс в АО Агентство «Роспечать»:
80114

№ 3(31)
Июль — сентябрь 2021 г.

ISSN 2409-1073

Издается с июня 2014 г. Выходит 4 раза в год

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Включен в Российский индекс научного цитирования.

MIET

NATIONAL RESEARCH
UNIVERSITY OF ELECTRONIC
TECHNOLOGY

Economic and Social Research *Scientific Journal*

Certificate of the journal registration
PI No. FS77-69191 was issued on 24 March 2017
The journal is distributed by subscription
Subscription index of AO Rospechat agency:
80114

No. 3(31)
2021 July — September

ISSN 2409-1073

Published since 2014. Quarterly (4 issues per year)

ESGI journal is included into the List of periodicals recommended for publishings doctoral research results by the Higher Attestation Commission.

ESGI journal is included in Russian Science Citation Index.

© «Экономические и социально-гуманитарные исследования», 2021
© МИЭТ, 2021

© “Economic and Social Research”, 2021
© MIET, 2021

Редакционный совет

Председатель редсовета

Чаплыгин Ю. А., академик РАН, доктор технических наук, профессор

Сопредседатель редсовета

Чумаков А. Н., доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИФ РАН

Агапов В. С., д. псих. н., Моск. ун-т МВД РФ

Андрienко Е. В., д. филос. н., проф. Донецкого нац. университета (ДНР)

Анискин Ю. П., д. экон. н., проф., НИУ МИЭТ

Гаврилов С. А., д. техн. н., проф., НИУ МИЭТ

Гагарин А. В., д. пед. н., проф. РАНХиГС

Данильченко А. В., д. экон. н., проф. БНТУ (Республика Беларусь)

Зазыкин В. Г., чл.-корр. РАО, д. психол. н., проф., РАНХиГС

Захлебный А. Н. д. пед. н., проф., академик РАО, Центр экологического образования РАО

Инфанте Д., PhD, проф. Университета Калабрии (Италия)

Исмаилов В. И., д. филос. н., проф., Бакинский Центральный технологический колледж (Азербайджан)

Князев В. Н., д. филос. н., проф., МПГУ

Ковальчук К. Ф., д. экон. н., проф. Нац. Металлургическая академия Украины (г. Днепр, Украина)

Лаце Н., Dr. Sci. (Econ.), проф. Рижского университета (Латвия)

Лобастов Г. В., д. филос. н., проф., МАИ

Михалкин Н. В., д. филос. н., проф., МГППУ

Моисеева Н. К., д. экон. н., проф., НИУ МИЭТ

Мрочко Л. В., д. филос. н., проф., Моск. гуманитар. ун-т

Пабединскайте А. О., Dr. Sci. (Econ.), проф., Вильнюсский технический ун-т им. Гедиминаса (Литва)

Пирогов А. И., д. филос. н., проф., НИУ МИЭТ

Пылаева Т., Dr. Sci. (Econ.), проф., Евроакадемия (Эстония)

Растимешина Т. В., д. полит. н., доцент, НИУ МИЭТ

Реморенко И. М., канд. филос. н., доцент, ректор МГПУ

Редакционная коллегия

Главный редактор

Растимешина Т. В., доктор политических наук, доцент

Заместитель главного редактора

Пирогов А. И., доктор философских наук, профессор

Агапов В. С., д. псих. н., Моск. ун-т МВД РФ

Алексеев С. В., д. пед. н., проф., РГПУ им. Герцена

Андрienко Е. В., д. филос. н., проф. Донецкого нац. университета (ДНР)

Анискин Ю. П., д. экон. н., проф., НИУ МИЭТ

Алексеева И. Ю., д. филос. н., проф., ИФ РАН

Гриценко Н. Ф., д. ист. н., проф., Дом русск. зарубежья им. А. Солженицына

Гуськова Н. Д., д. экон. н., проф., МГУ им. Н.П. Огарева

Даниелян Н. В., д. филос. н., доцент, НИУ МИЭТ

Данильченко А. В., д. экон. н., проф., БНТУ (Республика Беларусь)

Евдокимова М. Г., д. пед. н., доцент, НИУ МИЭТ

Емец В. С., д. полит. н., проф., Правительство Рязанск. обл.

Зазыкин В. Г., чл.-корр. РАО, д. психол. н., проф., РАНХиГС

Захлебный А. Н., д. пед. н., проф., академик РАО, Центр экологического образования РАО

Иванова Г. П., д. пед. н., проф. МГОУ

Ильин В. В., д. филос. н., проф., ИППК при МГУ им. Ломоносова

Инфанте Д., PhD, проф. Университет Калабрии (Италия)

Исмаилов В. И., д. филос. н., проф., Бакинский Центральный технологический колледж (Азербайджан)

Кальней В. А., д. пед. н., проф., РМАТ

Ковальчук К. Ф., д. экон. н., проф. Нац. металлургическая академия Украины (г. Днепр, Украина)

Лобастов Г. В., д. филос. н., проф., МАИ

Лоза Г. Г., д. полит. н., проф., Ин-т экономики и права «Академия труда и соц. отношений»

Лукичева Л. И., д. экон. н., проф., НИУ МИЭТ

Мамедов Н. М., д. филос. н., проф., РАНХиГС

Михалкин Н. В., д. филос. н., проф., МГППУ

Моисеева Н. К., д. экон. н., проф., НИУ МИЭТ

Мушта А. А., к. филос. н., доцент (Республика Беларусь)

Пабединскайте А. О., Dr. Sci. (Econ.), проф., Вильнюсский технический ун-т им. Гедиминаса (Литва)

Панов А. И., д. полит. н., проф., МГОУ

Прокофьев А. А., д. пед. н., к. ф.-м. н., доцент, НИУ МИЭТ

Пылаева Т., Dr. Sci. (Econ.), проф. Евроакадемии (Эстония)

Реморенко И. М., канд. филос. н., доцент, ректор МГПУ

Родин В. Ф., д. пед. н., проф. Моск. ун-т МВД РФ

Смирнова Ж. Вяч., Dr. Sci. (Econ.), проф. Университет Калабрии (Италия)

Степанов С. А., д. пед. н., проф., прорект. МНЭПУ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 24 мая 2017 года.

Учредитель и издатель: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» (НИУ МИЭТ), 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1.

Заведующий редакцией — **А. И. Пирогов**

Научный редактор — **Т. В. Растимешина**

Компьютерная верстка — **С. О. Брылев**

Адрес редакции: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ. **Тел.:** 8-499-729-76-02

E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Сайт: <http://esgi-miet.ru>

Подписано в печать 20.09.2021. Формат бумаги 60×84 1/8. Цифровая печать.

Объем 21,4 усл. печ. л., 12,5 уч. изд. л. Заказ № 19

Отпечатано в типографии ИПК МИЭТ: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ.

Editorial Council

Chairman

Chaplygin Yu. A., Dr. Sci. (Tech.), Prof., Acad. RAS

Co-Chairman

Chumakov A. N., Dr. Sci. (Philos.), Prof., RAS Institute of Philosophy

Agapov V. S., D. crazy. Sciences, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the RF

Andriyenko O. V. (Donetsk People's Republic), Dr. Sci. (Philos.), Prof. of Donetsk National University

Aniskin Yu. P., Dr. Sci. (Econ.), Prof. MIET

Gavrilov S. A., Dr. Sci. (Tech.), Prof. MIET

Danilchenko A. V. (Republic of Belarus), Dr. Sci. (Econ.), Prof. of Belarusian National Technical University

Zakhlebnyi A. N. Dr. Sci. (Ped), Acad. RAO, Center for environmental education of RAO

Zazykin V. G., Dr. Sci. (Psych.), Prof., RANEPa

Infante D. (Italy), PhD (Polit. Econ.), Prof. University of Calabria

Ismailov V. I., Dr. Sci. (Philos.), Dir. Baku Central technological College (Azerbaijan)

Knyazev V. N., Dr. Sci. (Philos.), Prof. Moscow State Pedagogical University

Kovalchuk K. F. (Ukraine), Dr. Sci. (Econ.), Prof. National Metallurgical Academy of Ukraine

Lace N. (Latvia), Dr. OEc., Prof. Riga Technical University

Lobastov G. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof. Moscow Aviation Institute

Mikhalkin N. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof. MSPPU

Moiseeva N. K., Dr. Sci. (Econ.), Prof. MIET

Mrochko L. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof., Moscow state University for the Humanities

Pabedinskaite A. O. (Lithuania), Dr. OEc., Prof. Vilnius Gediminas Technical University

Pirogov A. I., Dr. Sci. (Philos.), Prof., MIET

Põlajeva T. (Estonia), Dr. OEc., Prof. Euroacademy

Rastimeshina T. V., Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof., MIET

Remorenko I. M., Cand. Sci. (Ped.), Assoc. Prof., Rector of MGPU

Editorial Board

Editor-in-Chief

Rastimeshina T. V., Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof.

Deputy Editor-in-Chief

Pirogov A. I., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Agapov V. S., D. crazy. Sciences, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the RF

Andriyenko O. V. (Donetsk People's Republic), Dr. Sci. (Philos.), Prof. Donetsk National University

Aniskin Yu. P., Dr. Sci. (Econ.), Prof. MIET

Alekseeva I. Yu., Dr. Sci. (Philos.), Prof. Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences

Gagarin A. V., Dr. Sci. (Ped), Prof., RANEPa

Gritsenko N. F., Dr. Sci. (Hist.), Prof., Home Russian. foreign to them. Alexander Solhenitsyn

Guskova N. D., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Ogarev Moscow state University

Danielyan N. V., Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., MIET

Danilchenko A. V. (Republic of Belarus), Dr. Sci. (Econ.), Prof. Belarusian National Technical University

Emets V. S., Dr. Sci. (Polit.), Prof., The Government of the Ryazan. areas.

Evdokimova M. G., Dr. Sci. (Ped), Assoc. Prof.

Zakhlebnyi A. N. Dr. Sci. (Ped), Acad. RAO, Center for environmental education of RAO

Zazykin V. G., Dr. Sci. (Psych.), Prof., RANEPa

Ivanova G. P., Dr. Sci. (Ped), Prof., MRSU

Ilyin V. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof., IPPK at Lomonosov Moscow state University

Infante D. (Italy), PhD (Polit. Econ.), Prof. University of Calabria

Ismailov V. I., Dr. Sci. (Philos.), Dir. Baku Central technological College (Azerbaijan)

Kalney V. A., Dr. Sci. (Ped), Prof.

Kovalchuk K. F. (Ukraine), Dr. Sci. (Econ.), Prof.

of National Metallurgical Academy of Ukraine

Lobastov G. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Loza G. G., Dr. Sci. (Polit.), Prof., Institute of Economics and law «Academy of labor and social relations»

Lukicheva L. I., Dr. Sci. (Econ.), Prof., MIET

Mamedov N. M., Dr. Sci. (Philos.), Prof. RANEPa

Mikhalkin N. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof. MSPPU

Moiseeva N. K., Dr. Sci. (Econ.), Prof. MIET

Mushta A. A. (Republic of Belarus), Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof.

Pabedinskaite A. O. (Lithuania), Dr. OEc., Prof. Vilnius Gediminas Technical University

Panov A. I., Dr. Sci. (Polit.), Prof. Moscow state University

Põlajeva T. (Estonia), Dr. OEc., Prof. of Euroacademy

Prokofiev A. A., Dr. Sci. (Ped), Cand. Sci. (Phys.-Math.), Assoc. Prof., MIET

Remorenko I. M., Cand. Sci. (Ped), Assoc. Prof., Rector of MGPU

Rodin V. F., Dr. Sci. (Ped), Prof., RF MoI University

Smirnova J. V. (Italy), Dr. Sci. (Econ.), Prof. of University of Calabria

Stepanov S. A., Dr. Sci. (Ped), Vice-rector of MNEPU

ESGI is a peer-reviewed scholarly journal registered by the Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation on March 24, 2017.

Founder and publisher: National Research University of Electronic Technology (MIET), 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1.

Managing editor — **A. I. Pirogov**

Science editor — **T. V. Rastimeshina**

Digital page makeup — **S. O. Brylev**

Address: Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1, MIET. **Tel.:** +7-499-729-76-02

E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Web: <http://esgi-miet.ru>

Signed to print 20.09.2021. Sheet size 60×84 1/8. Digital printing.

Conventional printed sheets: 21.4. Published sheets: 12.5. Order No. 19.

Printed at MIET printing workshop: 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1, MIET.

Senior editor — **T. V. Rastimeshina**

Editor — **E. V. Malinkina**

Cover designer — **S. Yu. Ryzhkov**

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика инновационного развития: теория и практика

<i>Анискин Ю.П.</i> Стратегические корпоративные изменения в условиях развития цифровых двойников управления компаниями	6
<i>Гладков И.С.</i> Внешнеторговые связи Европейского Союза: трансформации за первые 20 лет XXI века (2001—2020 гг.)	17
<i>Глебов А.Л., Кнэхт Н.П.</i> Математическое моделирование с неопределенностью в микроэлектронике	31
<i>Лукичева Л.И., Егорычева Е.В., Алаторцева О.А., Вендина И.А.</i> Интеллектуальные активы в комплексном управлении наукоемким предприятием	35

Философия: мир в человеке и человек в мире

<i>Андриенко Е.В., Горбачева И.М.</i> Бытие и саморазвитие личности в социокультурном пространстве	45
<i>Галахтин М.Г., Степанов В.А.</i> Социальная интеграция беженцев в странах Европейского Союза (на примере Испании)	51
<i>Ковалев А.А.</i> Посредничество в конфликтах: некоторые теоретико-методологические аспекты	59
<i>Ксенофонтов В.А.</i> Проблемы обеспечения национальной безопасности	67
<i>Морозов М.Ю.</i> Свобода и необходимость с позиций теории фрактальности	77
<i>Мушта А.А., Растимешина Т.В.</i> Трансформации концепций национальной безопасности Беларуси и России и историческая политика: содержательные аспекты	87
<i>Огородов Д.А.</i> Идеология национализма и спорт	100
<i>Олейник С.П., Матына Л.И.</i> Международный бизнес-проект и компетентностный профиль команды управления проектом (часть 2)	108
<i>Равочкин Н.Н., Бобриков В.Н., Щенников В.П., Рахинский Д.В.</i> Институциональная проблематика в зеркале социальной философии. Обзор современных исследований	115
<i>Рыжов О.А.</i> Новая Военная доктрина РФ: к методологическим неточностям понятий	129
<i>Удалова Л.В., Горшкова С.Е., Мещерякова Л.Я.</i> Толерантность как социально значимая ценность	138
<i>Фазылынова Г.И., Соловьева С.А., Шигорина В.Н.</i> Философия дизайна: современные аспекты комплексного проектирования упаковки	148

Педагогическая система координат: образование, воспитание, развитие человека

<i>Соколова Т.Ю., Фазылынова Г.И.</i> Исследование методов имитационного компьютерного моделирования и визуализации сложных технологических процессов на кафедре инженерной графики и дизайна НИУ МИЭТ	155
--	-----

Личность. Общество. Государство

<i>Баранов В.В., Беркутов А.С.</i> Новые задачи органов милиции в годы Великой Отечественной войны	160
<i>Назаров С.А.</i> Корпоративная налоговая культура и изменения налоговой лояльности населения: эффект пандемии	170

Информация

К сведению авторов	178
Этические нормы публикационного процесса	180

CONTENTS

Economics of Innovation-Driven Growth: Theory and Practice

<i>Aniskin Y.P.</i> Strategic corporate changes under the conditions of developing digital twin management systems	6
<i>Gladkov I. S.</i> Foreign trade relations of the European Union: transformations for the first 20 years of the XXI century (2001—2020)	17
<i>Glebov A.L., Knekht N.P.</i> Mathematical modeling with uncertainty in microelectronics	31
<i>Lukicheva L.I., Alatorseva O.A., Egorycheva E.V., I.A. Vendina</i> Intellectual assets in the integrated management of knowledge-intensive enterprises	35

Philosophy: Universe in Man and Man in Universe

<i>Andriyenko E.V., Gorbacheva I.M.</i> Being and self-development of a personality in social and cultural space	45
<i>Galakhtin M.G., Stepanov V.A.</i> Social Integration of Refugees in the European Union (based on the Spanish experience)	51
<i>Kovalev A.A.</i> Mediation in conflicts: some theoretical and methodological aspects	59
<i>Ksenofontov V.A.</i> Problems of ensuring national security	67
<i>Morozov M.Y.</i> Freedom and necessity from the perspective of the fractality concept	77
<i>Mushta A.A., Rastimehina T.V.</i> Transformations of the national security concepts of Belarus and Russia and historical policy: substantive aspects	87
<i>Ogorodov D.A.</i> The ideology of nationalism and sports	100
<i>Oleynik S.P., Matyna L.I.</i> International business project and competence profile of the project management team (part 2)	108
<i>Ravochkin N.N., Bobrikov V.N., Shchennikov V.P., Rakhinsky D.V.</i> Institutional issues in the mirror of social philosophy. A review of current research	115
<i>Ryzhov O.A.</i> New Military Doctrine of the Russian Federation: To Methodological Inaccuracies of Concepts	129
<i>Udalova L.V., Gorshkova S.E., Meshcheryakova L.Ya.</i> Tolerance as a socially significant value	138
<i>Fazlzianova G.I., Solovieva S.A., Shigorina V.N.</i> Design philosophy: modern aspects of integrated packaging design	148

Pedagogical coordinate system education, upbringing, human development

<i>Sokolova T.Y., Fazlzianova G.I.</i> Research of methods of simulation computer modeling and visualization of complex technological processes at the Department of Engineering Graphics and Design of NRU MIET	155
--	-----

Personality. Society. State

<i>Baranov V.V., Berkutov A.S.</i> New tasks of the Police in the years the Great Patriotic war	160
<i>Nazarov S.A.</i> Corporate tax culture and changes in the tax loyalty of the population: the pandemic effect	170

Information

For the Authors	178
Ethical Norms of Publishing	180

ЭКОНОМИКА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ECONOMICS OF INNOVATION-DRIVEN GROWTH: THEORY AND PRACTICE

УДК 658:005.7+001.895

DOI: 10.24151/2409-1073-2021-3-6-16

*Учение без размышления бесполезно,
Но и размышление без учения опасно.
Конфуций*

Стратегические корпоративные изменения в условиях развития цифровых двойников управления компаниями

Ю.П. Анискин

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

anisk@mail.ru

Рассматриваются ключевые постулаты менеджмента компании, стратегические изменения в управлении деловой активностью бизнеса. Последовательно разворачиваются закономерности поведения бизнеса, условия достижения эффективности бизнеса и ограничения функционирования, задачи макро- и микроуправления, принципы централизации и децентрализации управления, методы оценки результативности стратегии изменений, организационные механизмы действия корпоративной системы в условиях инновационных преобразований. Обосновывается необходимость использования цифрового двойника системы управления для решения плановых задач и соблюдения пропорций и соотношений на различных фазах цикла развития компании.

Ключевые слова: цифровой двойник управления, стратегические изменения, корпоративное управление, топ-менеджмент, постулаты менеджмента, деловая активность, эффективность бизнеса, механизмы управления, дерево целей, фазы развития компании, централизация, децентрализация, инновационная привлекательность.

Strategic corporate changes under the conditions of developing digital twin management systems

Y.P. Aniskin

National Research University of Electronic Technology, Moscow

anisk@mail.ru

The key postulates of company management, strategic changes in business activity management are considered. Regularities of business behavior, conditions of achievement of business efficiency and limitations of functioning, tasks of macro- and micro-management, principles of centralization and decentralization of management, methods of evaluation of effectiveness of strategy of changes, organizational mechanisms of corporate system action in conditions of innovative transformations are consistently deployed. The necessity of using a digital twin of the management system for solving planning tasks and compliance with proportions and ratios at different phases of the company's development cycle is substantiated.

Keywords: digital twin management, strategic change, corporate governance, top management, management postulates, business activity, business efficiency, management mechanisms, goal tree, company development phases, centralization, decentralization, innovative attractiveness.

Под постоянным прессингом текущих проблем менеджеры вынуждены идти на компромиссы, которые ограничивают поиск лучших финансовых результатов и новых возможностей развития, которые закладываются в стратегические решения. При этом краткосрочные решения могут повысить финансовую устойчивость компании на определенный период, однако при этом, как правило, структура активов претерпевает негативные изменения и, как следствие, снижается экономическая стоимость компании.

Наличие противоречий между текущими и стратегическими решениями требует сбалансировать деловую активность компании путем создания механизма управления с учетом необходимых стратегических изменений. При создании такого механизма необходимо учитывать закономерности поведения бизнеса: при возмущении, вызванном различными воздействиями; при несоблюдении экономических пропорций и соотношений; при несбалансированности ключевых видов деятельности и других влияющих факторах. Использование этих закономерностей будет способствовать созданию цифрового двойника управления деловой активностью компании. Для достижения этой цели необходимы определенные (известные) постулаты менеджмента.

Постулаты менеджмента развития. *Постулаты менеджмента — это совокупность установленных на основе многолетних исследований и практического опыта правил*

(положений) ведения (управления) бизнеса, обеспечивающих при определенных условиях и ограничениях устойчивость компании. Результативность управления компанией зависит не только от искусства конкретных личностей, но и от соблюдения совокупности рациональных правил и экономических пропорций взаимодействия ключевых видов деятельности бизнеса.

Как правило, функционирование любого бизнеса осуществляется в заданных условиях и при ограничениях, вызванных действующим общеэкономическим законодательством, которое содержит правовые нормы ведения хозяйственной деятельности по направлениям: бюджетное, налоговое, трудовое, земельное, антимонопольное, экологическое, внешнеторговое, валютное и другие. Многочисленные условия и ограничения ведения бизнеса ориентируют на создание комплекса целенаправленных механизмов, управляющих бизнес-процессами и обеспечивающих конкурентоспособность и финансовую устойчивость бизнеса.

Функционирование бизнеса осуществляется на уровнях макро- и микроуправления. Основной задачей на макроэкономическом уровне управления является организация межотраслевого взаимодействия при выполнении целевых программ развития страны. Макроэкономическое управление взаимодействием отраслей экономики страны создает предпосылки для поддержки процессов формирования и развития конкурентной среды.

Поддержка отраслей предполагает следующие правила:

- 1) ограниченность сроков поддержки;
- 2) различная дозировка поддержки — в зависимости от уровня и значимости решаемых задач;
- 3) периодическое обновление набора отраслей, имеющих право на льготы;
- 4) создание равных возможностей для инновационного развития отраслей.

Взаимодействие государства и частного сектора экономики в плане товарно-денежных отношений строится на *праве контракта*. Право обеспечивает согласованную обоими сторонами свободу выбора партнеров, сроков, условий оплаты и т.п., а так же свободу отказа от сделки.

Важной задачей государственных органов управления является создание *благоприятных условий* для свободной конкурентоспособной деятельности компаний. Это *обеспечение равноправного экономического партнерства и самостоятельности взаимодействия* для субъектов экономических отношений.

Устойчивость текущего экономического состояния страны зависит от наличия стратегических целевых ориентиров в последовательном развитии ключевых отраслей экономики. Достижение стратегических целей гарантируется текущим макроэкономическим управлением процессами достижения результатов развития (1—3 года). С точки зрения макроэкономического управления *важным условием достижения эффективной результативности является обеспечение рационального соотношения между принципами централизации и децентрализации управления. Диспропорции между данными принципами ослабляют результативность деятельности*, ведут к ее децентрализации.

Вместе с тем централизация управления предполагает концентрацию решения на уровне топ-менеджмента и делегирование конкретных прав среднему (функциональному) и нижнему (линейному) уровням ме-

неджмента — предоставление самостоятельности в рамках выполнения функциональных полномочий. Наиболее характерен *принцип централизации управления* для крупных компаний или корпоративных объединений. Однако, как известно, чрезмерная степень централизации управления снижает потенциальные возможности менеджмента в достижении эффективных решений. В частности, нивелируются предпринимательские *свойства компании* как движущей силы бизнеса и создаются условия для таких свойств, как *инерционность реакции* на появление инноваций и новых потребностей рынка, *рост бюрократических процедур* в принятии и оформлении решений (как внешних, так и внутренних), *несбалансированность темпов осуществления ключевых* видов бизнес-деятельности в ходе реализации целевых установок. К ключевым видам деятельности бизнеса относятся взаимодействующие процессы: производственные, инновационные, финансовые, маркетинговые, инвестиционные, трудовые, экономические (управление материальными ресурсами), интеллектуальные.

Принцип децентрализации управления способствует расширению самостоятельности функционального уровня менеджмента, исполнению решений в пределах своих полномочий и ресурсных ограничений. Использование данного принципа повышает динамичность бизнес-процессов и снижает негативные последствия чрезмерной централизации. Однако *чрезмерная децентрализация управления* может привести к ненужной конкуренции внутри компании на рынке дефицитных ресурсов, а также нарушить сбалансированность взаимодействия ключевых направлений деятельности.

Поскольку между принципами управления всегда возникают диалектические противоречия, *специальные механизмы соблюдения экономических пропорций и соотношений* необходимы для решения плановых задач. Совокупность специальных механизмов составляет структурную основу цифрового

двойника системы управления деловой активностью компании, а по мере развития — искусственный интеллект управления компанией, который формирует плановые решения с учетом соблюдения установленных экономических пропорций и соотношений и сбалансированности ключевых видов деятельности [1].

Появлению противоречий в стратегических изменениях при взаимодействии ключевых видов деятельности бизнеса на различных этапах развития компании способствует высокая степень неопределенности ведения бизнеса. В результате в практической деятельности бизнеса действует закон единства и борьбы противоположностей.

Закон единства связан с необходимостью соблюдения сбалансированности и согласованности взаимодействия ключевых видов деятельности при достижении целей развития.

Борьба противоположностей обусловлена стремлением к сокращению противоречий и снижению степени неопределенности в процессах взаимодействия с целью найти приемлемые решения. Таким образом, *за уменьшением диспропорций бизнеса следует сохранение финансовой устойчивости компании.*

Ярким примером действия законов диалектики в бизнесе является реализация программы инновационного развития компании. С одной стороны, *инновации — позитивное явление развития бизнеса, источник большого объема инвестиций, но с другой — причина дополнительных (повышенных) усилий и затрат на реализацию этапов инновационного цикла.*

В современных условиях рост уровня неопределенности и сложности управления бизнесом по мере развития отраслей экономики становится объективной предпосылкой для разработки и использования цифровых моделей управления деловой активностью компаний. Модели позволяют повысить аналитический уровень решений, обоснованность, объективность и эффективность управленческих воздействий.

В результате цифровизации разница между планируемым (желаемым) состоянием и действительным минимизируется.

Реализация стратегии изменений требует оценки их результативности. Для этой цели имеются три возможных методических подхода.

I. Оценка причинно-следственной связи стратегических изменений. Внимание концентрируется на следующих аспектах управления:

- *объективность причины* — повод для разработки стратегии изменений;
- *выбор ключевого направления* — группировка изменений, необходимых и для других целей развития;
- *анализ* технических, организационно-экономических и других *последствий* от реализации изменений;
- *готовность компании к реализации изменений.*

II. Оценка актуальности цели и качества изменений.

Здесь важным является уровень компетентности специалистов, оценивающих необходимость изменений, а также тех, для кого проводится оценка.

III. Оценка влияния изменений на эффективность деловой активности компании. Данный подход включает:

- выявление эффектов от реализации изменений (основные виды эффектов: технические, организационно-экономические, имиджевые, социально-психологические);
- анализ соблюдения интересов менеджмента на разных уровнях и заинтересованности работников в результатах изменений;
- оценка предполагаемой эффективности функционирования компании после реализации изменений.

В рамках корпоративного управления компанией доминируют такие требования к самостоятельным бизнес-структурам, как ориентация на быструю адаптацию к изменениям (внутренним и внешним), на рост

инновационной активности и повышение деловой активности. При этом *возникает необходимость создания целенаправленных стратегических центров развития (СЦР)* по ключевым направлениям бизнеса компании. Подобные центры призваны повышать уровень децентрализации управления компанией при достижении корпоративных целевых ориентиров, чтобы *сохранить предпринимательские свойства компании*.

Современные темпы развития информационных технологий способствуют модернизации классических вертикальных и горизонтальных организационных структур компании путем перехода к сетевым структурам, где возникают перекрестные отношения. На смену установленному иерархическому подчинению приходит адаптивная система руководства, позволяющая самостоятельно осуществлять поиск путей решения общих стратегических задач компании в рамках выполняемых функций, условий и ограничений. В сетевом управлении возможен кластерный подход к интеграции участников крупных проектов или программ развития. ***Сетевое управление и кластерный подход значительно снижают оперативную нагрузку топ-менеджмента, в результате выделяется больше времени для решения перспективных задач.***

Технической основой сетевого управления является *инфраструктура информационного обеспечения, в сочетании с цифровым двойником системы управления деловой активностью компании*. Цифровой двойник — это компьютерно-программный механизм, имитирующий реакцию реального объекта на целенаправленное воздействие. В программное обеспечение заложены причинно-следственные связи между факторами воздействия и закономерностями в поведении объекта в заданных условиях функционирования. Использованию цифровых двойников управления сопутствует смещение акцента менеджмента — от навыков и административных приемов на экономические

закономерности использования ресурсов в различных фазах цикла развития компании. Данный постулат менеджмента обладает высокой актуальностью для корпоративного управления интегрированными компаниями с большими масштабами деятельности. Однако это не исключает наличия стратегического мышления в компетенциях топ-менеджмента в условиях низкой предсказуемости поведения внешней среды и сложности практического использования классических математических методов операционных исследований в неравновесных и рискованных ситуациях.

Важным условием эффективного функционирования корпоративного менеджмента является устранение *противоречий между ориентацией на полезность потребительских благ и требованиями эффективного использования ресурсов*. Например, крупные авиакомпания снижают удельные затраты на полет, но при этом интервалы между рейсами растут за счет сокращения количества рейсов, так как уменьшается полезность потребительских благ. Подобные противоречия возникают почти на всех фазах цикла развития компании (насыщение, спад, кризис), поэтому *необходимо иметь специальный механизм для определения допустимых экономических пропорций в процессе принятия решений*.

Осуществление инновационных преобразований предполагает знание *степени восприимчивости компании к новациям*. Чем сложнее инновационные изменения, тем ниже *степень восприимчивости к новации* — это аксиома управления. Чтобы повысить степень восприимчивости к изменениям и активизировать их осуществление, требуется декомпозиция сложной задачи в ряд простых и понятных заданий. Известным инструментом для выполнения этой операции служит метод построения «дерева целей». Метод представляет собой многоуровневую дифференциацию сложной задачи на ряд простых заданий, предполагающих соподчиненность.

Для каждого нижнего уровня дерева целей задачи верхнего уровня являются «целевым ориентиром», а главные (генеральные) цели располагаются на самом верхнем, первом уровне дерева. *Формирование дерева целей осуществляется в рамках специального механизма по организационно-экономическому сопровождению программы развития компании* [1]. Наличие такого механизма повышает динамичность реализации корпоративных изменений. На основе «дерева целей» строится «дерево решений», которое включает варианты возможных решений и способствует выбору наиболее приемлемого из них. При этом учитывается специфика целей: цели развития бизнеса; экономические цели; цели потребительского качества продукции; научно-технические цели; цели функционирования управления и др.

Цели стратегических корпоративных изменений выполняют специальные функции:

- *определяют направления* развития бизнеса;
- *концентрирует усилия* в конкретной среде;
- *предопределяют основные действия*;
- *определяют приоритет* задач и значимость подразделений и бизнес-структур;
- *задают уровни оценок* результата.

При выполнении специальных функций цели должны быть:

- однозначными (univocal);
- измеряемыми (measurable);
- реальными и достижимыми при известных условиях (realistic);
- определенными по времени (time bounded);
- понятными исполнителям.

Наконец, цели стратегии изменений задаются с учетом:

- объема работ;
- сроков выполнения;
- квалификации специалистов;
- потенциальных возможностей компании.

Ответственность за достижение цели должна «пронизывать» все уровни управле-

ния. Каждая цель требует своего набора действий для ее достижения, это необходимо учитывать при разработке цифрового двойника управления. Например, *цели развития бизнеса* направлены на рост потребительских благ и имидж компании, а *экономические цели* связаны с эффективным управлением ресурсами компании. *Дерево целей позволяет уменьшить противоречия между стратегическими и оперативными (текущими) задачами управления — повысить предпринимательские свойства компании.*

Сложность реализации стратегических изменений обусловлена необходимостью учета взаимодействия функциональных стратегий развития в этот период. К функциональным стратегиям относятся: ресурсные (экономические), инвестиционные, технические, финансовые, маркетинговые, трудовые и другие, связанные с ключевыми видами деятельности бизнеса.

Таким образом, *инновационные преобразования требуют создания портфеля стратегических функциональных новаций, взаимодействие которых обеспечивает синергетический эффект деятельности компании.* Однако появление диспропорций в темпах осуществления ключевых видов деятельности резко снижает эффективность программы развития и уровень деловой активности бизнеса. В этом случае цифровой двойник системы управления деловой активностью дает возможность планировать приемлемые условия, близкие к сбалансированности ключевых видов деятельности с учетом реальных ограничений. Это обусловлено тем, что в цифровые модули заложены причинно-следственные связи взаимовлияния ключевых видов деятельности и постулаты менеджмента, используемые в планировании, в управлении деловой активностью компании.

В классических, традиционных подходах менеджмента рассматриваются объективные условия сбалансированной деятельности и интерпретация этих условий субъектами, принимающими решения. Такая стратегия

всегда чревата противоречиями, особенно когда существует высокая степень неопределенности внешней среды.

С помощью цифрового двойника варианты решений формируются на базе действующих экономических пропорций и закономерностей ведения бизнеса, что повышает объективность решений. Однако это не исключает коррекции решений топ-менеджментом на основании других критериев. В этом случае на выходе программы цифрового двойника можно получить величину ожидаемых потерь или приобретений от скорректированных воздействий — и принимать окончательное решение.

Объективная трудность в осуществлении стратегических решений возникает при учете цикличности экономики на различных фазах развития компании — рост, насыщение/спад (рецессию), кризис (депрессию). Каждая фаза развития имеет отличительные признаки, обусловленные совокупностью объективных причин и условий, именно с учетом этих признаков строятся управляющие воздействия. Поскольку неопределенность результатов стратегических решений высокая, среди предпринимателей бытует мнение, что в условиях турбулентности внешней среды нет смысла разрабатывать стратегию компании. Вместе с тем многолетние исследования факторов стратегического развития экономики в условиях роста инновационной активности и практическая деятельность научной школы [2] показывают обратное: чем выше неопределенность и быстрее, импульсивнее динамика внешней среды, тем актуальней разработка целевой стратегии развития компании на долгосрочный период. Стратегия выполняет роль «каната», держась за который можно в «буран» уверенно идти до заданной точки.

Как известно, потенциальные возможности корпоративных бизнес-единиц при выполнении ключевых видов деятельности различны, поэтому возникают трудности с обеспечением их сбалансированного взаимо-

действия. Поэтому должна проводиться корпоративная работа по выравниванию потенциалов ключевых видов деятельности, так как диспропорции приводят к несоблюдению основополагающих принципов управления развитием компании [2]:

- *своевременность* выполнения заданий;
- *сбалансированность* взаимодействия ключевых видов деятельности;
- *экономичность и прогрессивность* решений;
- *пропорциональность* нагрузки;
- *финансовая устойчивость* в переходный период развития.

В процессе инновационного развития всегда возникают противоречия между нововведениями и стремлением компании к сохранению устойчивости и целостности.

Цифровой двойник системы управления деловой активностью позволяет *уменьшить противоречия между целевой программой и возникающими при достижении целевых установок барьерами и условиями деградации*. Чтобы реализовать комплекс плановых работ и управлять множеством взаимодействующих структур, необходим *системный организационный интегратор* (СОИ), а именно совокупность модулей управления потенциалами компании для достижения целей развития. СОИ подробно описан в учебнике для магистров по направлению «Менеджмент» [1]. Главное функциональное назначение СОИ — формирование совокупности плановых заданий по достижению целей развития на основе сбалансированности взаимодействия бизнес-структур компании и с учетом их потенциальных возможностей в заданных условиях, ограничениях при соблюдении экономических пропорций и соотношений в процессе выполнения ключевых видов деятельности. Основные плановые установки на выходе СОИ вводятся в базы данных цифрового двойника системы управления деловой активностью компании. Работа и функции цифрового двойника подробно изложены в учебнике по теоретическим основам управления деловой активностью компании [6].

Сложность корпоративного управления при решении задач ключевых видов деятельности обусловлена неоднородностью потенциальных возможностей самостоятельных бизнес-единиц компании. Это означает, что уровень прогрессивности нематериальных и трудовых ресурсов технологической базы неодинаковый: разный уровень долговых обязательств и финансовых (инвестиционных) возможностей, компетенции и опыта ведущих специалистов, социально-психологического климата в коллективах и т.п.. По причине неоднородности потенциалов первоочередная *задача менеджмента — выравнивать потенциальные возможности бизнес-структур* в целях реализации стратегии изменений компании.

Эффективное управление бизнес-организациями интегрированной компании предполагает ежегодное *формирование консолидированного корпоративного бюджета*, который включает:

- бюджет текущей (годовой) деятельности;
- бюджет финансовой поддержки — для выравнивания потенциалов бизнес-единиц;
- инвестиционный бюджет — для целевого инвестирования точек роста и развития;
- социально-мотивационный бюджет — для поддержки творческой активности и удовлетворения социальных интересов работников.

Главной функцией головной (управляющей) компании является создание условий для сбалансированного взаимодействия бизнес-структур при достижении целей развития. Сигналом к стратегическому преобразованию для компании служит усиление противоречий между действующей корпоративной системой и потребностями пользователей, которые растут, а также условиями конкуренции на рынках товара, которые изменяются.

Не подлежит сомнению, что главная задача текущего функционирования компании — это обеспечение платежеспособности действующей системы и, как следствие, сохранение устойчивого равновесного состояния, а цель стратегических изменений и нововве-

дений заключается в повышении потенциальных возможностей и деловой активности компании.

В переходный период реализации этапов развития нарушается равновесное состояние, устойчивость системы. Нарушение объективно приводит к снижению деловой активности и ухудшению экономического потенциала компании, особенно в условиях появления целевых противоречий. Восстановление равновесия производственных отношений и связей на достигнутом качественном уровне путем нововведений требует больших объемов инвестиций и организационных усилий. Известно, что объем привлекаемых инвестиций зависит от уровня инвестиционной привлекательности компании, которая, в свою очередь, меняется под воздействием внутренних и внешних факторов. Различают понятия *абсолютной* и *относительной* инвестиционной привлекательности компаний. *Абсолютная привлекательность* характеризуется величиной конкретных экономических показателей и эффективностью. *Относительная привлекательность* предполагает наличие баз для сравнения с показателями конкурентов, с нормативами качества и др. В корпоративной системе главными факторами, детерминирующими инвестиционную привлекательность, являются: платежеспособность, финансовая устойчивость и достаточная стоимость компании. *Выбор инвестора и форм господдержки зависит от целей стратегии изменений и состояния компании*. Различные группы инвесторов — инвесторы-новаторы, имитаторы, консерваторы — отличаются целями и подходами к инвестированию.

Уровень инвестиционной активности компании оценивается цифровым двойником с помощью соответствующего индекса, который характеризует динамику изменения темпов инвестиционной деятельности в установленном периоде при заданных условиях.

Поскольку периоды развития осуществляются с определенной цикличностью, индекс инвестиционной активности изменяется

в зависимости от вида экономического цикла («волны») — *длинный, средний, короткий* — и фаз развития: *рост, насыщение, спад, кризис*. Каждая волна имеет отличительные признаки, параметры и характеристики, которые должны учитываться в инвестиционных решениях. Особое отношение к таким решениям — в наукоемких компаниях. К наукоемким следует относить бизнес-структуры, выпускающие с регулярной интенсивностью инновационную продукцию на высокотехнологичной платформе производства. Наукоемкой считается продукция, которая до промышленного (серийного) выпуска прошла все стадии инновационного цикла, в том числе прикладные научные исследования (НИР), опытно-конструкторскую разработку (ОКР), подготовку производства (ПП) и освоение промышленного выпуска (ОС). В мировой практике затраты на НИОКР в наукоемких компаниях составляют 8—11 % от объема выпуска товарной продукции. Интенсивность освоения выпуска инновационной продукции зависит от отраслевой специфики изделий, длительности производственного цикла и выделяемой мощности. Наукоемкий (интеллектуальный) труд характеризуется использованием прогрессивных методов и современного инструментария для разработки новых знаний, методик, технологий и инновационной продукции. Высокая наукоемкость инновационного развития, свойственная высокотехнологичным компаниям, требует специфического управления деловой активностью, особенно в период стратегических изменений. К особенностям управления этапами инновационного цикла развития относятся [1]:

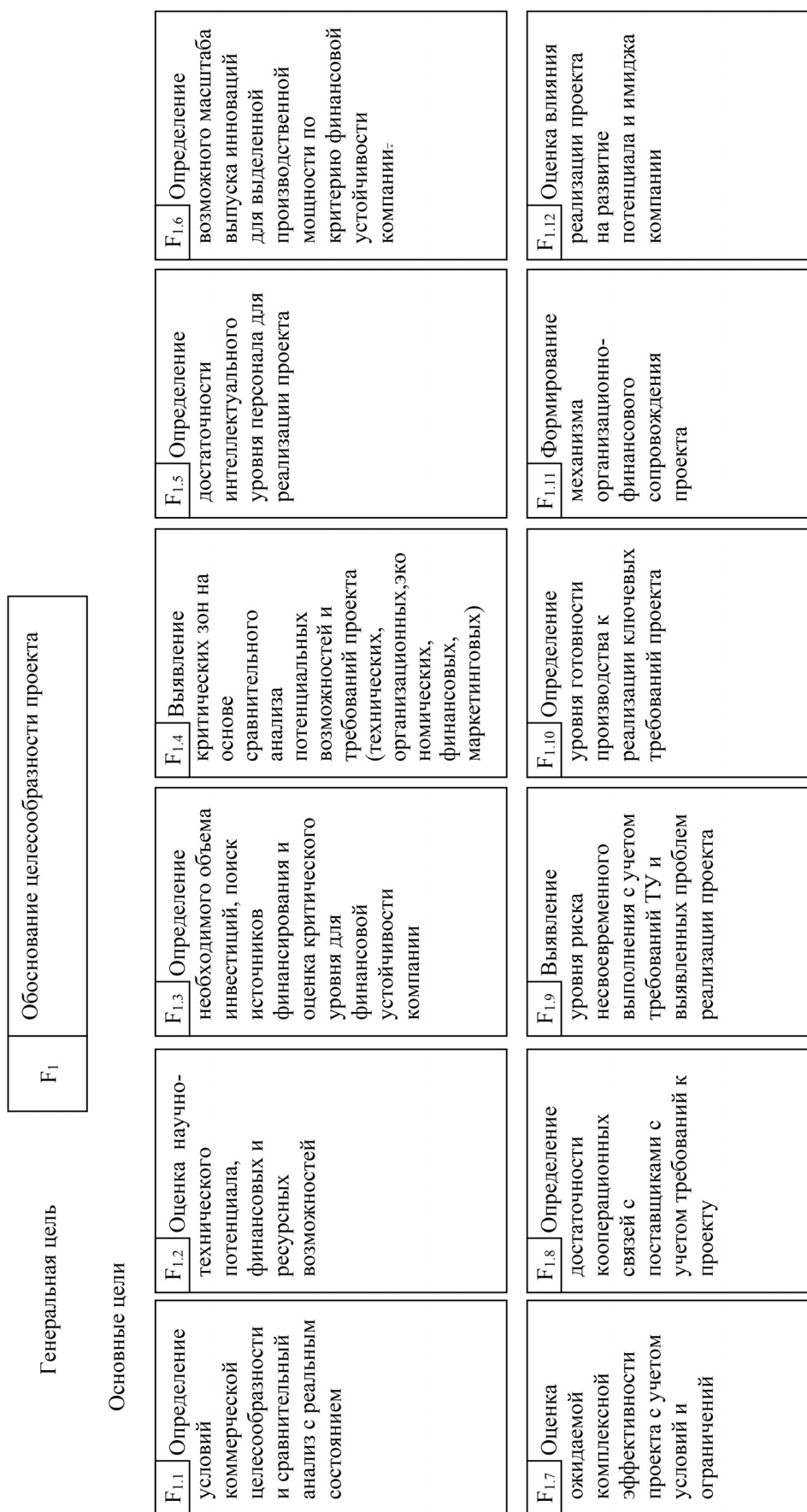
- высокая степень неопределенности планируемых результатов — повышает уровень хозяйственного риска и требует дополнительных затрат;
- нарушение экономического равновесия производства — из-за несоблюдения экономических пропорций и соотношений темпов выполнения ключевых видов дея-

тельности — приводит к неравновесному состоянию в переходный период и, как следствие, к финансовой неустойчивости компании;

- объективное появление дополнительных инвестиционных затрат — в связи с компенсацией повышенных расходов;
- трудность формирования сбалансированного взаимодействия участников инновационного цикла, поскольку нет согласованности действий в ключевых видах деятельности;
- сложность обеспечения непрерывности цепочки создания инновационной ценности продукта;
- необходимость мотивации деятельности персонала в неравновесных условиях посредством эффективного механизма;
- наличие специфики расчета эффективности инноваций.

Существуют и отраслевые особенности инновационного развития. Например, в нано- и микроэлектронике каждый переход на новый уровень точности планарной технологии осуществляется на новой технико-технологической платформе производства микросхем (чипов), что требует соответствующих организационно-экономических и финансовых механизмов управления развитием и создания новой полупроводниковой фабрики, стоимость которой последовательно увеличивается.

Ключевое требование к менеджменту учитывает особенности управления наукоемкой компанией и необходимость периодического осуществления стратегических изменений, поэтому состоит в повышении уровня обоснованности принимаемых решений. Это довольно трудная задача, которую необходимо выполнить в подготовительный период принятия стратегического решения, что подтверждает схема функциональной модели, предназначенной для обоснования целесообразности стратегии изменений согласно инновационному проекту (см. схему).

Модель обоснования целесообразности стратегического инновационного проекта

Создание цифрового двойника управления деловой активностью компании позволит повысить обоснованность, эффективность принимаемых решений и прогнозирующую способность корпоративного менеджмента. Однако по мнению профессионального эксперта М. Фрибмена, «достоинство модели определяется не соответствием ее предпосылок действительности, а прогнозирующей способностью»¹.

Библиографический список

1. **Анискин Ю.П.** Управление деловой активностью бизнеса: учебник для магистратуры. М.: ВАШ ФОРМАТ, 2020. 404 с.
2. **Анискин Ю.П.** Факторы стратегического развития экономики в условиях роста инновационной активности // Экономические и социально-гуманитарные исследования. М.: МИЭТ, 2018. № 2(18). С. 12—16.
3. Управление изменениями в современных компаниях: монография / Под общ. ред. Р.М. Нижгородцева, С.Д. Резника. Гл. 3. М.: ИНФРА-М, 2018. 263 с.
4. Управление инновационной активностью в период развития компании // Менеджмент в XXI веке. Проблемы, приоритеты и перспективы: научные труды. Выпуск XX. М.: Международная академия менеджмента. 2016. С. 119—127.
5. **Анискин Ю.П.** Исследование цикличности деловой активности и ее влияние на экономику предприятия: отчет НИР / Ю.П. Анискин, Н.К. Моисеева, М.В. Коньшева. Гос. рег. № 01200207914. М.: МИЭТ, 2004. 107 с.
6. **Анискин Ю.П.** Теоретические основы управления деловой активностью компании. М.: ВАШ ФОРМАТ, 2021. 236 с.

Поступила 01.07.2021

Анискин Юрий Петрович — доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, менеджмента и финансов Нацио-

нального исследовательского университета «Московский институт электронной техники» (Россия, 124498, г. Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, 1), anisk@mail.ru

References

1. Aniskin Ju.P. Upravlenie delovoj aktivnost'ju biznesa: uchebnik dlja magistratury. M.: VASh FORMAT, 2020. 404 s.
2. Aniskin Ju.P. Faktory strategicheskogo razvitiya jekonomiki v uslovijah rosta innovacionnoj aktivnosti [FACTORS OF STRATEGIC DEVELOPMENT OF THE ECONOMY UNDER CONDITIONS OF INNOVATIVE ACTIVITY GROWTH] // Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovanija. M.: MIJeT, 2018. № 2(18). S. 12—16.
3. Upravlenie izmenenijami v sovremennyh kompanijah: monografija / Pod obshh. red. R.M. Nizhegorodceva, S.D. Reznika. M.: INFRA-M, 2018. 263 s.
4. Upravlenie innovacionnoj aktivnost'ju v period razvitiya kompanii // Menedzhment v XXI veke. Problemy, priority i perspektivy: nauchnye trudy. Vypusk XX. M.: Mezhdunarodnaja akademija menedzhmenta. 2016. S. 119—127.
5. Aniskin Ju.P. Issledovanie ciklichnosti delovoj aktivnosti i ee vlijanie na jekonomiku predprijatija: otchet NIR / Ju.P. Aniskin, N.K. Moiseeva, M.V. Konysheva. Gos. reg. № 01200207914. M.: MIJeT, 2004. 107 s.
6. Aniskin Ju.P. Teoreticheskie osnovy upravlenija delovoj aktivnost'ju kompanii. M.: VASh FORMAT, 2021. 236 s.

Submitted 01.07.2021

Aniskin Yu. P., Doctor of Economics Sciences, Professor, Department of Economics, Management and Finance National Research University of Electronic Technology (MIET) (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, pl. Shokina, 1), anisk@mail.ru

¹ Цит. по: Привалов В. В. Создание инвестиционного механизма экономического развития интегрированных корпоративных структур : диссертация канд. экон. наук. Москва, 2000. 180 с.

**Внешнеторговые связи Европейского Союза:
трансформации за первые 20 лет XXI века
(2001—2020 гг.)**

И.С. Гладков

Российская академия наук, Москва, Россия

professorgis@rambler.ru

Рассмотрены наиболее важные изменения в динамике внешнеторгового товарооборота Европейского Союза, как ведущего коллективного субъекта современной международной торговли, впервые на протяжении первых двух десятилетий XXI века. Показаны сдвиги в позициях Евросоюза в системе общемирового товарного обмена в контексте изменявшегося численного состава группировки. Проанализированы тренды в географической структуре экспортно-импортной деятельности ЕС вне блока, включая внешнеторговые связи с Российской Федерацией. Выявлены основные перемены в товарной композиции вывоза и ввоза продукции за пределами этого интеграционного объединения. Сделаны выводы о том, что, несмотря на проявившиеся за двадцатилетний период масштабные вызовы и кризисы, Европейскому Союзу удавалось сохранять лидирующее положение в глобальной торговле на основе продуманной и гибкой внешнеторговой политики. Использована методология сравнительного и статистического анализа на базе новейших статистических материалов, ряда официальных и многочисленных расчетных авторских данных, вводимых в российский научный оборот впервые.

Ключевые слова: международная торговля, внешняя торговля, товарный экспорт, товарный импорт, внешнеторговый оборот, внешнеторговый баланс, санкции, кризис, новая вирусная инфекция, Европейский Союз (ЕС), Германия, Нидерланды, Италия, Франция, Великобритания, Швейцария, Норвегия, Китай, США, Российская Федерация, Япония, Республика Корея.

**Foreign trade relations of the European Union:
transformations for the first 20 years of the XXI century
(2001—2020)**

I. S. Gladkov

Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

professorgis@rambler.ru

The most important changes in the dynamics of foreign trade turnover of the European Union, as the leading collective subject of modern international trade, are considered for the first time during the first two decades of the XXI century. The shifts in the positions of the European Union in the system of global commodity exchange in the context of the changing numerical composition

of the grouping are shown. The trends in the geographical structure of the EU's export-import activities outside the bloc, including foreign trade relations with the Russian Federation, are analyzed. The main changes in the commodity composition of export and import of products outside of this integration association are revealed. The conclusions are drawn that, despite the large-scale challenges and crises that have manifested themselves over the twenty-year period, the European Union has managed to maintain a leading position in global trade thanks to its well-thought-out and flexible foreign trade policy. The methodology of comparative and statistical analysis is used on the basis of the latest statistical materials, a number of official and numerous calculated author's data introduced into Russian scientific circulation for the first time.

Keywords: international trade, foreign trade, commodity exports, commodity imports, foreign trade turnover, foreign trade balance, turbulence, sanctions, crisis, new viral infection, the European Union, Germany, the Netherlands, Italy, France, the United Kingdom, China, the USA, Russian Federation, Japan, Republic of Korea.

На первые два десятилетия XXI века в системе мирового хозяйства и международного обмена пришлось немалое число разнообразных неурядиц, катаклизмов и конфликтов, которые могли носить различный характер, иметь объективные и не слишком объективные причины и поводы. После довольно «оптимистичного» подъема в начале столетия, завершившегося с мировым финансово-экономическим кризисом 2009 г., проявилось довольно заметное снижение конъюнктуры международных товарных рынков в 2013—2016 гг. На посткризисном этапе происходило развертывание и прочих негативных тенденций (см.: [1; 2; 3; 4; 5]). К ним эксперты относят нарастание во многих странах неопротекционистских настроений и действий, что на практике вело к попыткам создания, в обход правил ВТО, сепаратных торговых альянсов с применением более высоких стандартов и требований к избранному числу стран-участниц (среди них, в частности, Транстихоокеанское партнерство, ТТП; Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство, ТТИП), а также распространение практики санкционных мероприятий в отношении партнеров-конкурентов (восточноевропейских стран, включая Беларусь и Россию) с целями их вытеснения «на периферию» мирового товарного обмена и ослабления перспектив устойчивого экономического развития.

При этом инициатором санкционного давления на традиционных контрагентов во многих случаях выступало крупнейшее в мире интеграционное объединение — Европейский Союз (особенно активно после «крымской весны» 2014 г.).

К продолжавшимся неурядицам с 2020 г. добавилась неожиданная и масштабная диссеминация новой вирусной инфекции, предопределившая необходимость принятия серьезных защитных мер на глобальном уровне вплоть до локдауна. Но ограничительные меры вели к резкому снижению по всему миру хозяйственной активности, кризисным проявлениям и падению основных экономических показателей. Так, по данным МВФ, производство общемирового валового продукта «просело» в 2020 г. на 3,3% (см.: [23; 24; 25]). Новейшие оценки МВФ и группы Всемирного банка предполагают, тем не менее, компенсирующий мировой рост на 5,65%—6,0% в 2021 г. Если это реализуется, такие данные окажутся самыми высокими темпами роста после рецессии за последние 80 лет (см.: [21; 27]). Подобные прогнозы отражают вероятность резкого отскока в ряде крупных экономик, хотя проблемы с вакцинацией в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах продолжают оказывать давление на повышение экономической активности.

Следует констатировать, что все вышеназванные явления и процессы не могли не оказывать в ситуации нарастающей турбулентности негативного, тормозящего воздействия на динамику международного товарного обмена [7; 8; 11], включая внешнеторговые связи многих ведущих ее субъектов.

К ним относится, прежде всего, Европейский Союз, выступающий как крупнейший в мире коллективный участник международной торговли. Его традиционный вклад в мировую торговлю *настолько существенный*, что международные структуры нередко приводят по ее динамике два параметра — как *с учетом полных данных* по экспортной и импортной деятельности ЕС, так и *без учета внутриваловой торговли* Евросоюза.

То есть, принято подразделять весь совокупный объем внешнеторговой активности Европейского Союза на обмен внутри сообщества (the EU Intra-trade) и вне его (the EU Extra-trade), соотношение между которыми обычно показывает флуктуации, но составляет примерно 6:4. Важно иметь в виду, что продуманная внешнеторговая политика ЕС с использованием «эффекта черепахи», меняющего баланс между этими двумя составляющими обмена в связи с переменами во внешней по отношению к блоку среде, позволяла постоянно использовать преимущества торговых связей внутри и вне Союза для достижения оптимальных результатов, поддержания своего первенства в системе современной международной торговли (см.: [6; 9]).

Не менее эффективным средством поддержания своего лидирующего положения в мировом товарообмене для Евросоюза стала реализация планов очередного, пятого по счету, расширения его численного состава по формуле «10 (2004 г.) + 2 (2007 г.) + 1 (2013 г.)» [10]. Поэтому количество стран-членов ЕС постепенно возрастало от 15 до 28.

Как показывают официальные и расчетные авторские данные табл. 1, 2, на долю блока на протяжении первых 2 десятилетий XXI в. (!) приходилась фактически 1/3 стои-

мости международного товарного экспорта и импорта. Но на смену расширениям Европейского Союза пришло его «сужение» после завершившегося в 2020 г. брекзита с выходом из членов ЕС Великобритании, прежде обеспечивавшей примерно 7,0–8,0% совокупного товарного вывоза и свыше 11,0% общего ввоза Союза. С «британской» потерей позиции блока в международном обмене понесли соответствующий урон (см. табл. 1, 2).

Стоит особо отметить, что в табл. 1, 2 приведены расчетные данные с корректировкой обобщенных материалов из официальных источников на реальную численность членов Союза на каждом этапе (с указанием числа стран-членов ЕС на конкретный год). Поэтому рассчитанные параметры вполне можно считать более репрезентативными, чем приводимые в обычной статистике, учитывающей, как правило, формально на протяжении всех 20 лет только составы блока из 15, 27 или 28 стран-членов.

Тем не менее, можно констатировать, что каждый этап расширения ЕС обеспечивал Союзу повышение долевого вклада в общемировые показатели.

Даже на фоне неурядиц и соответствующего синусоидного тренда в динамике глобальной торговли в 2013–2018 гг. Союз в полном составе (28 стран-членов) наращивал свою долю в мировом экспорте с 31,1% до 32,2%, а в импорте — с 30,3% до 31,5% (см. расчеты автора, табл. 1, 2). Но неурядицы 2019 г. закономерно привели к сокращению мировых показателей товарного обмена на 3,0% и более глубокому «проседанию» экспорта ЕС на 3,1%, что несколько снизило долю блока в международном товарном вывозе, до 32,15%. Однако дальнейшее снижение общемирового товарооборота в кризисном 2020 г. на 7,8% и последствия брекзита предопределили падение стоимости товарного экспорта Европейского Союза на 13,4% (!), а закупок ЕС по импорту — на рекордные 17,7% (расчеты автора по данным табл. 1, 2).

Динамика мирового товарного экспорта, 2001–2020 гг. (млрд долл. США, %)

Товарный экспорт	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Мир, всего	6 127,2	6 424,1	7 485,8	9 100,8	10 342,4	11 955,7	13 784,0	15 965,5	12 344,0	14 961,2
Темпы роста, %	-4,07	4,85	16,53	21,58	13,64	15,60	15,29	15,83	-22,68	21,20
В том числе:	ЕС-15	ЕС-15	ЕС-15	ЕС-25	ЕС-25	ЕС-25	ЕС-27	ЕС-27	ЕС-27	ЕС-27
ЕС, всего	2 271,1	2 412,1	2 851,8	3 651,2	3 939,1	4 472,5	5 256,8	5 823,9	4 501,9	4 935,8
ЕС, доля в мире, %	37,07	37,55	38,10	40,12	38,09	37,41	38,14	36,48	36,47	32,99
В том числе:										
ЕС, Intra-trade, всего	1 385,1	1 464,4	1 748,4	2 489,3	2 655,7	3 026,9	3 552,4	3 876,6	2 966,6	3 151,9
Доля в экспорте ЕС, %	60,99	60,71	61,31	68,18	67,42	67,68	67,58	66,56	65,90	63,86
ЕС, Extra-trade, всего	886,0	947,7	1 103,4	1 161,9	1 283,4	1 445,6	1 704,4	1 947,3	1 535,3	1 783,9
Доля в экспорте ЕС, %	39,01	39,29	38,69	31,82	32,58	32,32	32,42	33,44	34,10	36,14

Примечание. Составлено и подсчитано автором согласно статистическим данным: [16; 17; 22].

Динамика мирового товарного импорта, 2001–2020 гг. (млрд долл. США, %)

Товарный импорт	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Мир, всего	6 295,7	6 600,7	7 700,4	9 393,2	10 609,9	12 260,2	14 109,1	16 354,1	12 631,9	15 227,2
Темпы роста, %	-3,92	4,84	16,66	21,98	12,95	15,55	15,08	15,91	-22,76	20,55
В том числе:	ЕС-15	ЕС-15	ЕС-15	ЕС-25	ЕС-25	ЕС-25	ЕС-27	ЕС-27	ЕС-27	ЕС-27
ЕС, всего	2 246,3	2 328,8	2 797,6	3 670,8	4 000,9	4 617,5	5 478,0	6 146,5	4 621,8	5 124,3
ЕС, доля в мире, %	35,68	35,28	36,33	39,08	37,71	37,66	38,83	37,58	36,59	33,65
В том числе:										
ЕС, Intra-trade, всего	1 276,1	1 349,8	1 630,4	2 323,2	2 476,8	2 812,8	3 371,6	3 631,9	2 750,1	2 972,2
Доля в импорте ЕС, %	56,81	57,96	58,28	63,29	61,91	60,92	61,55	59,09	59,50	58,00
ЕС, Extra-trade, всего	970,2	979,0	1 167,2	1 347,6	1 524,1	1 804,7	2 106,4	2 514,6	1 871,7	2 152,1
Доля в импорте ЕС, %	43,19	42,04	41,72	36,71	38,09	39,08	38,45	40,91	40,50	42,00

Примечание. Составлено и подсчитано автором согласно статистическим данным: [16; 17; 22].

Таблица 1

2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Товарный экспорт
17 992,4	18 256,7	18 686,7	18 704,6	16 268,9	15 797,3	17 427,0	19 169,7	18 591,3	17 142,1	Мир, всего
20,26	1,47	2,36	0,10	-13,02	-2,90	10,32	10,00	-3,02	-7,80	Темпы роста, %
ЕС-27	ЕС-27	ЕС-28	ЕС-28	ЕС-28	ЕС-28	ЕС-28	ЕС-28	ЕС-28	ЕС-27	В том числе:
5 819,0	5 535,7	5 808,4	5 882,4	5 108,7	5 109,8	5 595,9	6 170,3	5 978,0	5 175,5	ЕС, всего
32,34	30,32	31,08	31,45	31,40	32,35	32,11	32,19	32,15	30,19	ЕС, доля в мире, %
										В том числе:
3 655,3	3 379,0	3 513,4	3 630,3	3 143,0	3 197,7	3 494,9	3 868,1	3 706,1	3 002,9	ЕС, Intra-trade, всего
62,82	61,04	60,49	61,71	61,52	62,58	62,45	62,69	62,00	58,02	Доля в экспорте ЕС, %
2 163,7	2 156,7	2 295,0	2 252,1	1 965,7	1 912,1	2 101,0	2 302,2	2 271,9	2 172,6	ЕС, Extra-trade, всего
37,18	38,96	39,51	38,29	38,48	37,42	37,55	37,31	38,00	41,98	Доля в экспорте ЕС, %

Таблица 2

2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Товарный импорт
18 246,1	18 403,2	18 747,6	18 800,4	16 448,4	15 965,7	17 680,7	19 562,8	18 996,7	17 469,3	Мир, всего
19,83	0,86	1,87	0,28	-12,51	-2,94	10,75	10,65	-2,89	-8,04	Темпы роста, %
ЕС-27	ЕС-27	ЕС-28	ЕС-28	ЕС-28	ЕС-28	ЕС-28	ЕС-28	ЕС-28	ЕС-27	В том числе:
6 018,2	5 606,9	5 688,1	5 808,2	4 988,1	5 020,7	5 526,2	6 154,8	5 955,2	4 901,6	ЕС, всего
32,98	30,47	30,34	30,89	30,33	31,45	31,26	31,46	31,35	28,06	ЕС, доля в мире, %
										В том числе:
3 473,6	3 187,0	3 330,5	3 443,8	2 983,2	3 026,2	3 310,2	3 660,5	3 489,2	2 771,1	ЕС, Intra-trade, всего
57,72	56,84	58,55	59,29	59,81	60,27	59,90	59,47	58,59	56,53	Доля в импорте ЕС, %
2 544,6	2 419,9	2 357,6	2 364,4	2 004,9	1 994,5	2 216,0	2 494,3	2 466,0	2 130,5	ЕС, Extra-trade, всего
42,28	43,16	41,45	40,71	40,19	39,73	40,10	40,53	41,41	43,47	Доля в импорте ЕС, %

Согласно подсчетам, результатом стало довольно резкое сокращение долевого вклада Евросоюза в глобальный товарный вывоз, до исторического минимума в 2020 г. — 30,2%, а в международный ввоз товаров — до 28,1%.

При этом совокупный товарный экспорт ЕС достиг 5 175,5 млрд долл. США, а общий импорт товаров — 4 901,6 млрд долл. США (что лишь немного превышало соответствующие показатели 2009–2010 гг.).

Однако, несмотря на все негативные тренды последних лет, Евросоюз сохраняет свое лидерство в международной товарной торговле (так как по стоимости вывоза товаров от него отстает вторая по потенциалу группировка — НАФТА, Североамериканская ассоциация свободной торговли в составе США, Канады и Мексики) с показателем в 2020 г. 2 239,4 млрд долл. США (13,1% общемирового экспорта), а в сфере товарного ввоза — 3 195,1 млрд долл. США (18,3%).

Значительное превосходство Европейского Союза состоит не только в превышении данных НАФТА по абсолютным и относительным показателям, но и в том, что ЕС с 2013 г. постоянно добивался активного внешнеторгового баланса на фоне хронически отрицательного сальдо во внешней торговле НАФТА на протяжении всего рассматриваемого периода [16; 22].

Тем не менее, показатели вклада отдельных стран-членов Европейского Союза в совокупные стоимостные параметры внешнего товарооборота блока оказывались различными. К числу наиболее активных экспортеров можно отнести Германию, Нидерланды, Италию, Францию, Испанию и Бельгию, поскольку эти 6 стран входят в группу 20 крупнейших в мире поставщиков товаров, и на них в 2020 г. пришлось 20,4% всей стоимости международного товарного вывоза (или 67,6% аналогичного показателя ЕС).

При этом в сфере мирового товарного ввоза наибольший вклад сделан теми же 6 странами и Польшей, что обеспечило в 2020 г. 20,3% общемировой стоимости товарного импорта (72,3% ввоза товаров в Европейский Союз).

Отдельного исследования заслуживает Великобритания, вносившая с 1973 г. свою лепту в совокупные показатели ЕС, поскольку в 2001–2019 гг. оставалась в его составе. На протяжении рассматриваемого периода на нее приходилось в международном товарном экспорте от 4,6% в 2001 г. до 2,9% на фоне кризиса 2009 г. и 2,5% в 2019 г. (или 7,8% всего вывоза блока). Но в 2020 г. после брексита ее доля в общемировом экспорте снизилась до 2,3%. Значительно больший вес Великобритания имела в сфере импортных закупок товаров, обеспечивая в мировом объеме от 5,7% в 2001 г. до 4,4% в 2009 г. и 3,6% в 2019–2020 гг. На нее в общем ввозе в ЕС приходилось в 2001 г. почти 16,0%, в 2009 г. — 12,0%, в 2019 г. — 11,5% (подсчеты автора по: [16; 18; 19]).

При рассмотрении современной *географической структуры* внешней торговли Европейского Союза следует обратить внимание на распределение товарных потоков вне блока. Так, на протяжении рассматриваемого периода на внеблоковую торговлю в экспорте ЕС приходилось от 39,0% в 2001 г. до 38,0% в 2019 г. То есть, при всех флуктуациях показателя можно считать ее долю вполне стабильной, хотя на этапах сложностей и неурядиц во внешней среде долевого вклада внеблоковой торговли мог повышаться. После брексита к третьим странам присоединилась Великобритания, поэтому в 2020 г. резко повысился вес товарного экспорта Евросоюза вне блока — почти до 42,0%. В сфере импорта отмечались аналогичные тренды, но долевого вклада ввоза из третьих стран оказывался выше в связи с закупками там необходимых блоку сырьевых и прочих товаров. Так, в 2001 г. на внеблоковый импорт пришлось 43,2% всей стоимости ввоза ЕС, а в 2019 г. — 41,4%. Британский выход из состава сообщества в 2020 г. повысил долю внеблокового ввоза в общем показателе до 43,5% (см. расчеты автора, табл. 1, 2).

Следует отметить особую роль товарного экспорта ЕС во внеблоковой торговле.

Прежде всего, экспорт товаров поддерживает занятость в отдельных странах-чле-

нах блока на большом числе различных предприятий, которые как производят соответствующую продукцию и непосредственно занимаются товарным вывозом, так и обеспечивают работу первых предприятий.

К 2020 г. в общей численности занятых в ЕС (около 209 млн человек) экспортом в третьи страны вне сообщества обеспечивалась занятость 37 млн человек, то есть, 17,9% общего числа работающих (этот вывоз содействовал чуть более чем одному из шести человек, занятых по всему Евросоюзу).¹

Если анализировать ситуацию в отдельных странах-членах ЕС, следует отметить, что поддержка экспортом в третьи страны осуществлялась с некоторыми вариациями, но касалась примерно от одного из восьми человек, занятых в Греции (12,2 %) и Португалии (12,5%), до почти трех из каждых десяти в Люксембурге (29,1 %) и Ирландии (29,4 %) [17; 20; 26].

Поэтому представляет несомненный интерес распределение товарного экспорта Европейского Союза между странами вне сообщества (см. табл. 3). Представленные данные позволяют выявить некоторые важные тренды.

Стоит отметить, прежде всего, что в число постоянных и значимых партнеров ЕС на протяжении периода 2009–2020 гг. входило 20 стран, среди которых отчетливо просматриваются 4 основные группы. Совокупная доля всей «двадцатки» показывала тренд на повышение — с 60,6% до 64,5%, а после брекзита, что подчеркивает важную роль Великобритании, — до 80,9%.

Страновой состав всех групп оказывался в определенной степени стабильным, если учесть, что выход Великобритании из Союза «оттеснил» во вторую группу Турцию, стремившуюся остро конкурировать с партнерами за поставки из ЕС. Расчетные данные табл. 3 наглядно показывают постепенное снижение значимости Великобритании (находившейся пока в составе блока), но ее выход из членов

Союза выдвинул страну на второе место после США как важнейшего импортера товаров сообщества за его пределами.

При этом долевым вклад каждой группы в обеспечение товарного экспорта Евросоюза демонстрировал в основном тренд к повышению, но в 2020 г. показатели третьей и четвертой групп несколько понизились. При этом входившие в первую и вторую группы страны показали большую активность в повышении своей значимости.

Наибольшее внимание стоит уделить лидирующей группе импортеров товаров ЕС — в нее традиционно входят ведущие партнеры сообщества. Среди них выделяются США, Китай (включая или исключая САР Гонконг), Швейцария и Российская Федерация (см.: [12; 13; 14; 15]). Совокупный вклад данной группы возрос с 36,0% до 39,6% в основном за счет повышения долей США и Китая, при сдержанном росте активности Швейцарии, и на фоне санкционных потерь в торговле блока с РФ после 2014 г. Существенные сдвиги в первой группе произошли в 2020 г. по завершению брекзита, а США, Великобритания, Китай составили новую тройку лидеров по закупкам товаров в ЕС. Если доля всей группы в 2020 г. возросла почти до 56,0%, то только на лидеров пришлось 44,4%. Таким образом, они стали наиболее крупными партнерами блока с решающим вкладом в импорт товаров из ЕС.

Сфера товарного импорта Европейского Союза из стран вне блока отличалась определенным своеобразием, хотя в числе основных партнеров находились 4 группы стран, аналогично ситуации в экспортных поставках ЕС. Общая доля всех 20 стран также показывала тренд к росту — с 69,7% в 2009 г. до 70,5% в 2020 г. и в 2020 г. — до 82,2%. Также как и в области товарного вывоза, здесь отмечались флуктуации показателей, но основным оставался повышательный тренд (см. табл. 4).

¹ Extra-EU Exports support 37 million jobs in the EU (05.07.2021) // Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/-/ddn-20210705-2> (дата обращения 10.08.2021).

Таблица 3

Динамика географической структуры экспорта Европейского Союза в торговле с третьими странами (the EU Extra-trade) (2009–2020 годы, %)

Страна-партнер ЕС	Доля партнеров в экспорте ЕС, %											
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
США	14,3	14,1	13,7	14,0	13,8	14,8	16,6	16,5	16,3	17,0	18,0	18,3
Великобритания	(17,2)	(16,0)	(15,5)	(15,2)	(15,4)	(16,2)	(16,9)	(16,9)	(16,1)	(15,5)	(15,0)	14,4
Китай, включая САР Гонконг	9,3	10,4	9,3	9,0	9,0	9,5	9,2	9,7	10,4	10,5	10,6	11,7
Швейцария	7,1	6,9	7,1	6,9	6,6	6,4	6,5	6,7	6,6	6,5	6,9	7,4
Россия	5,3	5,8	6,4	6,7	6,4	5,5	3,8	3,7	4,2	4,0	4,1	4,1
Итого	36,0	37,2	36,5	36,6	35,8	36,2	36,1	36,6	37,5	38,0	39,6	55,9
Турция	3,5	4,1	4,2	4,0	4,1	3,9	4,0	3,9	3,8	3,4	3,2	3,6
Япония	2,7	2,7	2,7	2,8	2,7	2,7	2,7	2,8	2,7	2,8	2,9	2,9
Норвегия	2,9	2,7	2,7	2,6	2,6	2,6	2,4	2,4	2,4	2,4	2,4	2,5
Республика Корея	1,6	1,8	1,8	1,8	1,9	2,1	2,2	2,1	2,2	2,1	2,0	2,3
Канада	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,6	1,6	1,6	1,7	1,8	1,7
Итого	12,2	12,8	12,9	12,7	12,8	12,8	12,9	12,8	12,7	12,4	12,3	13,0
Индия	2,1	2,1	2,1	1,9	1,7	1,7	1,7	1,8	1,9	1,9	1,8	1,7
Мексика	1,3	1,4	1,4	1,5	1,5	1,5	1,7	1,7	1,8	1,8	1,8	1,6
Бразилия	1,7	2,0	2,0	2,1	2,1	1,9	1,7	1,5	1,5	1,5	1,5	1,4
Саудовская Аравия	1,4	1,4	1,5	1,5	1,7	1,7	1,8	1,5	1,4	1,3	1,2	1,3
Сингапур	1,5	1,5	1,4	1,4	1,4	1,3	1,3	1,4	1,4	1,5	1,4	1,2
Итого	8,0	8,4	8,4	8,4	8,4	8,1	8,2	7,9	8,0	8,0	7,7	7,2
Украина	1,1	1,2	1,3	1,3	1,3	0,9	0,7	0,9	1,0	1,0	1,1	1,2
Тайвань	0,8	0,9	0,9	0,8	0,9	0,9	0,9	0,9	1,0	1,0	1,1	1,2
Марокко	1,0	0,9	0,9	0,9	0,9	1,0	0,9	1,1	1,1	1,1	1,1	1,0
Южная Африка	1,2	1,3	1,4	1,3	1,2	1,1	1,2	1,1	1,1	1,1	1,1	0,9
Вьетнам	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,4	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5
Итого	4,4	4,6	4,8	4,6	4,6	4,2	4,1	4,5	4,7	4,7	4,9	4,8
Всего	60,6	63,0	62,6	62,3	61,6	61,3	61,3	61,8	62,9	63,1	64,5	80,9

Примечание. Составлено и подсчитано автором согласно статистическим данным: [17; 18].

Таблица 4

Динамика географической структуры импорта Европейского Союза в торговле с третьими странами (the EU Extra-trade) (2009–2020 годы, %)

Страна-партнер ЕС	Доля партнеров в импорте ЕС, %											
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Китай, включая САР Гонконг	18,5	19,4	15,9	15,2	15,2	16,3	18,7	19,1	18,5	18,3	19,1	22,8
США	10,7	9,7	9,3	9,8	10,1	10,4	12,0	12,2	11,5	11,2	12,1	11,8
Великобритания	(12,2)	(11,5)	(11,4)	(11,1)	(11,3)	(11,2)	(11,2)	(11,3)	(10,8)	(10,3)	(10,0)	9,8
Швейцария	5,8	5,3	5,2	5,1	5,3	5,4	5,7	6,0	5,6	5,3	5,7	6,3
Россия	9,6	10,6	11,6	12,0	12,2	10,7	7,9	7,1	7,8	8,4	7,5	5,5
Итого	44,6	45,0	42,0	42,1	42,8	42,8	44,3	44,4	43,4	43,2	44,4	56,2
Турция	2,7	2,6	2,6	2,5	2,7	2,9	3,2	3,5	3,5	3,5	3,6	3,6
Япония	4,2	3,9	3,6	3,2	3,0	3,0	3,1	3,4	3,2	3,1	3,2	3,2
Республика Корея	2,5	2,4	2,0	2,0	1,9	2,0	2,2	2,2	2,5	2,4	2,4	2,6
Норвегия	4,4	3,8	4,0	4,2	4,1	3,9	3,5	3,0	3,0	3,2	2,8	2,5
Вьетнам	0,6	0,6	0,7	0,9	1,1	1,2	1,5	1,7	1,7	1,7	1,8	2,0
Итого	14,4	13,3	12,9	12,8	12,8	13,0	13,5	13,8	13,9	13,9	13,8	13,9
Индия	1,8	1,9	2,0	1,8	1,8	1,8	1,9	2,0	2,0	2,0	2,0	1,9
Тайвань	1,3	1,4	1,2	1,1	1,1	1,2	1,3	1,4	1,4	1,4	1,4	1,5
Бразилия	1,9	2,0	2,2	2,0	1,8	1,7	1,7	1,7	1,6	1,5	1,4	1,5
Мексика	0,7	0,8	0,9	1,0	1,0	1,0	1,1	1,2	1,2	1,2	1,3	1,2
Канада	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,1	1,2
Итого	6,7	7,1	7,3	6,9	6,7	6,7	7,0	7,3	7,2	7,1	7,2	7,3
Сингапур	1,0	1,0	0,9	1,0	0,9	0,9	1,0	1,0	1,0	1,0	0,9	1,0
Южная Африка	0,9	0,9	0,9	0,8	0,8	0,8	0,9	0,9	0,9	0,9	1,0	1,0
Украина	0,7	0,8	0,9	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,9	0,9	1,0	1,0
Саудовская Аравия	0,9	1,1	1,6	1,9	1,7	1,6	1,2	1,1	1,1	1,5	1,4	0,9
Марокко	0,5	0,5	0,5	0,5	0,6	0,6	0,7	0,8	0,8	0,8	0,8	0,9
Итого	4,0	4,3	4,8	5,0	4,8	4,7	4,6	4,6	4,7	5,1	5,1	4,8
Всего	69,7	69,7	67,0	66,8	67,1	67,2	69,4	70,1	69,2	69,3	70,5	82,2

Примечание. Составлено и подсчитано автором согласно статистическим данным: [17; 18].

Таблица 5

Динамика товарной структуры экспорта Европейского Союза в торговле с третьими странами (the EU Extra-trade) (2008–2020 годы, %)

Товарная группа	Доля в товарном экспорте, %												
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020*
Товарный экспорт, всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Продовольствие, напитки, табачные изделия	5,2	5,7	5,6	5,7	5,9	6,0	6,3	6,3	6,6	6,5	6,2	6,6	8,6
Сырьевые товары	2,4	2,6	2,8	2,9	2,8	2,6	2,5	2,4	2,4	2,6	2,6	2,6	2,8
Минеральное сырье	6,5	5,4	5,8	6,5	7,5	7,0	6,4	4,8	4,3	5,3	5,9	5,2	3,3
Продукция химической промышленности	15,1	17,9	17,2	16,4	16,4	15,7	16,3	17,6	17,9	17,7	18,1	19,1	21,3
Машинотехническая продукция, транспортное оборудование	43,6	42,0	42,2	41,7	41,9	40,8	41,7	42,1	42,7	42,3	41,4	40,7	39,3
Прочие промышленные товары	24,0	23,5	22,8	22,6	22,5	22,0	22,7	22,5	22,7	22,6	22,4	22,5	22,4
Прочие товары	3,2	3,0	3,6	4,2	3,0	5,7	4,0	4,3	3,4	3,1	3,3	3,4	2,3

* 2020 – ЕС-27.

Примечание. Составлено и подсчитано автором согласно статистическим данным: [17; 18].

Стоит обратить внимание, что в третьей группе рост обеспечивался за счет возросшей активности Мексики, Канады и Тайваня, во второй группе – Вьетнама и Турции (при снижении показателей Норвегии и Японии), а в первой – Китая, как главного поставщика товаров в Европейский Союз, и США, к которым присоединилась Великобритания, сформировав в 2020 г. новую тройку ведущих экспортеров в Евросоюз вне сообщества. При этом Швейцария проявляла сдержанность, России приходилось преодолевать с 2015 г. пре-

грады расширявшихся со стороны ЕС санкций.

Тем не менее, в целом, можно судить о формировании Европейским Союзом многочисленного сообщества надежных партнеров – покупателей товарной продукции Евросоюза и поставщиков своих товаров на его рынок.

При рассмотрении *товарной структуры* внешней торговли ЕС с третьими странами на современном этапе можно выявить ряд актуальных сдвигов в распределении экспортно-импортных потоков (см. табл. 5, 6).

Таблица 6

**Динамика товарной структуры импорта Европейского Союза в торговле с третьими странами
(the EU Extra-trade) (2008–2020 годы, %)**

Товарная группа	Доля в товарном импорте, %												
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020*
Товарный импорт, всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Продовольствие, напитки, табачные изделия	5,1	6,0	5,3	5,3	5,2	5,5	5,8	6,3	6,4	6,0	5,7	5,6	6,6
Сырьевые товары	4,8	3,8	4,6	4,9	4,5	4,5	4,3	4,2	4,0	4,2	4,1	4,0	4,6
Минеральное сырье	29,0	24,3	25,2	28,6	30,5	29,6	26,3	19,1	15,5	18,0	20,8	18,5	12,9
Продукция химической промышленности	7,8	9,1	9,0	9,0	9,1	9,4	9,8	10,8	10,8	10,6	10,3	10,6	13,6
Машинотехническая продукция, транспортное оборудование	26,9	28,6	28,9	25,6	25,0	25,9	27,0	30,8	32,1	32,0	31,3	31,9	34,2
Прочие промышленные товары	23,7	24,0	23,8	23,3	21,7	22,6	24,2	26,2	26,4	25,7	25,0	24,6	25,9
Прочие товары	2,7	4,3	3,2	3,3	4,1	2,4	2,6	2,7	4,8	3,5	2,8	4,6	2,2

* 2020 – ЕС-27.

Примечание. Составлено и подсчитано автором согласно статистическим данным: [17; 18].

Прежде всего, на протяжении периода 2008–2020 гг. в композиции экспорта Европейского Союза в страны вне сообщества можно отметить нарастание доли таких товарных групп, как «продовольствие, напитки, табачные изделия» (с 5,2% до 8,6%), «сырьевые товары» (с 2,4% до 2,8%), а также «продукция химической промышленности» (с 15,1% до 21,35) при снижении почти вдвое веса «минерального сырья» (с 6,5% до 3,3%), «машинотехнической продукции, транспортного оборудования» (с 43,65 до 39,3%), «прочих промышленных товаров» (с 24,0% до 22,4%).

Что касается импорта Евросоюза из третьих стран, следует отметить, что сообще-

ству удастся на основе принятых директив снижать доли таких товарных групп, как «сырьевые товары» (с 4,8% до 4,6%) и особенно «минеральное сырье» (с 29,0% до 12,9%), хотя показатели 2020 г. отражают снижение хозяйственной активности в странах-членах ЕС на фоне резкой диссеминации новой вирусной инфекции и введенных ограничительных мероприятий. При этом по всем прочим товарным группам наблюдалась повышательная динамика. Так, долевой вклад группы «продовольствие, напитки, табачные изделия» повысился с 5,1% до 6,6%, группы «продукция химической промышленности» – с 7,8% до 13,6%, групп «машинотехническая продукция, транспортное

оборудование» — с 26,9% до 34,2% и «прочие промышленные товары» — с 23,7% до 25,9% (см. табл. 5, 6).

Таким образом, Европейский Союз сохранял в структуре своего вывоза приоритет промышленных товаров, на которые в 2008 г. приходилось 82,7% всей стоимости товарных поставок, а в 2020 г. — 83,0%. При этом во ввозе из третьих стран заметно сократилась доля минерального сырья — более чем в 2,2 раза, а доля промышленных товаров, напротив, возросла почти в 1,3 раза — с 58,4% в 2008 г. до 73,7% в 2020 г. (подсчитано по данным табл. 5, 6).

Подводя итоги проведенного исследования, следует отметить, что на протяжении рассматриваемого периода Европейскому Союзу достаточно эффективно удавалось поддерживать свое лидирующее положение в системе современной международной торговли, хотя его долевого вклад показывал тренд к снижению (как в сфере товарного экспорта, так и импорта). Помимо воздействия внешних негативных факторов причинами снижения активности ЕС следует считать навязанное им санкционное противостояние с давними и традиционными партнерами в Восточной Европе, включая Россию, а также завершившийся в 2020 г. выход Великобритании из состава блока. Тем не менее, существенную поддержку внешнеторговой деятельности сообщества постоянно оказывает товарный обмен с третьими странами, что позволяет ему довольно гибко реагировать на изменения во внешней среде. При этом в товарной структуре экспортно-импортных связей вне блока отмечаются позитивные сдвиги в направлении снижения закупок минеральных ресурсов, наращивания обмена промышленными товарами. Все это соответствует поддержанию первенства Европейского Союза в международной торговле.

Библиографический список

1. **Гладков И.С.** Международная торговля: основные тренды за первые 20 лет XXI века (2001—2020 гг.) // Экономические и социально-гуманитарные исследования. М.: МИЭТ, 2021. № 2(30). С. 16—27.
2. **Гладков И.С.** Международная торговля 2020: перемены или перегруппировка // Власть. 2021. Т. 29. № 3. С. 104—111.
3. **Гладков И.С.** Международная торговля на фоне замедления мировой экономики // Международная экономика. 2019. № 12. С. 44—50.
4. **Гладков И.С.** Международная товарная торговля в 2001—2013 гг.: тренды в группе лидеров // Власть. 2014. № 5. С. 15—18.
5. **Гладков И.С.** Посткризисная эволюция международной торговли // Международная экономика. 2014. № 7. С. 31—38.
6. **Гладков И.С.** Меняющаяся конфигурация международной торговли: роль ЕС // Международная экономика. 2019. № 10. С. 18—37.
7. **Гладков И.С.** Внешняя торговля Европейского Союза: новые тренды в условиях глобальной неопределенности // Экономические и социально-гуманитарные исследования. М.: МИЭТ, 2020. № 3(27). С. 14—23.
8. **Гладков И.С.** Внешнеторговые связи Европейского Союза на фоне нарастающей турбулентности // Международная экономика. 2020. № 6. С. 52—66.
9. **Гладков И.С.** Внешнеторговые связи Европейского Союза на современном этапе: «эффект черепахи» // Власть. 2017. Т. 25. № 10. С. 105—111.
10. **Гладков И.С.** Динамика и структура внешнеторговых связей Европейского Союза на этапе последнего его расширения // Международная торговля и торговая политика. 2017. № 4(12). С. 6—22.
11. **Гладков И.С.** Внешняя торговля Европейского Союза в зеркале международной статистики // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2019. № 3(23). С. 22—29.
12. **Гладков И.С.** Внешняя торговля Европейского Союза 2018: presto с тюльпанами // Власть. 2019. Т. 27. № 3. С. 161—166.

13. **Гладков И.С.** Внешняя торговля России в 2018 г.: подъем продолжается // Международная торговля и торговая политика. 2019. № 1(17). С. 60—71.
14. **Гладков И.С.** Внешняя торговля ЕС — РФ: современная динамика // Журнал экономических исследований. 2018. Т. 4. № 3. С. 1—8.
15. **Гладков И.С.** Внешнеторговые связи России и Евросоюза в контексте расширения ЕС. Москва, 2005. Сер. 161. Доклады ИЕ РАН. 100 с.
16. Annual International Trade Statistics by Country (HS02) [Electronic resource] // TrendEconomy: economic statistics repository. Access mode: <https://trendeconomy.com/> (дата обращения 13.08.2021).
17. Eurostat: Statistical Office of the European Union [Electronic resource]. Database. International trade. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/main/data/database> (access date 10.08.2021).
18. Eurostat regional yearbook: statistical book. 2020 edition. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2020. 192 p.
19. Key Figures on Europe: statistical book. 2020 edition. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2020. 68 p.
20. The EU in the world: statistical book. 2020 edition. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2020. 150 p.
21. Global Economic Prospects, June 2021 [Electronic resource] // The World Bank. Access mode: <https://www.worldbank.org/en/research> (access date 13.08.2021).
22. UNCTAD: United Nations Conference on Trade and Development [Electronic resource]. UNCTAD Handbook of Statistics 2020 - International merchandise trade. URL: http://unctad.org/system/files/official-document/tdstat45_FS01_en.pdf (access date 25.07.2021).
23. World Economic Outlook: Managing Divergent Recoveries. April 2021. Washington, DC.: International monetary fund. 2021. 170 p.; Access mode: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/03/23/world-economic-outlook-april-2021> (access date 13.08.2021).
24. World Economic Outlook Update: Policy Support and Vaccines Expected to Lift Activity. January 20, 2021 // International monetary fund. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/01/26/2021-world-economic-outlook-update> (access date 13.08.2021).
25. World Economic Outlook: A Long and Difficult Ascent. October 2020. Washington, DC.: International monetary fund. 182 p.; Access mode: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/09/30/world-economic-outlook-october-2020> (access date 13.08.2021).
26. Trading for Development in the Age of Global Value Chains: World Development Report 2020. Washington, DC.: World Bank. 267 p.; URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/32437/211457ov.pdf> (access date 13.08.2021).
27. Trade shows signs of rebound from COVID-19, recovery still uncertain [Electronic resource] // World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/news_e/pres20_e/pr862_e.htm (access date 13.08.2021).

Поступила 14.08.2021

Гладков Игорь Сергеевич — доктор экономических наук, профессор; главный научный сотрудник, руководитель Центра международной торговли, Российская академия наук (РАН) (125009, Москва, Никитский переулок, д. 2), professorgis@rambler.ru

References

1. Gladkov I.S. Mezhdunarodnaya trgovlya: osnovnye trendy za pervye 20 let XXI veka (2001–2020 gg.) // Ekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya. 2021. № 2 (30). S. 16–27.
2. Gladkov I.S. Mezhdunarodnaya trgovlya 2020: peremeny ili peregruppirovka // Vlast'. 2021. Т. 29. № 3. S. 104–111.
3. Gladkov I.S. Mezhdunarodnaya trgovlya na fone zamedleniya mirovoj ekonomiki // Mezhdunarodnaya ekonomika. 2019. № 12. S. 44–50.
4. Gladkov I.S. Mezhdunarodnaya tovarnaya trgovlya v 2001–2013 gg.: trendy v gruppe liderov // Vlast'. 2014. № 5. S. 15–18.
5. Gladkov I.S. Postkrizisnaya evolyuciya mezhdunarodnoj trgovli // Mezhdunarodnaya ekonomika. 2014. № 7. S. 31–38.

6. Gladkov I.S. Menyayushchayasya konfiguratsiya mezhdunarodnoy torgovli: rol' ES//Mezhdunarodnaya ekonomika. 2019. № 10. S. 18-37.
7. Gladkov I.S. Vneshnyaya torgovlya Evropejskogo Soyuza: novye trendy v usloviyah global'noj neopredelennosti//Ekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya. 2020. № 3 (27). S. 14-23.
8. Gladkov I.S. Vneshnetorgovyie svyazi Evropejskogo Soyuza na fone narastayushchej turbulentnosti //Mezhdunarodnaya ekonomika. 2020. № 6. S. 52-66.
9. Gladkov I.S. Vneshnetorgovyie svyazi Evropejskogo Soyuza na sovremennom etape: «effekt cherepahi»// Vlast'. 2017. T. 25. № 10. S. 105-111.
10. Gladkov I.S. Dinamika i struktura vneshnetorgovyih svyazey Evropejskogo Soyuza na etape poslednego ego rasshireniya//Mezhdunarodnaya torgovlya i torgovaya politika. 2017. № 4 (12). S. 6-22
11. Gladkov I.S. Vneshnyaya torgovlya Evropejskogo Soyuza v zerkale mezhdunarodnoj statistiki//Ekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya. 2019. № 3 (23). S. 22-29.
12. Gladkov I.S. Vneshnyaya torgovlya Evropejskogo Soyuza 2018: presto s tyul'panami// Vlast'. 2019. T. 27. № 3. S. 161-166.
13. Gladkov I.S. Vneshnyaya torgovlya Rossii v 2018 g.: pod'em prodolzhaetsya//Mezhdunarodnaya torgovlya i torgovaya politika. 2019. № 1 (17). S. 60-71.
14. Gladkov I.S. Vneshnyaya torgovlya ES – RF: sovremennaya dinamika//ZHurnal ekonomicheskikh issledovaniy. 2018. T. 4. № 3. S. 1-8.
15. Gladkov I.S. Vneshnetorgovyie svyazi Rossii i Evrosoyuza v kontekste rasshireniya ES. Moskva, 2005. Ser. 161 Doklady IE RAN. 100 s.
16. Annual International Trade Statistics by Country (HS02) // trendeconomy.com
17. Eurostat: Oficial'nyj sajt [Elektronnyj resurs] / <https://ec.europa.eu/eurostat/>
18. Eurostat regional yearbook. 2020 edition. Statistical book. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2020. 192 p
19. Key Figures on Europe. 2020 edition. Statistical book. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2020. 68 p.
20. The EU in the world. 2020 edition. Statistical book. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2020. 150 p.
21. The World Bank group Global Economic Prospects, June 2021 [Elektronnyj resurs] / <https://www.worldbank.org/en/research>
22. UNCTAD: Oficial'nyj sajt [Elektronnyj resurs] / YUNKTAD - 1995-2020. Rezhim dostupa: <http://www.unctad.org/> (data obrashcheniya 25.07.2021).
23. WEO: Managing Divergent Recoveries. April 2021. – Washington, DC. IMF. 2021. 170 p.
24. WEO Update, January 2021: Policy Support and Vaccines Expected to Lift Activity. January 20, 2021.
25. WEO: A Long and Difficult Ascent. October 2020. – Washington, DC, IMF. 182 p.
26. World Bank. 2020. World Development Report 2020: Trading for Development in the Age of Global Value Chains. – Washington, DC: World Bank. 267 p.
27. WTO forecasts: trade shows signs of rebound from COVID-19, recovery still uncertain//https://www.wto.org/english/news_e/pres20_e/pr862_e.htm

Submitted 14.08.2021

Gladkov Igor S., Dr. Sci. (World Econ.), Full Professor; Senior Researcher, Head of the Center for International trade, the Russian Academy of Sciences (2 Nikitskiy Lane, Moscow, Russia, 125009), professorgis@rambler.ru

Математическое моделирование с неопределенностью в микроэлектронике

А.Л. Глебов¹, Н.П. Кнехт²

*²Национальный исследовательский университет «Московский институт
электронной техники»*

nataknekht@gmail.com

Обсуждается необходимость математического моделирования процессов и систем микроэлектроники в условиях неопределенности. В ходе такого моделирования фактически моделируется эволюция множеств достижимости систем. Ценой отхода детерминированного моделирования является усложнение используемой математики. Рассмотрены два конкретных примера: моделирование процессов травления и осаждения; логическое моделирование цифровых схем.

Ключевые слова: математическое моделирование, неопределенность, множество достижимости, микроэлектроника, цифровые схемы.

Mathematical modeling with uncertainty in microelectronics

A.L. Glebov¹, N.P. Knekht²

National Research University of Electronic Technology (MIET)

nataknekht@gmail.com

The necessity of mathematical modeling with uncertainty for processes and systems in microelectronics is discussed. In such modeling, in fact, evolution of attainable sets of the systems is considered. The cost of such transition to simulation with uncertainty is the increase in mathematics complexity under use. Two examples are considered: etching and deposition simulation; logic simulation for digital circuits.

Keywords: mathematical modeling, uncertainty, reachability set, microelectronics, digital circuits.

Наступление цифровой эпохи характеризуется взаимодействием человека с новой средой — воображаемой, эфемерной, символической. Медиальность становится областью существования современных субъективностей, что рождает новые отношения между человеческим телом, сознанием и режимом смотрения, когда исчезает разгра-

ничение между онлайн- и офлайн-мирами.

Можно ли рассматривать виртуальный мир как мир реальный в контексте глобальных угроз природе, обществу и человечеству? Наука не рассматривает мир как враждебный. Тем более не рассматривает его как враждебный философия, которая изначально

относится к макрокосму с любопытством, но не как к миру, который вселяет ужас и страх. Позиция философии нейтральна к происходящему, ибо философский взгляд — это «метавзгляд». Хотя интенции у науки и философии разные: наука стремится сделать мир понятным, а философия, напротив, в своих рассуждениях — это «вывернутый наизнанку мир» (по Гегелю), однако цель общая — прояснение смысла происходящего. В разные времена и наука, и философия предлагали различные объяснительные и предсказательные модели мироустройства. Современные натурфилософские парадигмы для фиксации неустойчивости и неопределенности процессов и систем используют новые модельные понятия, такие как: «самоорганизация», «событие-бифуркация», «аттрактор», «непредсказуемость поведения», «динамический хаос», «сингулярность». Эти понятия представляют, скорее, умозрительные образы — не только в исследованиях ученых (Г. Хакен, И. Пригожин), но и в работах известных современных философов (Ж. Делез, Ж.-Л. Нанси). С.П. Курдюмов в комментариях к работе И. Пригожина «Философия нестабильности» пишет: «Странные аттракторы представляют собой крайне необычные математические объекты. С одной стороны, для их описания используются системы дифференциальных уравнений, в которых все определено, детерминировано и не содержит никаких стохастических членов. А с другой стороны — и это в самом деле чудо! — поведение решений такой системы уравнений на продолжительном временном интервале приобретает хаотический непредсказуемый (внутри области аттрактора) характер» [5].

Если мы спустимся на уровень решения технических проблем, то увидим, что в области микроэлектроники, например, обсуждается необходимость математического моделирования процессов и систем в условиях неопределенности.

В рамках математического обеспечения современной микроэлектроники приходится решать ряд задач моделирования, оптимизации

и оптимального управления — для технологических процессов (например, процессов травления и осаждения для твердотельных структур) и систем (например, интегральных схем). Для краткости будем говорить о задачах моделирования.

В современной теории моделирования существует тенденция рассматривать не отдельные траектории систем, а семейства траекторий. Среди главных направлений этих исследований выделим изучение эволюции множеств достижимости систем (т. е. множеств концов траекторий систем). Большинство сведений о свойствах множеств достижимости можно найти, например, в монографиях [6; 8; 4] и статьях [1; 10; 7].

Рассмотрим два примера моделирования систем в условиях неопределенности: моделирование процессов травления и осаждения и логическое моделирование цифровых схем.

Процессы травления и осаждения, в ходе которых формируется микрорельеф твердотельной структуры, играют основную роль в технологии микроэлектроники. При переходе к элементам субмикронных размеров используются главным образом так называемые сухие процессы, в которых травление (осаждение) происходит в ходе взаимодействия поверхности с разреженным газом (плазмой, ионным пучком). Моделированию процессов травления и осаждения посвящено довольно много работ (см. напр.: [13; 14]). Движение поверхностей при этом описывается обобщенным («вязким») решением Гамильтона-Якоби.

При моделировании травления и осаждения в условиях неопределенности рассматривается движение двух поверхностей: верхней оценки (т. е. поверхности, которая в каждой точке лежит не ниже любой реальной поверхности) и нижней оценки (определяемой аналогично). Движение верхней и нижней оценки описывается соответствующими дифференциальными уравнениями, полученными в ходе совместной работы [2].

Рассмотрим второй пример моделирования в условиях неопределенности: логиче-

ское моделирование цифровых схем [3, с. 172]. Тенденция увеличения функциональности и производительности цифровых схем приводит к необходимости увеличения их элементов. Схемы становятся все более сложными — и моделирование привычными методами становится неактуальным. Вследствие этого возникает необходимость в разработке новых методов моделирования, которые позволят оценить параметры схемы относительно быстро и эффективно.

Хорошо известно, что BDD (диаграммы двоичных решений) являются удобным и эффективным представлением Булевых функций $f: B^n \rightarrow B$, $B = \{0, 1\}$ [9, р. 677.]. Это представление позволяет конструировать и программно реализовывать различные алгоритмы для работы с системами Булевых функций. В частности, это алгоритмы логического синтеза, верификации и генерации тестов для цифровых схем. Сюда же можно отнести и алгоритмы логического моделирования.

На практике часто приходится иметь дело с неполно определенными Булевыми функциями вида $f: T^n \rightarrow T$, $T = \{0, U, 1\}$. Дополнительное состояние U может интерпретироваться различными способами. Чаще всего оно интерпретируется в рамках Клиниевой сильной трехзначной логики (Kleenean strong ternary logic) [12], в которой U — состояние «не определено» ($undefined = don't\ care$). Иначе говоря, это в действительности либо «0», либо «1», но мы не знаем, что именно (или нам не нужно это знать). Значение U может принимать и каждый из аргументов, и сама неполно определенная Булева функция. Далее для таких функций будем для краткости использовать термин «Клиниева функция».

По аналогии с BDD, удобным представлением для Клиниевой функции является TDD (диаграмма троичных решений) [11, р. 23]. При моделировании на основе TDD (т. е. с возможностью третьего, неопределенного значения сигнала) можно получать оценки различных величин: например, потребляемой мощности. В этом случае мы получаем ин-

тервальную оценку: границами интервала являются минимальное и максимальное значения из возможных значений мощности. Возможно также получить распределение значений потребляемой мощности (как правило, это распределение, близкое к нормальному).

В самом общем виде все модели условно можно разделить на классические, строго детерминированные (без неопределенности) и модели с неопределенностью. Известен опытный факт: при уменьшении размера объектов в моделировании, как правило, мы вынуждены смещаться в сторону моделей с увеличивающимися степенями неопределенности. Таким образом, в ходе рассмотрения моделирования систем микроэлектроники в условиях неопределенности мы обсудили конкретный пример общего факта.

Библиографический список

1. **Блаватских Б.И.** О выпуклости сфер достижимости // Дифференциальные уравнения. 1972. Т. 8, № 12. С. 2149.
2. **Глебов А.Л. [и др.]** Моделирование некоторых процессов травления и осаждения. Пакеты прикладных программ. Математическое моделирование / А.Л. Глебов, В.А. Комаров, А.Н. Конов. М.: Наука, 1989.
3. **Глебов А.Л. [и др.]** Моделирование цифровых КМОП схем с использованием диаграмм троичных решений и логических импликаций / А.Л. Глебов, И.А. Липатов, И.В. Тиунов // Междисциплинарные исследования в области математического моделирования и информатики: Мат-лы 6-й научно-практической конференции. Ульяновск. 2015.
4. **Ли Э.Б., Маркус Л.** Основы теории оптимального управления. М.: Наука, 1972. 574 с.
5. **Пригожин И.** Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46—52.
6. **Филитов А.Л.** Дифференциальные уравнения с разрывной правой частью. М.: Наука, 1985. 224 с.
7. **Формальский А.М.** Об условных точках границ областей достижимости // Прикладная математика и механика. 1983. Т. 47, № 4. С. 566.

8. Aubin J.-P., Cellina A. Differential inclusions. Set-valued maps and viability theory. Berlin: Springer, 1984.
9. Bryant. R.E. Graph-based algorithms for Boolean function manipulation // IEEE Trans. on Computers. 1986. V. 35. P. 677.
10. Hendrnes H. The geometry of time-optimal control // SIAM J. Contr. and Optimiz. 1972. V. 10. № 2. P. 221.
11. Jennings G. Symbolic Incompletely Specified Functions for Correct Evaluation in the Presence of Indeterminate Input Values // Proc. of 28th Annual Hawaii Int. Conf. on System Sciences. 1995.
12. Kleene S.C. Introduction to Methamatematics // Amsterdam: North-Holland Publishing Co. 1952.
13. Smith. R. [et al.] Deterministic models of ion erosion, reflection and reproduction / R. Smith, M.A. Tagg, J.M. Walls // Vacuum. 1984. V. 34. P. 175.
14. Нойрејтер Э.Р. Моделирование процессов изготовления ИС и топографическое проектирование // ТИИЭР. 1983. Т. 71. С. 149.

Поступила 12.03.2021

Кнехт Наталья Петровна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии, Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» (площадь Шокина, 1, Зеленоград), nataeknekt@gmail.com

Глебов Алексей Львович — старший научный сотрудник, кандидат физико-математических наук, доктор технических наук, glebov.alexey@gmail.com

References

1. Blavatskih B.I. O vypuklosti sfer dostizhimosti // Differencial'nye uravnenija. 1972. T. 8, № 12. S. 2149.
2. Glebov A.L. [i dr.] Modelirovanie nekotoryh processov travlenija i osazhdenija. Pakety prikladnyh programm. Matematicheskoe modelirovanie / A.L. Glebov, V.A. Komarov, A.N. Kononov. M.: Nauka, 1989.
3. Glebov A.L. [i dr.] Modelirovanie cifrovyyh KMOP shem s ispol'zovaniem diagramm troichnyh reshenij i logicheskikh implikacij / A.L. Glebov, I.A. Lipatov, I.V. Tiunov // Mezhdisciplinarnye issledovaniya v oblasti matematicheskogo modelirova-

nija i informatiki: Mat-ly 6-j nauchno-prakticheskoy konferencii. Ul'janovsk. 2015.

4. Li Je.B., Markus L. Osnovy teorii optimal'nogo upravlenija. M.: Nauka, 1972. 574 s.
5. Prigozhin I. Filosofija nestabil'nosti // Voprosy filosofii. 1991. № 6. S. 46—52.
6. Filippov A.L. Differencial'nye uravnenija s razryvnoj pravoj chast'ju. M.: Nauka, 1985. 224 s.
7. Formal'skij A.M. Ob uslovnyh tochkah granic oblastej dostizhimosti // Prikladnaja matematika i mehanika. 1983. T. 47, № 4. S. 566.
8. Aubin J.-P., Cellina A. Differential inclusions. Set-valued maps and viability theory. Berlin: Springer, 1984.
9. Bryant. R.E. Graph-based algorithms for Boolean function manipulation // IEEE Trans. on Computers. 1986. V. 35.
10. Hendrnes H. The geometry of time-optimal control // SIAM J. Contr. and Optimiz. 1972. V. 10. № 2. P. 221.
11. Jennings G. Symbolic Incompletely Specified Functions for Correct Evaluation in the Presence of Indeterminate Input Values // Proc. of 28th Annual Hawaii Int. Conf. on System Sciences. 1995.
12. Kleene S.C. Introduction to Methamatematics // Amsterdam: North-Holland Publishing Co. 1952.
13. Smith. R. [et al.] Deterministic models of ion erosion, reflection and reproduction / R. Smith, M.A. Tagg, J.M. Walls // Vacuum. 1984. V. 34. P. 175.
14. Norejter Je.R. Modelirovanie processov izgotovlenija IS i topograficheskoe proektirovanie // TIIEP. 1983. T. 71. S. 149.

Submitted 12.03.2021

Knekht Natalia Petrovna, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor Department of Philosophy, Sociology and Political Sciences, National Research University «Moscow Institute of Electronic Technology» (1 Shokin Square, Zelenograd), nataeknekt@gmail.com

Glebov Alexey Lvovich, senior researcher, candidate of physical and mathematical sciences, D. in Technical Sciences, glebov.alexey@gmail.com

Интеллектуальные активы в комплексном управлении наукоемким предприятием

Л.И. Лукичева¹, Е.В. Егорычева¹, О.А. Алаторцева¹, И.А. Вендина¹

¹Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

fmn@miee.ru

Приведены результаты анализа инновационного развития наукоемких предприятий. Систематизированы факторы, которые необходимо учитывать для успешного управления интеллектуальными активами и их приумножения. Доказан приоритет комплексного использования организационно-управленческих и финансово-экономических инструментов управления интеллектуальной собственностью, а также ориентация менеджмента наукоемких предприятий на управление интеллектуальной активностью персонала и коммерциализацией результатов интеллектуальной деятельности.

Ключевые слова: наукоемкое предприятие (НП), результаты интеллектуальной деятельности (РИД), интеллектуальные активы, интеллектуальная собственность.

Intellectual assets in the integrated management of knowledge-intensive enterprises

L.I. Lukicheva¹, O.A. Alatortseva¹, E.V. Egorycheva¹, I.A. Vendina¹

¹National Research University of Electronic Technology, Moscow

fmn@miee.ru

The article presents the results of the analysis of the innovative development of knowledge-intensive enterprises, systematizes the factors that must be taken into account for the successful management and augmentation of intellectual assets. The priority of the integrated use of organizational and managerial as well as financial and economic tools for managing intellectual property is proved. Also the importance of orientation of science-intensive enterprises to the management of intellectual activity of personnel is determined as well as the commercialization of the results of intellectual activity.

Keywords: knowledge-intensive enterprise, results of intellectual activity, intellectual assets, intellectual property.

Успех развития инновационного бизнеса наукоемких предприятий (НП) зависит от решения финансово-экономических и ор-

ганизационно-управленческих проблем, связанных с результатами интеллектуальной деятельности (РИД) персонала, а также с

развитием и приумножением интеллектуального капитала [1].

Сегодня объекты интеллектуальной собственности (ОИС) имеют не меньшую ценность, чем здания, станки и материалы. Изобретения и технологии направляют современные векторы инвестиций. Однако, как показывает практика, управление интеллектуальными активами и активность патентования в России находятся на довольно низком уровне. Так, по сравнению с 2019 г., количество заявок на изобретение в Роспатент в 2020 г. уменьшилось на 1,5 %, а динамика поступления заявок на изобретение замедлилась в четыре раза. Также остается предельно низким число поданных заявок в абсолютном выражении [2].

Сложное построение наукоемкого бизнеса обуславливает многоаспектный подход к решению проблемы патентной инертности современных НП. Подход предполагает, наряду с финансово-экономическими инструментами, использование широкого арсенала организационно-управленческих методов. В этом ракурсе менеджменту наукоемких компаний необходимо рассматривать РИД не только как источник дохода, но и как фактор, повышающий стоимость предприятия и улучшающий его имидж в конкурентной среде.

Анализ опыта западных государств показывает, что интеллектуальная собственность может иметь значительную рыночную стоимость. Именно на нее приходится большая часть стоимости многих крупных компаний мира. Об этом свидетельствуют результаты расчета индекса S&P 500, который представляет собой расчетную величину виртуальной корзины акций 500 американских компаний, имеющих наибольшую капитализацию. Так, в 2020 г. нематериальные активы составили 90 % рыночной стоимости данных компаний. Кроме того, отмечается постоянный рост этой доли. Например, в 1995 г. она составляла 68 %, а в 2005 г. и 2015 г. — соответственно 80 % и 84 % [3].

В современных реалиях именно интеллектуальные активы обеспечивают конкурентоспособность товаров и услуг и являются мощным катализатором экономического роста. Создание и коммерциализация интеллектуальных активов оказывает существенное влияние на рынок труда, изменяя требования к управленческим должностям. В частности, многие зарубежные компании уже начали вводить в свой штат такие должности, как директор по управлению интеллектуальными активами, менеджер по нематериальным активам, менеджер по интеллектуальной собственности, менеджер по трансферу технологий и др. В России таких компаний сегодня немного, десятки, но число их растет, поскольку многие организации начинают рассматривать управление интеллектуальным капиталом и его составляющими, в частности интеллектуальной собственностью (ИС), как самостоятельную бизнес-функцию [4].

Для успешного выполнения этой функции руководству НП необходимо учитывать основные факторы, влияющие на эффективность менеджмента интеллектуального капитала. Среди них можно отметить: демографический, законодательно-правовой, морально-нравственный, организационно-управленческий, информационный и методический факторы, а также фактор комплексной мотивации (рис. 1). Рассмотрим перечисленные факторы подробнее.

1. *Демографический фактор* обусловлен изменением отечественной экономики — от плановой к рыночной, в ходе этого периода произошел «разрыв преемственности поколений». Демографическая стагнация привела к тому, что современные предприятия уступают зарубежным в инновационной активности, несмотря на высокий интеллектуальный потенциал.

2. *Законодательно-правовой фактор* не менее существенен. С 2007 г. Международный Альянс прав собственности (The Property Rights Alliance) ведет оценку эффективности

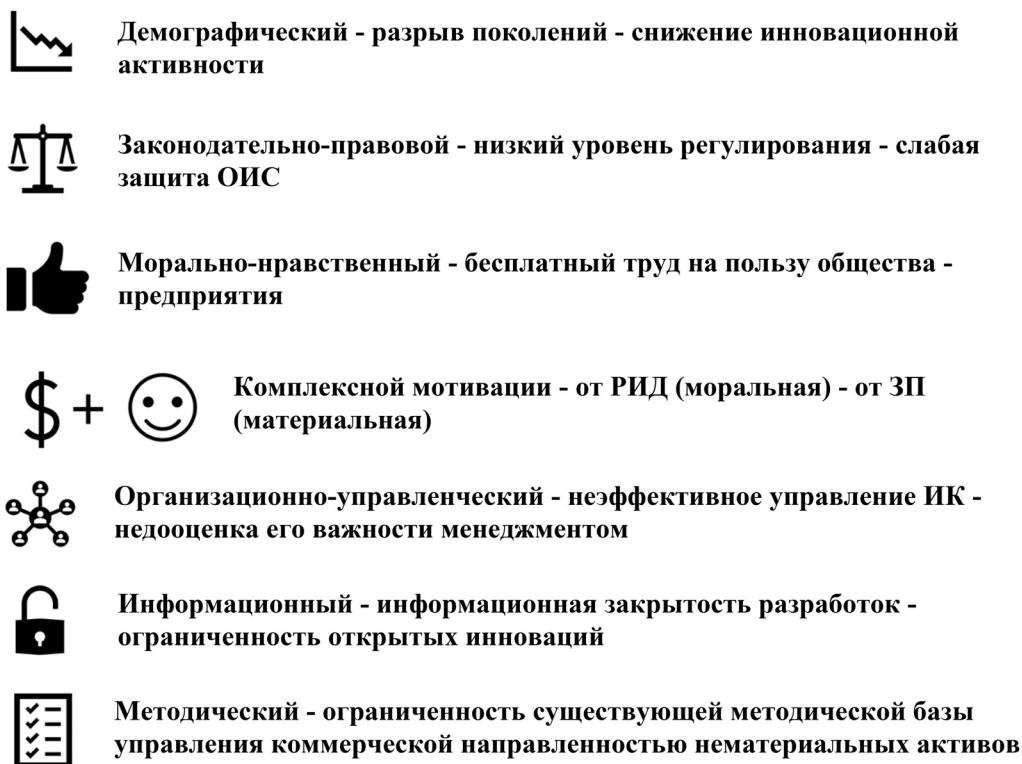

Рис. 1. Основные факторы, приумножающие интеллектуальные активы

действующих в странах систем защиты, в частности защиты прав на интеллектуальную собственность. Сегодня Россия занимает в рейтинге 125 стран 88-ю позицию, что препятствует инновационному развитию страны (рис. 2) [5].

3. Морально-нравственный фактор. В период плановой экономики изобретатели работали на благо государства и «родного» предприятия, и основным стимулом для них была идеология трудоцентризма. Изменение экономического уклада и политического строя повлекло за собой уход идеологии трудоцентризма. Однако морально-нравственный фактор того времени нашел свое отражение и в современных способах стимулирования сотрудников. В такой стратегии преобладают утратившие былую эффективность, неактуальные для современного внутреннего менеджмента методы [6, с. 187—190; 7].

4. Фактор комплексной мотивации. По данным службы HeadHunter, 55 % респондентов в части наукоемкой сферы плани-

руют сменить место работы по причине неудовлетворенности оплатой труда. Профессиональное выгорание и стресс стали второй по популярности причиной смены работы.

Важно подчеркнуть, что научно-исследовательская работа — это творческая работа, а не конвейер инноваций, и каждому изобретателю важно, чтобы его продукт стал полезным. Однако на предприятиях России крайне редко внедряются отечественные разработки, они попросту игнорируются. Таким образом, нет никакой системы мотивации персонала, ни внешней (повышение заработной платы и премирование), ни внутренней: результаты труда не приносят удовлетворения, так как зачастую не находят применения (рис. 3) [8].

5. Организационно-управленческий фактор. Менеджмент НП не готов в полной мере к новым вызовам в области управления интеллектуальной собственностью. Менеджеры иногда не понимают ценности РИД, что и является причиной низкой патентной

Рис. 2. Законодательно-правовой фактор, курирующий менеджмент интеллектуального капитала

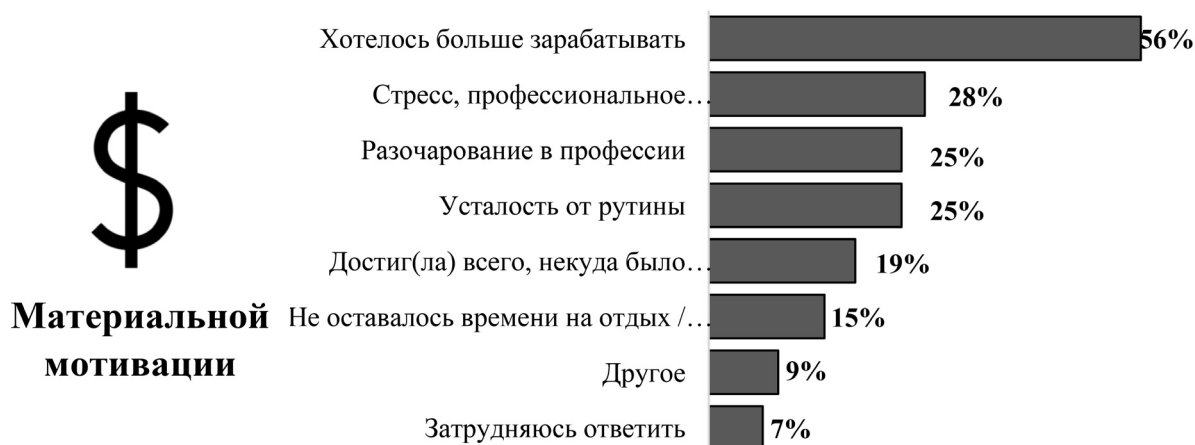

Рис. 3. Фактор комплексной мотивации в наукоемкой сфере

защищенности отечественных разработок. Конкурентные преимущества инноваций особенно значимы на рынке наукоемкой продукции, в то время как организация интеллектуальной деятельности по-прежнему не выходит за рамки государственных заказов.

6. *Информационный фактор.* Обмен результатами интеллектуальной деятельности

с сектором бизнеса затруднен, поскольку большинство отечественных предприятий работает по госзаказам, и такая организация работы связана с информационной закрытостью значительной части разработок и, как следствие, отсутствием патентной защиты. Сложившаяся ситуация является препятствием развитию интеллектуального потенциала.

Рис. 4. Структура актива и пассива наукоемкого предприятия

7. Методический фактор. Практически отсутствует методическая база и опыт у руководителей в отношении преобразования результатов интеллектуальной деятельности в коммерческий результат. Многие наукоемкие предприятия ориентируются в основном на устаревший подход, рассчитанный на оценку РИД, поэтому подача заявок зачастую не предусматривает коммерческой направленности использования РИД.

Успешный опыт организации работы разработчиков в ведущих зарубежных компаниях показывает следующее: перед разработчиком ставится задача предусмотреть в ходе работы подготовку патентуемого результата, по которому, в свою очередь, предполагается вознаграждение. Эффект от стимула проявляется в повышении патентной активности.

Патентные и экономические службы, принимающие на себя основной труд по оформлению документов и соответствующим расчетам, обеспечивают условия защищенности РИД. Вместе с тем результаты интеллектуальной деятельности не представляют никакой экономической ценности без надлежащего их использования. Такое использование возможно либо в собственной

хозяйственной деятельности (внутреннее использование), либо при передаче права использования третьим лицам (внешнее использование), а также в смешанной форме.

Использование РИД непосредственно на самом предприятии, наряду с коммерческим использованием во внешней среде, выступает важнейшим условием эффективности бизнеса и, следовательно, объектом управления: планирования, анализа, оценки и т. д. Однако, как отмечают многие специалисты, наибольший интерес представляет именно рыночная реализация ОИС и обеспечение дохода предприятия.

Исследования финансово-экономического состояния многих наукоемких предприятий свидетельствуют о том, что наряду с традиционными инструментами, позволяющими улучшить показатели и результативность деятельности, необходимо уделять внимание внеоборотным активам (нематериальным активам), именно они отражают результаты интеллектуальной деятельности. Качественный анализ подтверждает наличие взаимосвязи между позитивным изменением финансово-экономического состояния и развитием инновационной составляющей деятельности.

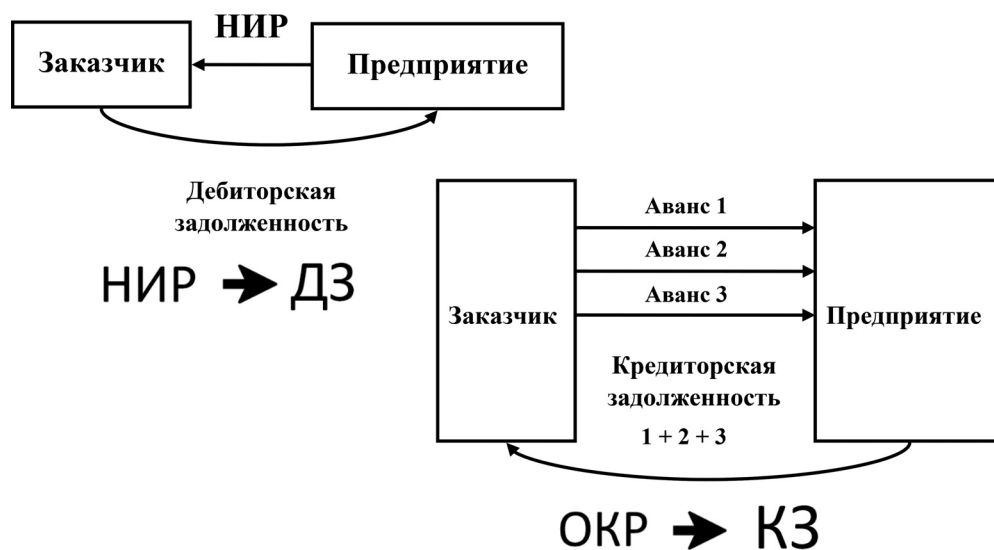

Рис. 5. Отражение дебиторской и кредиторской задолженности в структуре баланса

В ходе исследования выявлены особенности финансово-экономического анализа наукоемких предприятий. При выполнении финансово-хозяйственных операций, связанных с движением материальных ресурсов, денежных средств и договорными обязательствами, обычно образуется большая кредиторская и дебиторская задолженность. В большинстве случаев показатели задолженности в разы превышают нормативные значения (рис. 4).

Это связано не столько с проблемами организации производственного процесса или финансово-экономическим регулированием, сколько со спецификой отражения финансово-договорных отношений в бухгалтерской документации. Так, дебиторская задолженность образуется в ходе выполнения научно-исследовательских работ, которые зачастую реализуются в долг заказчику, поэтому оплата не завершена. Вместе с тем опытно-конструкторские работы авансируются практически полностью, что образует кредиторскую задолженность перед заказчиком. Как исследования, так и непосредственное производство — работы дорогостоящие, именно поэтому показатели задолженности зачастую очень высоки. Таким образом, на балансе наукоемких предприятий большие значения кредиторской и дебиторской задолженности

не являются признаком критической финансово-экономической ситуации. Величина показателей баланса может быть обусловлена особенностью процедуры авансирования, в соответствии с выполнением и завершением многоступенчатой работы (рис. 5).

Однако если расценивать излишние показатели кредиторской и дебиторской задолженности лишь как особенности, можно попасть в ловушку. Высокие значения могут быть вызваны нарушением сроков возврата долговых обязательств. Именно поэтому важно регулярно проводить мониторинг и структурный анализ дебиторской и кредиторской задолженности. А для того, чтобы определить, какие факторы оказывают влияние на движение денежных средств, и какую взаимосвязь они имеют с результирующими показателями актива и пассива, может использоваться корреляционно-регрессионный анализ.

Залогом успеха НП является эффективное управление финансовой деятельностью, что отражается в балансе по строке «Нематериальные активы» (рис. 6). Отметим, что по сравнению с зарубежными предприятиями отечественные НП не всегда капитализируют свои НМА, их доля в структуре актива может быть малой.

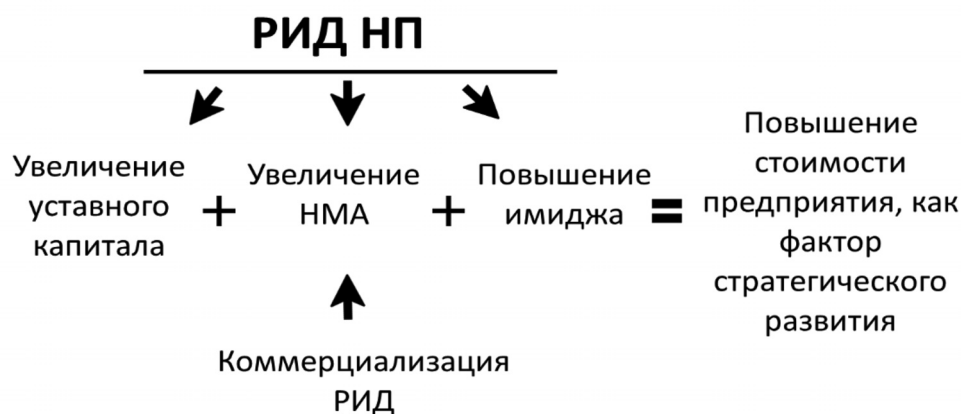

Рис. 6. Финансово-экономическая составляющая управления РИД как фактор успеха наукоемкого предприятия

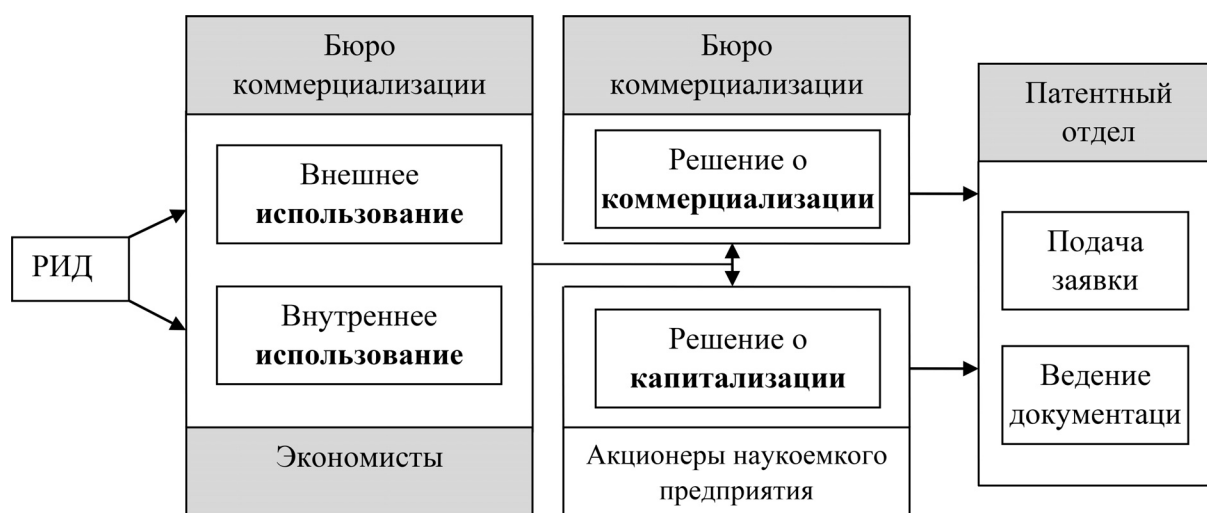

Рис. 7. Организационно-управленческая составляющая управления РИД как фактор успеха наукоемкого предприятия

Финансово-экономическая и организационно-управленческая составляющие комплексного подхода представляют собой альтернативу управления РИД, ориентированную (рис. 6) на улучшение финансовых показателей предприятия. В свою очередь, организационно-управленческая составляющая комплексного подхода (рис. 7) направлена на организацию и внедрение бюро коммерциализации в структуре патентного отдела. В задачи бюро входит координация действий разработчиков, экономистов, патентоведов и специалистов в целях выбора оптимальных способов регистрации активов, их отражения в бухгалтерском балансе,

обоснования решений по вопросам приоритетов их дальнейшего коммерческого использования.

Такая организация поможет перераспределить нагрузку и задачи с учетом функциональной ответственности сотрудников. Именно комплексное использование обеих составляющих (рис. 8), реализует мотивацию персонала к инновационной деятельности, создаст условия для увеличения уставного капитала, величины НМА и др.

Коммерциализация станет неотъемлемой частью деятельности и в совокупности с организационно-структурными изменениями позволит:

Организационно-управленческая составляющая	Финансово-экономическая составляющая	Результат
Акционеры наукоемкого предприятия Экономисты Разработчики Отдел патентования Бюро коммерциализации	Посредством РИД Увеличение НМА Увеличение уставного капитала Улучшение финансового состояния	Увеличение собственных оборотных средств Увеличение выручки Увеличение стоимости предприятия Мотивация сотрудников к активной ИД Повышение имиджа и усиление конкурентных преимуществ Расширение рынков сбыта

Рис. 8. Результаты использования организационно-управленческой и финансово-экономической составляющих управления интеллектуальной собственностью

- нарастить собственные оборотные средства (СОС);
- увеличить выручку за счет расширения деятельности, совместив государственные заказы и научно-технические разработки народно-хозяйственного назначения;
- улучшить имидж на рынке наукоемкой продукции и усилить конкурентные преимущества;
- увеличить стоимость предприятия, в том числе рыночную.

В заключение можно отметить, что учет перечисленных факторов ориентирует менеджмент НП на более эффективное управление интеллектуальными активами, способствует повышению стоимости предприятия и его стратегическому развитию. Таким образом, две составляющие комплексного использования инструментов управления интеллектуальной собственностью — финансово-экономическая (рис. 6) и организационно-управленческая (рис. 7) — призваны

обеспечить условия для достижения эффективных результатов (рис. 8).

Библиографический список

1. Лукичева Л.И. [и др.] Основы управления интеллектуальным капиталом организации: учеб. пособ. / Л.И. Лукичева, Е.В. Егорычева, Д.Н. Егорчев. М.: МИЭТ, 2020. 164 с.
2. Отчет о деятельности Роспатента за 2020 год [Электронный ресурс]: ежегодн. офиц. издание / Роспатент. М.: ФИПС, 2021. URL: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/otchet-2020-ru.pdf> (дата обращения 20.04.2021).
3. Intangible Asset Market Value Study [Electronic resource] // Ocean Tomo: Investment Group: official website. Access regime: <https://www.ocean-tomo.com/intangible-asset-market-value-study/> (дата обращения 21.04.2021).
4. Наумов В. Управление правами на цифровые продукты: оценка коммерческих рисков и автоматизация бизнес-процессов: Международная

онлайн-конференция [Электронный ресурс] / Distant & Digital // IP Академия & Skolkovo LegalTech: YouTube. 28 окт. 2020. URL: https://www.youtube.com/watch?v=B8ukzRRhiuU&feature=emb_logo (дата обращения 25.03.2021).

5. International Property Rights Index: Executive Summary [Electronic resource] / Property Rights Alliance. 2021. URL: <https://atr-ipri2017.s3.amazonaws.com/uploads/IPRI+2020+Executive+Summary.pdf> (дата обращения 28.04.2021).

6. **Шимукович П.Н.** ТРИЗ — противоречия в инновационных решениях: PN-метод. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 214 с.

7. **Магун В.С.** Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание // Мир России. 1998. № 4. С. 113—144; URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-trudovye-tsennosti-ideologiya-i-massovoe-soznanie> (дата обращения 21.04.2021).

8. Карьерные итоги десятилетия и планы на следующие 10 лет: результаты опроса [Электронный ресурс] // HeadHunter: официальный сайт. (29 января 2020 г.). URL: <https://hh.ru/article/26120> (дата обращения 21.04.2021).

Поступила 01.07.2021

Лукичева Любовь Ивановна — доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики, менеджмента и финансов, Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» (124498, г.Москва, г.Зеленоград, площадь Шокина, д.1), fmn@miec.ru

Алаторцева Ольга Алексеевна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики, менеджмента и финансов, Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» (124498, г.Москва, г.Зеленоград, площадь Шокина, д.1), fmn@miec.ru

Егорычева Екатерина Викторовна — доцент кафедры экономики, менеджмента и финансов, Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» (площадь Шокина, 1, Зеленоград), egor-kate@mail.ru

Вендина Ирина Александровна — старший преподаватель кафедры экономики и менеджмента, Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» (124498, г.Москва, г.Зеленоград, площадь Шокина, д.1), fmn@miec.ru

References

1. Lukicheva L.I. [i dr.] Osnovy upravlenija intellektual'nym kapitalom organizacii: ucheb. posob. / L.I. Lukicheva, E.V. Egorycheva, D.N. Egorychev. M.: MIJeT, 2020. 164 s.

2. Otchet o dejatel'nosti Rospatenta za 2020 god [Jelektronnyj resurs]: ezhegodn. ofic. izdanie / Rospatent. M.: FIPS, 2021. URL: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/otchet-2020-ru.pdf> (data obrashhenija 20.04.2021).

3. Intangible Asset Market Value Study [Electronic resource] // Ocean Tomo: Investment Group: official website. Access regime: <https://www.ocean-tomo.com/intangible-asset-market-value-study/> (data obrashhenija 21.04.2021).

4. Naumov V. Upravlenie pravami na cifrovyje produkty: ocenka kommercheskih riskov i avtomatizacija biznes-processov: Mezhdunarodnaja onlajn-konferencija [Jelektronnyj resurs] / Distant & Digital // IP Akademija & Skolkovo LegalTech: YouTube. 28 okt. 2020. URL: https://www.youtube.com/watch?v=B8ukzRRhiuU&feature=emb_logo (data obrashhenija 25.03.2021).

5. International Property Rights Index: Executive Summary [Electronic resource] / Property Rights Alliance. 2021. URL: <https://atr-ipri2017.s3.amazonaws.com/uploads/IPRI+2020+Executive+Summary.pdf> (data obrashhenija 28.04.2021).

6. Shimukovich P.N. TRIZ — protivorechija v innovacionnyh reshenijah. M.: LIBROKOM, 2012. S. 187—190.

7. Magun V.S. Rossijskie trudovye cennosti: ideologija i massovoe soznanie // Mir Rossii. 1998. № 4. S. 113—144; URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-trudovye-tsennosti-ideologiya-i-massovoe-soznanie> (data obrashhenija 21.04.2021).

8. Kar'ernye itogi desjatiletija i plany na sledujushhie 10 let: rezul'taty oprosa [Jelektronnyj resurs]

// HeadHunter: oficial'nyj sajt. (29 janvarja 2020 g.).
URL.: <https://hh.ru/article/26120> (data obrashhenija
21.04.2021).

Submitted 01.07.2021

Lukicheva Lyubov I., Doctor of Economics, Professor, Department of Economics, Management and Finance, National Research University «Moscow Institute of Electronic Technology» (124498, Moscow, Zelenograd, Shokina area, 1), fmn@miec.ru

Alatortseva Olga A., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Economics, Management and Finance, National Research University «Moscow Institute of Electronic Technology» (124498, Moscow, Zelenograd, Shokina area, 1), fmn@miec.ru

Egorycheva Ekaterina V., Associate Professor, Department of Economics, Management and Finance, National Research University «Moscow Institute of Electronic Technology» (1 Shokin Square, Zelenograd), egor-kate@mail.ru

Vendina Irina A., Senior Lecturer, Department of Economics and Management, National Research University «Moscow Institute of Electronic Technology» (124498, Moscow, Zelenograd, Shokina area, 1), fmn@miec.ru

Бытие и саморазвитие личности в социокультурном пространстве

Е.В. Андриенко¹, И.М. Горбачева²

¹ *Донецкий национальный университет, Донецк*

² *Национальный исследовательский университет «МИЭТ»*

elena_andrienko8@mail.ru

Статья посвящена философскому исследованию личностного бытия как процесса постоянного становления, развития и совершенствования личности, в ходе которого формируются ее качества, свойства и функции, относящиеся к физическому, социальному и духовному аспектам. Сделан акцент на различиях в интерпретации особенностей личностного бытия и его динамики в различных социокультурных и исторических контекстах — от древности до современности. Проанализированы такие аспекты формирования личности в пространстве социума и культуры, как личностное самосознание, свобода и творчество. Сделан вывод о том, что личность — это социокультурный конструкт, развитие которого определяется как биологическим, так и социокультурным факторами.

Ключевые слова: личность, общество, культура, саморазвитие, самосовершенствование, свобода, творчество.

Being and self-development of a personality in social and cultural space

E.V. Andriyenko¹, I.M. Gorbacheva²

¹ *Donetsk National University, Donetsk*

² *National Research University of Electronic Technology, Moscow*

elena_andrienko8@mail.ru

The article is devoted to the philosophical study of personal life as a process of constant formation, development and improvement of the personality during which its qualities, properties and functions related to the physical, social and spiritual aspects have been formed. The emphasis has been made on the differences in the interpretation of the characteristics of personal life and its dynamics in various socially-cultural and historical contexts — from antiquity to the present. Such aspects of personality formation in the space of society and culture as personal self-awareness,

freedom and creativity have been analyzed. It has been concluded that personality is a sociocultural construct the development of which is determined by both biological and sociocultural factors.

Keywords: personality, society, culture, self-development, self-improvement, freedom, creativity.

Феномен личности неоднократно становился предметом исследований в области философии, психологии, социологии, педагогики, медицины и других наук. Проблема личности интересовала известных мыслителей и ученых разных эпох — Аристотеля [1], Н. А. Бердяева [2], Дж. Дьюи [4], М. Хайдеггера [8], К.-Г. Юнга [10] и др. Среди современных авторов, в работах которых анализируется проблема саморазвития личности в контексте общества и культуры, следует назвать А. А. Гулова [3], М. С. Кагана [5], М. С. Подопригору [6], И. Г. Сухину [7], Г. А. Цукермана [9] и др. Вместе с тем присутствует необходимость раскрытия особенностей динамики личностного бытия.

Личность (греч. *persona*) — это отдельный человек с определенными чертами характера, индивидуальными способностями и склонностями. Это понятие употребляется только по отношению к отдельному человеку, начиная с определенного этапа его развития. Личностью в узком смысле этого слова является человек, у которого есть сформировавшееся мировоззрение, убеждения, ценности и отношение к жизни [3, с. 25]. Неотъемлемыми атрибутами личности выступают разумность, владение языком, способность к труду и творчеству, самостоятельность, стремление к свободе, сила воли, неповторимость чувственно-эмоциональных переживаний, ответственность и др. Эти признаки обусловлены общим социокультурным контекстом, в котором происходит формирование и развитие личности. Личность, таким образом, выступает социокультурным конструктом: общество формирует личность путем ее социализации, путем воздействия на нее факторов социокультурной

среды. В свою очередь, личность не только формируется социумом и культурой, но и сама влияет на них в зависимости от своего образования, профессии, общественного положения и созидательной или разрушительной активности. Но, все же, определяющая роль в этом контексте принадлежит обществу, которое создает благоприятные (или, наоборот, неблагоприятные) условия для деятельности и развития личности.

Изучение феномена личности неразрывно связано с социокультурным контекстом, обусловленным историческими особенностями той или иной эпохи. В первобытном обществе человек практически не выделялся из общественной среды, поскольку условия его бытия не позволяли выжить вне сообщества подобных ему индивидов. Первобытно-общинный строй опирался на род, в котором не существовало понятия индивидуальной ответственности, свободы, личных прав и обязанностей.

На Древнем Востоке «Мы» всегда доминировало над «Я». В отличие от запада, где в период Нового времени утвердились либеральные ценности, на Востоке сложилась традиция полного принятия личностью государственной воли и власти, терпения и покорности судьбе и существующему социальному укладу. Восточный человек всегда был обусловлен различными степенями «внешней» по отношению к своему мировоззрению личностной зависимости: от норм семьи до норм общины и всего государства.

Античность также характеризуется отсутствием развитой субъектности и индивидуальной свободы. Древний грек не мыслил себя вне полиса — города-государства,

с которым он был единым целым. В период греческой Античности сформировался идеал гражданина, который приносит жертвы богам-покровителям полиса, участвует в коллективном принятии решений на народном собрании и становится на защиту своего полиса в военных конфликтах. В то же время проблема личности начала исследоваться в рамках античной философии в контексте учения о душе и ее элементах (Демокрит, Эпикур, Платон, Аристотель [1] и др.).

В Средневековье в аспекте социального бытия личностное начало также не было четко проявлено, что выражалось в наследовании профессий, сословной иерархии, известном принципе «каков отец — таков и сын». В то же время под влиянием христианской аксиологии происходит глубокая мировоззренческая трансформация понимания личности. Фактически произошел переход от личности как античной *persona* (театральная маска) к осознанной нравственной сущности, имеющей вечную душу как высшую метафизическую ценность. Однако развитие личности как динамический процесс средневековыми философами фактически не рассматривалось: динамика личностного бытия для средневековых мыслителей заключалась в переходе из одной возрастной стадии к другой.

Идея о наличии внутренних источников развития личности сформировалась лишь в эпоху Возрождения. Новая концепция развития основывалась на гуманистической философии с ее акцентом на личность как высшую культурную и общественную ценность, а также на представление о божественной природе всего сотворенного Богом мира, в котором человек — это венец Творения, сам выступающий творцом в социальном бытии.

В эпоху Нового времени в европейской философии под влиянием христианских идей, а также институализации науки утверждается идея прогресса и верховенства разума; новые мировоззренческие установки

определили и взгляды мыслителей на личностное саморазвитие. Философия и наука в целом в XVII — XIX вв. трактовала человека как самозаводящийся сложный механизм, нацеленный на самосохранение и самовоспроизводство (Р. Декарт, П. Гольбах, Ж. Ламетри, Ж.-Б. Ламарк, Т. Гоббс). В марксизме акцент делается на том, что личность развивается в социуме, в процессе труда, творческой духовной и материальной деятельности, преодолевая диалектическое противоречие между типичным и индивидуальным.

Русская религиозная философия (Н. Бердяев, Вл. Соловьев, П. Флоренский и другие) способствовала утверждению персоналистической трактовки личностного развития, согласно которой саморазвитие происходит через объективацию личностной свободы в творчестве, являющемся актом выхода личности за пределы себя в сферу трансцендентального.

С утверждением постнеклассического типа рациональности в науке конца XX — начала XXI вв. изменяется и понимание проблемы развития личности. Идея развития трансформировалась в идею саморазвития, акцент в которой переносится с идеи социализации личности в обществе на идею самосозидания личности на основе ее личностного выбора, а также осознания связи личностного, социального и природного бытия (В. И. Вернадский, А. Швейцер, Н. Н. Моисеев, В. А. Лекторский, М. С. Каган, В. С. Степин и др.).

Таким образом, личность — это всегда интегральная система, которая тесно связана с самостью. Существует философская и психологическая трактовка самости. В философской интерпретации самость представлена в философии М. Хайдеггера как бытие «Я» (самобытие), реализуемое как забота о собственном существовании [8, с. 183]. У И. Г. Фихте самость — это самодвижение мысли, а «Я» — предпосылка деятельностного проявления личности. К. Ясперс считал основным проявлением самости свободу. Искажая или

реализуя свою свободу, личность либо развивается и актуализирует свою самость, либо разрушает ее. В психологическом смысле понятие самости в юнгианской концепции является одним из архетипов, выражающих глубинную целостность личности [10, с. 94—95] и сочетающим сознательный и бессознательный компоненты. Благодаря архетипу самости личность осознает себя как нечто особенное, отличное от окружающего мира. Как пишет Г. А. Цукерман, «саморазвитие — это сознательное изменение и (или) столь же сознательное стремление сохранить в неизменности мою «Я-самость». Цели, направления, средства этих изменений определяю я сам» [9, с. 26].

Таким образом, идея того, что личность не заложена в биологии человека, что для ее развития требуются определенные условия и факторы, приводят нас к выводу, что личностью обладает не каждый индивид. М. С. Каган пишет, что личность — это «особое качество индивида, но не врожденное, не имманентное, а формирующееся в результате овладения индивидом определенным культурным содержанием» [5, с. 8].

При всем многообразии подходов и определений личности можно выделить три базовых аспекта ее формирования, которые являются общими для всех этих подходов и определений: самосознание, свобода и творчество.

Самосознание — это особый уровень сознания, на котором осуществляется функция внутреннего контроля личности за деятельностью собственного сознания и поддержание его целостности. Самосознание предполагает выделение и отличие личностью самой себя, своего «Я» от всего, что ее окружает. Это способность посмотреть на себя как бы со стороны, осознать свои действия, чувства, мысли, мотивы поведения, интересы, свое положение в обществе. Самосознание возникает под влиянием определенных культурных и общественных условий, которые требуют от личности умения оцени-

вать свои поступки, слова и мысли с точки зрения определенных социокультурных норм.

Самосознание личности тесно связано с феноменом рефлексии. У Р. Декарта рефлексией назывался внутренний самоотчет, упорядоченное отражение бытия в сознании. Этот подход выразился в его знаменитой формуле: «Я мыслю — следовательно, я существую». В современном понимании рефлексия — это размышление личности о самой себе, когда она вглядывается в сокровенные глубины своей внутренней психической жизни. Уровни рефлексии могут быть разнообразными — от элементарного самосознания до глубоких раздумий над смыслом своего бытия, его нравственным содержанием и т.д. Осмысливая собственные духовные процессы, личность нередко критически оценивает негативные стороны своего внутреннего мира. Именно в процессе рефлексии осуществляется основная часть личностного развития и изменения.

Свобода — это также важнейший аспект и непереносимое условие становления и развития личности. Следует различать социальную свободу как более широкое понятие и личностную свободу как ее часть [4, с. 86]. Свобода в широком социальном смысле напрямую зависит от уровня самосознания отдельных личностей и их способности к самоопределению. При этом свобода диалектически связана с понятиями ответственности, права и равенства возможностей.

Социальная и индивидуальная свобода являются факторами личностного творчества как процесса реализации своей внутренней субъективной реальности во внешнем мире, в ходе которого формируются новые уникальные (в отличие от процесса производства) материальные и духовные ценности.

Здесь следует также сказать, что в философских работах по саморазвитию личности часто фигурирует понятие «самосозидание». Как пишет в своем исследовании С. Я. Подопригора, самосозидание — это общая индивидуальная

стратегия личностного развития, в то время как самовоспитание и самореализация — это особенные индивидуальные стратегии. Самосозидание, самовоспитание и самореализация являются инструментами культурной идентификации личности [6, с. 16].

Личностное саморазвитие всегда включает в себя самопознание. Самопознание — это изучение личностью своих духовных и физических особенностей, которое начинается в раннем детстве и продолжается в течение всей жизни. Ценность самопознания была осознана еще мыслителями Древнего Востока (Буддой, Лао-Цзи, Конфуцием) и античными мыслителями (Сократом, Платоном, Аристотелем и др.). В марксизме самопознание — это условие принятия ответственности за собственное развитие. Согласно К. Роджерсу, самопознание является условием личностного роста. Н. А. Бердяев писал: «...моя личность не есть готовая реальность, я создаю ее, создаю тогда, когда познаю себя, я есть, прежде всего, — акт» [2, с. 263].

Утверждение о единстве развития и познания, на наш взгляд, является справедливым и в отношении к категории личностного саморазвития. Саморазвитие всегда предполагает самопознание, которое осуществляется на трех уровнях — физическом, социальном и личностном. На физическом уровне личностное самопознание направлено на познание своей телесности и своих физических возможностей. На социальном уровне самопознание — это познание себя как субъекта социальных отношений, культурных норм и ценностей. На личностном, наиболее глубоком уровне самопознания оно предстает как свобода, творчество, поиск путей самоактуализации и реализации своего внутреннего потенциала. К практическому аспекту самопознания относятся самонаблюдение, самоанализ, самопонимание, самопринятие, самоуправление (саморегуляция), а также самовыявление и самосовершенствование. Самовыявление — это понятие, сфор-

мулированное В. Дильтеем и обозначающее в его философском учении основную форму саморазвития личности, когда она как бы «обнаруживает себя» во внешнем мире. Схожим содержанием обладает понятие «открытие своего «Я», сформулированное в философии А. Шпрангера.

Самосовершенствование — это целенаправленная деятельность личности по систематическому формированию и развитию у себя положительных качеств и устранению отрицательных. Слово «самосовершенствование» восходит к греческому корню *telos* — «верх», «полнота», «цель». В целом, понятие самосовершенствования является синонимом саморазвития личности. В различных культурах в различные исторические эпохи подходы к самосовершенствованию имели свои отличительные особенности. Так, в буддийской культуре самосовершенствование заключается в борьбе со страстями и привязанностями и в практике восьмеричного пути. В христианстве самосовершенствование означает степень приближенности к Богу как высшему совершенству. Зачастую самосовершенствование понимается как процесс развития неких положительных моральных, волевых, физических и других качеств. При этом на уровне индивидуального бытия у совершенствования (или у саморазвития) может быть и обратная сторона. Так, самосовершенствоваться можно и в навыках манипуляции, и в любой деструктивной деятельности (например, в мошенничестве или в воровстве).

Таким образом, бытие личности — это процесс ее постоянного становления, развития и совершенствования, в ходе которого формируются качества, свойства и функции личности, относящиеся к физическому, социальному и духовному аспектам ее бытия. Развитие личности происходит под влиянием как биологического, так и социокультурного факторов. Категория саморазвития личности тесно связана с такими категориями, как «развитие», «личность», «рефлексия», «самосознание», «самопознание», «самость», «самообладание»,

«самопонимание», «самосовершенствование», «самосозидание», «самовыявление», «открытие своего «Я».

Библиографический список

1. **Аристотель**. О душе // Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1983. С. 371—448.
2. **Бердяев Н. А.** Самопознание: Опыт философской автобиографии. М.: Книга, 1991. 445 с.
3. **Гулов А. А.** Самосовершенствование человека как философско-антропологическая проблема: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Душанбе, 2012. 23 с.
4. **Дьюи Дж.** Общество и его проблемы. М.: Идея-Прогресс, 2002. 162 с.
5. **Коган М. С.** Формирование личности как синергетический процесс // Обсерватория культуры. 2005. № 2. С. 4—10.
6. **Подопригора С. Я.** Индивидуальная стратегия самосозидания как способ культурной идентификации: автореф. дис. ... докт. филос. наук: 24.00.11; 09.00.11. Ростов-на-Дону, 2003. 48 с.
7. **Сухина И. Г.** Ценности и человеческое бытие в хронотопе культуры. Донецк: Донбасс, 2016. 444 с.
8. **Хайдеггер М.** Бытие и время. М.: Академический проект, 2015. 460 с. (Философские технологии).
9. **Цукерман Г. А.** Психология саморазвития: задача для подростков и их педагогов. М.; Рига: ПЦ Эксперимент, 1997. 276 с.
10. **Юнг К.-Г.** Психология бессознательного. М.: Канон, 1994. 250 с.

Поступила 26.08.2021

Андриенко Елена Владимировна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Донецкого национального университета (83000, Университетская ул., 24, Донецк, Украина), elena_andrienko8@mail.ru

Горбачева Ирина Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ», (124498, Россия, г. Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, 1), netadm@miee.ru

References

1. Aristotel'. O dushe // Sochinenija: v 4 t. T. 1. M.: Mysl', 1983. S. 371—448.
2. Berdjaev N. A. Samopoznanie: Opyt filosofskoj avtobiografii. M.: Kniga, 1991. 445 s.
3. Gulov A. A. Samosovershenstvovanie cheloveka kak filosofsko-antropologicheskaja problema: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.13. Dushanbe, 2012. 23 s.
4. D'jui Dzh. Obshhestvo i ego problemy. M.: Ideja-Progress, 2002. 162 s.
5. Kogan M. S. Formirovanie lichnosti kak sinergeticheskij process // Observatorija kul'tury. 2005. № 2. S. 4—10.
6. Podoprighora S. Ja. Individual'naja strategija samosozidaniya kak sposob kul'turnoj identifikacii: avtoref. dis. ... dokt. filos. nauk: 24.00.11; 09.00.11. Rostov-na-Donu, 2003. 48 s.
7. Suhina I. G. Cennosti i chelovecheskoe bytie v hronotope kul'tury. Doneck: Donbass, 2016. 444 s.
8. Hajdegger M. Bytie i vremja. M.: Akademicheskij proekt, 2015. 460 s. (Filosofskie tehnologii).
9. Cukerman G. A. Psihologija samorazvitija: zadacha dlja podrostkov i ih pedagogov. M.; Riga: PC Jeksperiment, 1997. 276 s.
10. Jung K.-G. Psihologija bessoznatel'nogo. M.: Kanon, 1994. 250 s.

Submitted 26.08.2021

Andriyenko Elena V., PhD., Professor of the Chair of Philosophy, Donetsk National University (bld. 24, Universitetskaya Street, Donetsk, 83000), elena_andrienko8@mail.ru

Gorbacheva Irina M., PhD., Associate Professor of the Chair of Philosophy, Sociology and Political Science, National Research University of Electronic Technology" (MIET) (bld. 1, Shokina Square, Moscow, Zelenograd 124498), irina_gorbacheva@bk.ru

Социальная интеграция беженцев в странах Европейского Союза (на примере Испании)

М.Г. Галахтин, В.А. Степанов

*Национальный исследовательский университет «Московский институт
электронной техники»*

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

m.galakhtin@gmail.com

На примере Испании анализируется текущая ситуация в сфере социальной интеграции мигрантов в странах Европейского Союза. Рассматриваются явления, послужившие причиной миграционного кризиса 2015 г. в Европе и социальные последствия кризиса, а также меры по его преодолению. Проводится оценка вопросов и проблем миграционной политики Испании, связанных с миграционными потоками и новыми вызовами социальной интеграции, адаптации мигрантов.

Ключевые слова: миграционный кризис, Европейский Союз, миграционная политика, миграционная система Испании, социальная интеграция беженцев.

Social Integration of Refugees in the European Union (based on the Spanish experience)

M.G. Galakhtin, V.A. Stepanov

National Research University of Electronic Technology (MIET)

V.N. Karazin Kharkiv National University

m.galakhtin@gmail.com

The current situation in the field of social integration of migrants in the countries of the European Union is analyzed on the example of Spain. The phenomena that caused the 2015 migration crisis in Europe and the social consequences of the crisis, as well as measures to overcome it, are considered. The issues and problems of Spanish migration policy related to migration flows and new challenges of social integration and adaptation of migrants are evaluated.

Keywords: Europe's migrant crisis, migration policies, Spanish migration system, refugees' social integration

Процессы глобализации повышают социальную значимость явления миграционных потоков в целом и вопросов и задач, свя-

занных с обеспечением благоприятного интеркультурного взаимодействия между различными народами, в частности. Явление

миграционных потоков существует под разными названиями с давних времен. Борьба за жизнь в благоприятных климатических условиях, за обладание богатыми природными ресурсами, оптимальными возможностями для экономической деятельности обуславливала поиск, завоевание новых территорий народами на стадии формирования государственных образований. Позднее эти факторы играли значительную роль в процессах колониальных экспансий, в этнических и религиозных конфликтах, создававших предпосылки как для внешней, так и для внутренней миграции населения.

Евроинтеграционные процессы, наибольшая активность которых наблюдалась на протяжении второй половины XX в., ставили перед Европейским союзом (ЕС) такие основные задачи, как свободное перемещение граждан в рамках режима открытых границ, а также экономически эффективное функционирование его внутреннего рынка. Вопрос регулирования миграционных потоков из третьих стран, в том числе приобретения статуса беженца, в приоритетные задачи не входил. Наиболее важным событием в этот период стало Шенгенское соглашение, Конвенция о применении которого, вступившая в действие в 1990 г., отменила регулярный пограничный контроль между странами ЕС.

Предпосылки и начало кризиса в европейском союзе. Привилегии, полученные в результате евроинтеграции жителями стран ЕС, несомненно, в той или иной степени должны были распространяться и на категорию перемещенного населения, что впервые на общеевропейском уровне было реализовано после подписания в 1990 г. Дублинской конвенции, вступившей в силу в странах ЕС только в 1997—1998 гг. Документ предусматривал ходатайство о статусе беженца и меж-

дународной защите для мигрантов в первой по прибытии стране ЕС [5]. Тем самым данный инструмент резко ограничивал внутри-европейскую мобильность мигрантов, а также существенно усиливал нагрузку на работу миграционных и пограничных служб, что угрожало безопасности беженцев и зачастую являлось поводом для их депортации.

Дублинская конвенция была пересмотрена дважды, а в 2013 г. заменена на Дублинский регламент (Регламент № 604/2013 Европейского парламента и Совета ЕС), известный также как Дублин III. Новый инструмент изменил основное положение предыдущего, а именно установил индивидуальный подход к временному пребыванию мигрантов в той или иной стране ЕС по следующим критериям: наличие родственных связей в одной из стран ЕС, предыдущее нахождение в странах ЕС и др. Вместе с тем нововведение не дало мигрантам права свободно перемещаться по странам ЕС.

Начало третьего тысячелетия сопровождалось ростом числа глобальных конфликтов, а последнее десятилетие — также усугублением социальных и экономических проблем в отдельных регионах. К наиболее значимым из них можно отнести: военные действия в Афганистане (с 2001 г. по 2014 г.); продолжающиеся военные столкновения в Ираке (с 2004 г.); военные конфликты на северо-западе Пакистана (с 2004 г.); сложную политическую обстановку¹ (с 2007 г.) и экономический кризис (с 2013 г.) в Венесуэле; гражданскую войну в Сирии (с 2011 г.); военный конфликт на востоке Украины (с 2014 г.); гражданскую войну в Ливии (с 2014 г.); последствия государственного переворота в Йемене (с 2014 г.).

Наибольший удар — ухудшение качества жизни пострадавшего от этих событий

¹ Имплементация конституционной реформы вопреки результатам референдума, а также монополизация структур власти центральным правительством У. Чавеса, подробнее см.: Строганова Е.Д. Социально-политические преобразования Уго Чавеса в Венесуэле // История зарубежных стран. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-politicheskie-preobrazovaniya-ugo-chavesa-v-venesuele/viewer> (дата обращения 16.08.2021).

населения ЕС — приняли на себя страны с наиболее развитой экономикой, государства, которые по историческим причинам сохраняют тесные культурно-лингвистические связи с проблемными регионами, а также страны, близко расположенные к зонам военных конфликтов. В некоторых из них ситуация усложнилась по причине совокупности изложенных выше факторов, влияющих на миграционные потоки. Так, например, Испания — традиционное место переселения испаноязычных жителей из неблагополучных территорий Латинской Америки — столкнулась с проблемами легальной и нелегальной миграции из сопредельных стран Африки. Похожая ситуация сложилась в соседней Франции, а также в Италии и Великобритании. Вместе с тем «точка притяжения» миграционных потоков в Португалии обусловлена не только традиционным притоком португалоязычных переселенцев из других стран, но и наличием значительной части неавтохтонного населения — украинской диаспоры, сыгравшей особую роль в эскалации конфликта на востоке Украины.

Таким образом, функционирование Дублинского регламента 2013 г. «в нормальных условиях» оказалось под угрозой [1], поскольку некоторые страны, в которых миграционные потоки острой проблемой не являлись, географически оказались на «линии фронта», так как стали промежуточным пунктом на пути к целевой стране назначения. К таким странам, где по разным причинам возникли особенные трудности миграционного регулирования, можно отнести, например, Венгрию или Хорватию. В этих странах обнаружилась существенная нехватка инфраструктуры, технико-экономических ресурсов, а также законодательных инструментов, способных осуществлять эффективный контроль и управление миграционными потоками [11].

Решающую роль в переселении играют факторы экономической привлекательности стран-реципиентов, что, однако, не отража-

ется в регулирующих актах ЕС, поскольку, как было сказано раньше, ЕС не наделяет мигрантов правом свободной внутриевропейской мобильности. Миграционный кризис 2014 г. выявил острую необходимость совместного поиска способов его преодоления, в том числе на уровне законодательства Евросоюза. Однако решение Европейского парламента №2015/1523 от 14 сентября 2015 г., принятое на основании соглашения между представителями государств-членов ЕС (июль 2015 г.), не получило поддержки со стороны Чехии, Финляндии, Словакии и Венгрии. Более того, последние две страны оспаривали это решение в Европейском суде. Данная инициатива обозначила условия перераспределения миграционных потоков через морские границы Греции и Италии, где ситуация сложилась особенно остро.

Кризисная ситуация 2014—2015 гг. в Испании. На фоне тренда миграционных потоков в странах ЕС (в период с 1975 г. по настоящее время) Испания, после вступления в состав Европейского союза в 1986 г., традиционно сталкивалась с противоположным явлением — оттоком населения, который активизировался благодаря возможностям внутриевропейской миграции. Так, начиная со второго семестра 2015 г., Национальный институт статистики Испании фиксирует превышение въездной миграции населения над выездной (с 2010 г. это происходит впервые), а вплоть до 2019 г. ее экспоненциальный рост (см. рис. 1).

Наиболее мощный рост экономического благосостояния Испании пришелся на период 1990—2008 гг., затем он сменился резким падением в результате мирового финансового кризиса в начале 2010-х гг. Наиболее ярко это выразилось в дестабилизации, снижении экономической активности страны, а также в сокращении рабочих мест и существенном приросте безработицы.

Усиление негативных тенденций пришлось на начало 2015 г., когда практически одновременное появление и развитие новых

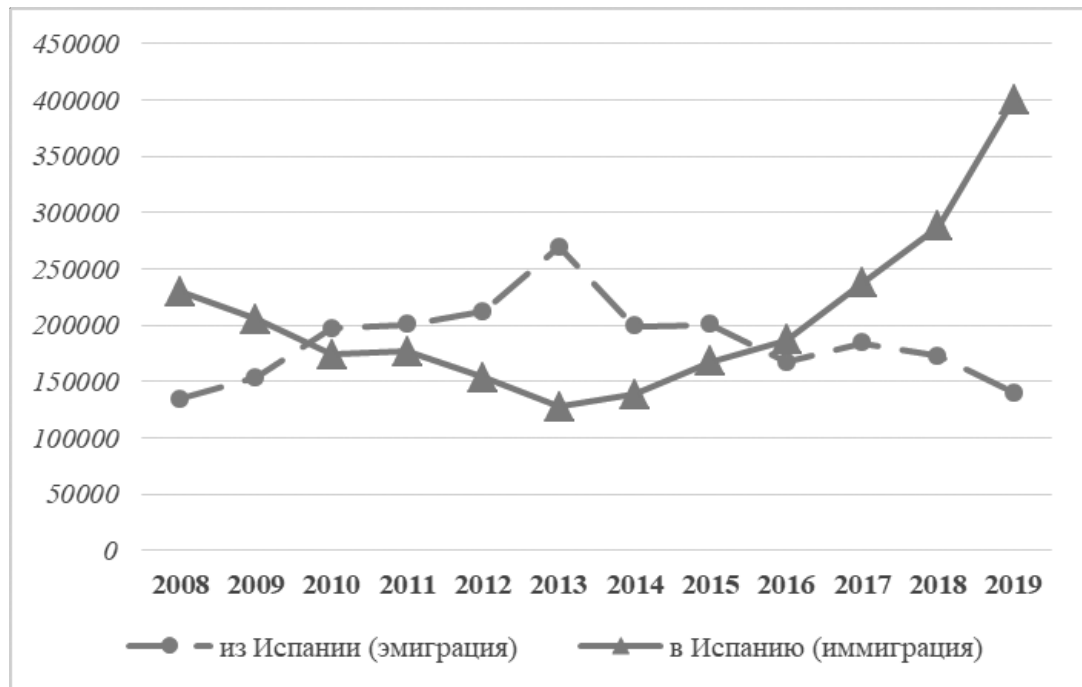

Рис. 1. Динамика притока и оттока населения Испании с 2008 г. по 2019 г.

Примечание. Составлено авторами по данным: Instituto Nacional de Estadística: сайт Национального статистического института Испании. Режим доступа: https://www.ine.es/dyngs/INEbase/es/operacion.htm?c=Estadistica_C&cid=1254736177000&menu=ultiDatos&idp=1254735573002 (дата обращения 03.02.2021). Использованы метрики: внешняя миграция / эмиграция.

военных конфликтов в Ливии, Сирии, Украине, наравне с удручающей ситуацией в экономической системе Венесуэлы, спровоцировали резкий скачок притока мигрантов. Согласно отчету Комиссии Испании по делам беженцев CEAR [2], за этот год Испания разрешила доступ на свою территорию исторически рекордному числу мигрантов, прибывших морским путем, — 58 569 чел. Кроме того, договоренности о перемещении мигрантов внутри стран ЕС также обеспечили значительный рост притока мигрантов (см. рис. 2). Например, в апреле 2018 г. на территорию Испании перемещено 1359 чел. из 9323 чел., согласно обязательной квоте.

Правовой статус беженцев в Испании. Правовой режим пребывания лиц, въехавших в Испанию в целях получения убежища, устанавливается конституционным Органическим законом №4/2000 от 11 января 2000 г. «О правах и свободах иностранных граждан в Испании и об их соци-

альной интеграции» [7], ст. 34 которого устанавливает порядок въезда «лиц без гражданства, гражданство и личность которых установить невозможно, и беженцев» на территорию Испании. Согласно ст. 60 данного нормативного акта, попытка незаконного проникновения на территорию Испании влечет за собой незамедлительные меры по возвращению такого лица в срок до 72 часов, либо помещению, в случае если такой срок соблюдения невозможно, в центры временного поднадзорного пребывания иностранцев (centros de internamiento de extranjeros, CIE), которые не являются учреждениями пенитенциарного типа.

Непосредственный порядок подачи и рассмотрения прошений о международной защите, в том числе из центров временного пребывания (CIE) и от лиц, находящихся на территории Испании без необходимых для этого документов и разрешений (так называемых *polizones*), регламентируется

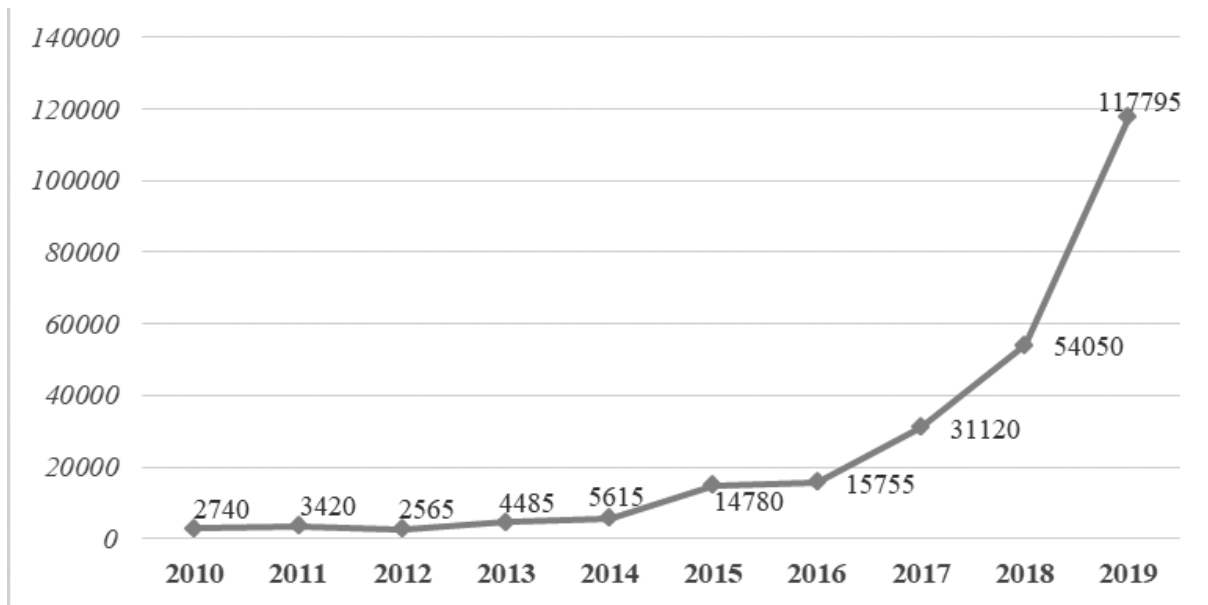

Рис. 2. Количество прошений о статусе беженца с 2010 г. по 2019 г.

законом №12/2009 от 30 октября 2009 г. «О правах предоставления убежища и субсидиарной защите» [7]. Данный нормативный акт регулирует процедуру подачи и рассмотрения прошения о предоставлении международной защиты, а также устанавливает статус, права и обязанности заинтересованных лиц на период защиты. Закон предусматривает многоступенчатую процедуру рассмотрения прошения об убежище, которая включает выдачу временных документов, удостоверения личности и доступ к сфере здравоохранения, решение вопросов социальной поддержки населения, а также предоставление права на осуществление трудовой деятельности. В реальности тем не менее ситуация складывается сложнее. Как отмечает издание *Público*, трудности возникают уже на «нулевом» этапе, то есть в момент записи на прием для подачи заявления на рассмотрение дела о принятии прошения о международной защите — ввиду нехватки технического персонала в Миграционной службе Министерства внутренних дел Испании, при постоянном росте числа прошений (см. рис. 2).

К другим проблемам можно отнести огромные задержки в рассмотрении прошений

об убежище со стороны Испании. Издание *El País*, ссылаясь на источники Европейского бюро по поддержке беженцев (European Asylum Support Office), отмечает, что на долю Испании в 2019 г. приходилась почти четверть прошений в стадии рассмотрения — от общего количества таковых среди всех стран ЕС. Издание констатирует, что основной проблемой является резкий рост притока мигрантов, обусловленный перемещением беженцев морским путем через Италию и Грецию, а также продолжение гуманитарной катастрофы в Венесуэле. По данным Испанской комиссии по поддержке беженцев (CEAR) [2], прошения о международной защите в 2018 г. распределены среди стран-доноров (см. рис. 3).

Социальная адаптация мигрантов в Испании. История централизованной поддержки переселенцев ведет свое начало с создания Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев во времена Второй мировой войны. Отправной точкой создания миграционной политики в Испании и, в частности, социальной интеграции мигрантов стал Конституционный закон №7/1985 от 02.04.1985 «О регулировании основ местного режима».

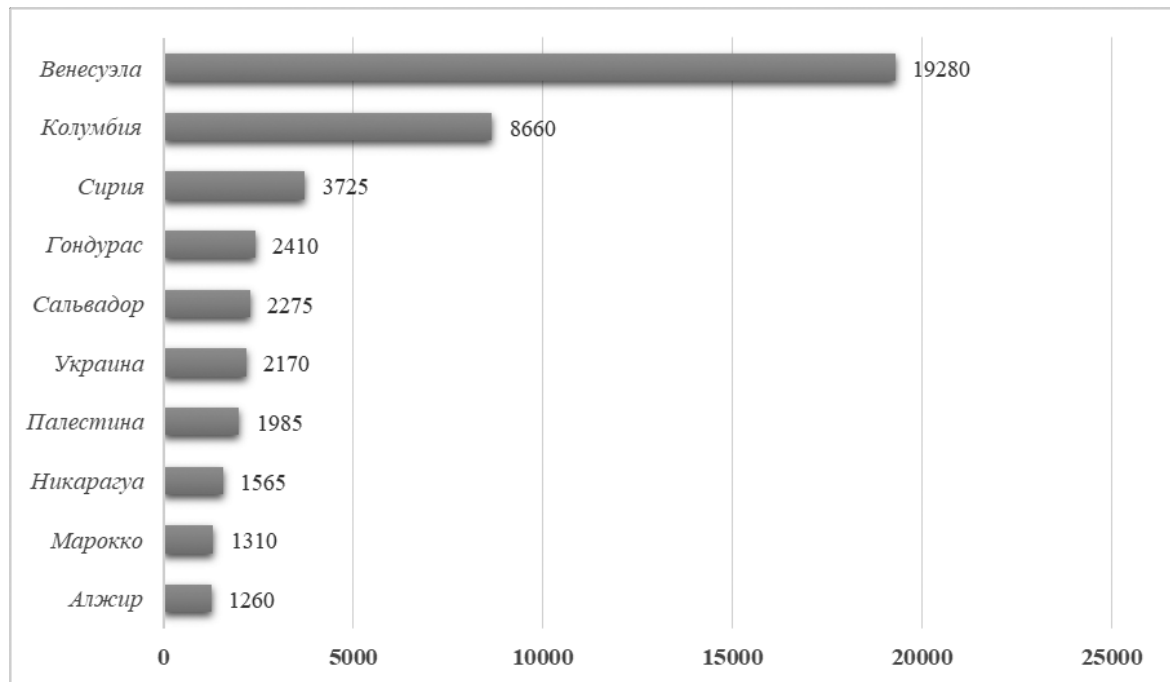

Рис. 3. География миграционных притоков в Испанию в 2018 г.

Закон был единогласно принят имеющей парламентское большинство Испанской социалистической рабочей партией (PSOE) по требованию общей миграционной политики ЕС в преддверии принятия Испании в состав Европейского союза в 1986 г., поэтому очевидно его политическое значение.

В последующие годы ситуация не претерпела существенных изменений, вплоть до декабря 1994 г., когда внедренный Министерством социальных вопросов «План по социальной интеграции иммигрантов» обозначил первые шаги в данном направлении. В 2000 г., как упоминалось выше, был принят конституционный закон №4/2000 «О правах и свободах...» [7], положивший начало миграционной политике Испании на государственном уровне [3].

Непосредственную поддержку и адаптацию переселенных лиц в Испании осуществляет CEAR. Усилиями этой организации координируется социальная и экономическая поддержка мигрантов, в частности выделение социального жилья, подотчетного денежного пособия, а также услуги (при необходимости) юридических и психологических служб на

безвозмездной основе. Тем не менее подход к вовлечению этих служб адресный, а не универсальный, что существенно ограничивает интегральность мер по социальной адаптации мигрантов. С трудностями социальной интеграции мигранты сталкиваются прежде всего на образовательном уровне: необходимость изучения испанского языка, решения весомых проблем при нострификации образовательных документов и, как следствие, проблем с получением права на трудовую деятельность и доступ к образовательным учреждениям страны. Прибывшие мигранты зачастую оказываются в катастрофическом положении, поскольку лишь немногие из них осведомлены о необходимости проведения административных процедур по международному признанию большого количества документов, выданных в стране происхождения, а также о юридическом запрете обращаться в консульские представительства их стран на территории Испании [2, 4].

Первоочередная задача интеграции мигрантов — обучение испанскому языку как иностранному силами Языковой службы CEAR и других международных и неправи-

тельственных организаций, таких как Фонд Красного Креста Испании и *Cáritas Española*.

Значительные усилия предприняты властями Испании и в подготовке преподавателей испанского языка как иностранного с учетом специфики работы с мигрантами. Так, магистерские программы различных университетов Испании включают дисциплину «Преподавание испанского языка для иммигрантов». Следует отметить специфику данных курсов: не только знания и умение работать с многокультурным коллективом, но и такие нетривиальные навыки, как работа с лицами, не умеющими читать и писать.

Фонд Красного Креста Испании, а также другие негосударственные службы разработали специальные учебно-методические пособия для адаптации мигрантов. В содержание пособий включены не только общие темы, в которых отражены типичные ситуации, необходимые для жизнедеятельности всех иностранцев, но и специфические, когда мигрантам требуется коммуникативное взаимодействие с социальными, административными, миграционными и другими службами на новом для них языке общения [4]. К таким темам относятся, например, процедуры приобретения статуса бенефициара международной защиты.

Языковая подготовка мигрантов, особенно на первом этапе, способствует их социальной адаптации. Уроки зачастую становятся «первым контактом» студентов с иностранной культурой, а также возможностью знакомства с людьми, находящимися в схожей ситуации [10]. Вместе с тем проблема экономической поддержки программ обучения, в частности со стороны фонда ЕС, остается все еще довольно острой [5]. Бюджет, принятый парламентом ЕС 9 декабря 2020 г., выделил почти 10 млрд евро на управление и регулирование миграционными потоками в период 2021—2027 гг. Однако лишь четверть средств отведена на непосредственную поддержку беженцев, включая финансовую, остальная часть направлена на работу миграционных, пограничных и правоохранительных служб, включая

расходы на принудительное возвращение беженцев в страну происхождения [4].

С большой долей вероятности можно предположить, что регулирование миграционных потоков в совокупности с социальной интеграцией беженцев в XXI веке останется одной из важнейших мировых проблем. Современная ситуация в миграционной сфере выявила несогласованность панъевропейских соглашений и местных законов и механизмов управления миграционными потоками в странах Европейского Союза. Политика евроинтеграции, направленная на усиление прозрачности границ, остается одной из ключевых ценностей Европейского Союза. Вместе с тем необходимо создание или дальнейшее развитие инструментов для новых интегрантов европейского социо-культурного пространства, поскольку усугубление миграционного кризиса неизбежно подорвет принятые и принимаемые надъевропейские инициативы, нацеленные на поиск в реалиях XXI столетия адекватных мер по преодолению кризиса.

Библиографический список

1. Alexandrescu, M. The refugee crisis in the European Union. Between the fundamental human rights and the efforts towards securization. Cluj-Napoca: CA Publishing, 2016.
2. Las personas refugiadas en España y Europa: Informe 2019 // Comisión Española de Ayuda al Refugiado (Col.). Madrid. 2019.
3. Informe sobre la integració de les persones immigrades a Catalunya // Generalitat de Catalunya. Barcelona. 2013.
4. Iglesias, J.; Rua, A.; Ares, A. Un arraigo sobre el alambre. La integración social de la población de origen inmigrante en España. Madrid: Fundación FOESSA / Cáritas Española Editores, 2020.
5. Joly, D. Haven or Hell? Asylum policies and refugees in Europe. London: Macmillan Press Ltd., 1996.
6. Ley Orgánica 4/2000, de 11 de enero, sobre derechos y libertades de los extranjeros en España y su integración social [Электронный ресурс] / Ministerio de asuntos exteriores, Unión Europea y cooperación // LEGISLACIÓN CONSOLIDADA.

URL: <http://www.exteriores.gob.es/portal/es/serviciosalciudadano/informacionparaextranjeros/documents/ley%20org%C3%81nica%2042000%20de%2011%20de%20enero.pdf> (дата обращения 03.02.2021).

7. Ley 12/2009, de 30 de octubre, reguladora del derecho de asilo y de la protección subsidiaria [Электронный ресурс] // Gobierno de España / Boletín Oficial del Estado. URL: <https://www.boe.es/eli/es/l/2009/10/30/12/con> (дата обращения 03.02.2021).

8. Mathew, H.; Harley, T. Refugees, regionalism and responsibility. Cheltenham / Northampton: Edward Elgar Publishing Limited, 2016.

9. Myro, R. España en la economía global. Barcelona: RBA Libros, 2015.

10. Papagiani, G. Asylum in the twenty-first century // Routledge handbook of immigration and refugee studies. New York, 2016.

11. Šelo Šabić, S. The relocation of refugees in the European Union. Implementation of solidarity and fear. Zagreb: Friedrich-Ebert-Stiftung. The Regional Office for Croatia and Slovenia, 2017.

Поступила 03.06.2021

Галахтин Михаил Геннадьевич — кандидат философских наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» (площадь Шокина, 1, Зеленоград), m.galakhtin@gmail.com

Степанов Виталий Андреевич — кандидат филологических наук, доцент, Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина (площадь Свободы, 4, Харьков, Украина), vitaliy.a.stepanov@gmail.com

4. Iglesias, J.; Rua, A.; Ares, A. Un arraigo sobre el alambre. La integración social de la población de origen inmigrante en España. Madrid: Fundación FOESSA / Cáritas Española Editores, 2020.

5. Joly, D. Haven or Hell? Asylum policies and refugees in Europe. London: Macmillan Press Ltd., 1996.

6. Ley Orgánica 4/2000, de 11 de enero, sobre derechos y libertades de los extranjeros en España y su integración social [Jelektronnyj resurs] / Ministerio de asuntos exteriores, Unión Europea y cooperación // LEGISLACIÓN CONSOLIDADA. URL: <http://www.exteriores.gob.es/portal/es/serviciosalciudadano/informacionparaextranjeros/documents/ley%20org%C3%81nica%2042000%20de%2011%20de%20enero.pdf> (data obrashhenija 03.02.2021).

7. Ley 12/2009, de 30 de octubre, reguladora del derecho de asilo y de la protección subsidiaria [Jelektronnyj resurs] // Gobierno de España / Boletín Oficial del Estado. URL: <https://www.boe.es/eli/es/l/2009/10/30/12/con> (data obrashhenija 03.02.2021).

8. Mathew, H.; Harley, T. Refugees, regionalism and responsibility. Cheltenham / Northampton: Edward Elgar Publishing Limited, 2016.

9. Myro, R. España en la economía global. Barcelona: RBA Libros, 2015.

10. Papagiani, G. Asylum in the twenty-first century // Routledge handbook of immigration and refugee studies. New York, 2016.

11. Šelo Šabić, S. The relocation of refugees in the European Union. Implementation of solidarity and fear. Zagreb: Friedrich-Ebert-Stiftung. The Regional Office for Croatia and Slovenia, 2017.

Submitted 03.06.2021

References

1. Alexandrescu, M. The refugee crisis in the European Union. Between the fundamental human rights and the efforts towards securization. Cluj-Napoca: CA Publishing, 2016.

2. Las personas refugiadas en España y Europa: Informe 2019 // Comisión Española de Ayuda al Refugiado (Col.). Madrid. 2019.

3. Informe sobre la integració de les persones immigrades a Catalunya // Generalitat de Catalunya. Barcelona. 2013.

Galakhtin Mikhail G. — Candidate of Philosophy, Associate Professor, National Research University «Moscow Institute of Electronic Technology» (1 Shokin Square, Zelenograd), m.galakhtin@gmail.com

Stepanov Vitaly A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, V. N. Karazin Kharkiv National University (4 Svobody Sq., Kharkiv, Ukraine). V. N. Karazin Kharkiv National University (4 Svobody Square, Kharkiv, Ukraine), vitaliy.a.stepanov@gmail.com

Посредничество в конфликтах: некоторые теоретико-методологические аспекты

А.А. Ковалев

*Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

kovalev-aa@ranepa.ru

Рассмотрены основные теоретико-методологические подходы к феномену посредничества как одному из средств разрешения разнообразных конфликтов в современном социальном бытии. Показано, что действенность посредничества зависит от многих факторов, в том числе от достоверной и всеобъемлющей информации о ходе и участниках регулируемого конфликта и осознанного стремления участников конфликта к его урегулированию. Утверждается, что посредник влияет лишь на возможность договорного процесса и не может определять окончательное решение, которое является исключительной прерогативой участвующих в конфликте сторон.

Ключевые слова: конфликт, насилие, урегулирование конфликтов, посредничество, мирное разрешение конфликта, медиация, международные отношения.

Mediation in conflicts: some theoretical and methodological aspects

A.A. Kovalev

*North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and
Public Administration under the President of the Russian Federation*

kovalev-aa@ranepa.ru

The main theoretical and methodological approaches to the phenomenon of mediation as one of the means of resolving various conflicts in modern social life are considered. It is shown that the effectiveness of mediation depends on many factors, including reliable and comprehensive information about the course and participants of the regulated conflict and the conscious desire of the parties to the conflict to resolve it. It is argued that the mediator affects only the possibility of the contractual process and cannot determine the final solution, which is the exclusive prerogative of the parties to the conflict.

Keywords: conflict, violence, conflict resolution, mediation, peaceful conflict resolution, mediation, international relations.

В области изучения конфликтов, с угрожающим постоянством вспыхивающих во многих точках современного мира, был создан и с успехом применяется обширный терминологический аппарат для обоснования и описания концепций, важных для теории и практики разрешения конфликтов. Конфликтами наполнена вся жизнь, все индивидуальное и социальное бытие — от конфликтов международных, могущих изменить социокультурный облик планеты, до конфликтов в семье, грозящих привести к распаду эту ячейку общества.

Конфликты изучают ныне с различных смысловых и концептуальных позиций около 12 социально-гуманитарных наук. Помимо них, существует собственно конфликтология — специальная наука о конфликтах, успешно развивающаяся в нашей стране более трех десятков лет. Конфликт традиционно рассматривают как наиболее острый способ разрешения важнейших противоречий, возникающих в индивидуальном и социальном бытии.

Огромное разнообразие в теории и практике изучения конфликтов привело к некоторым неточным определениям концептов и значимых понятий, когда один и тот же термин используется для определения различных вещей или же разные термины используются для обозначения одного и того же явления и процесса. Неоднократно важнейшие понятия в международных отношениях использовались взаимозаменяемо или неточно. Например, большую роль в современной теории и практике разрешения конфликтов играет институт посредничества, который также трактуется с различных исследовательских позиций. Чаще всего посредничество в самом широком смысле рассматривается как особая форма участия третьей стороны в урегулировании и разрешении конфликта для оказания помощи переговорному процессу между участниками конфликта.

В этой работе мы представим основные теоретико-методологические подходы к понятию современного посредничества и роли

этого социального инструмента в разрешении разнообразных конфликтов. Посредничество в российской и зарубежной науке рассматривается, по преимуществу, в правовом и экономическом аспектах, хотя встречаются и исследования, стремящиеся рассмотреть институт посредничества максимально широко, в том числе с социологических, политологических и международно-правовых позиций. Это работы С.В. Абдуллиной [1], А.Н. Азарновой [2], А.В. Алексеева [3], Дж.П. Бейли и Дж. Бейкоса [11], М.В. Майорова [5], Г. Хесля [8], М.С. Федорова [6] и др.

Вначале обратимся к важным терминологическим особенностям описания конфликтов. Определения конфликта столь же разнообразны, как и количество конфликтов, происходящих в нашей душе, а также в наших семьях, в служебной сфере, в людских сообществах и во всем мире в целом. Альберт Эйнштейн, выдающийся физик и мыслитель, в дискуссии о войне, ненависти и неизбывном стремлении людей к разрушению заключил: «человек имеет внутри себя жажду ненависти и разрушения» [10]. Горькие слова Эйнштейна соотносятся с выводами Зигмунда Фрейда, который несколько ранее заключил: «насилие всегда было последним арбитром в человеческих конфликтах ... коренится в нашей основной природе, родственной животным» [7].

Социальные философы и психологи, такие как Чарльз Дарвин, Карл Маркс и Зигмунд Фрейд, выделяли конкурентные и деструктивные конфликты. Конфликт играет не только деструктивную, но и созидательную роль, ибо позволяет отбросить отжившее и старое благодаря победе передового и нового. Известно, что биолог и мыслитель Чарльз Дарвин рассматривал конфликт как «конкурентную борьбу за существование», а «социальный дарвинизм» — как «выживание наиболее приспособленных индивидов» в человеческом сообществе. Карл Маркс понимал конфликты как классовую борьбу между буржуазией и пролетариатом, а всю историю человечества

рассматривал как перманентную классовую схватку, приводящую к смене общественно-экономических формаций. Зигмунд Фрейд увязывал психосексуальное развитие и разнообразные конфликты в единство борьбы между биологически укорененным импульсивным «Я» и социально сознательным «Суперэго».

На другом полюсе обширного спектра концепций конфликтологии находится теория о том, что конфликт и агрессия — это нечто, чему можно научиться в процессе взаимодействия с другими людьми. Человек становится человеком лишь в обществе себе подобных, а потому образцы конфликтного поведения усваиваются в процессе социализации. Теоретики социального научения, такие как канадский и американский психолог Альберт Бандура, обнаружили, что наблюдение за агрессивным поведением и его изучение увеличивает собственную агрессивную реакцию [12].

Конфликты могут возникать по поводу того, «какой принцип справедливости должен применяться или как данный принцип должен осуществляться» [9]. Типы социальной несправедливости включают: распределительную несправедливость, связанную с устойчивым ощущением несправедливых результатов распределения материальных благ в обществе; процедурную несправедливость, когда имеет место несправедливое принятие решений; возмездную несправедливость в плане несправедливой реакции на нарушение правовых и моральных норм; незаслуженное превознесение некоторых слоев общества перед другими социальными группами в плане справедливого социального лифта.

Другие теории конфликта включают компоненты социальных структурных теорий. Например, Карл Маркс рассматривал классовый конфликт как ключ к пониманию исторических и социальных изменений. Приверженцы формальных теорий, например Льюис Фрай Ричардсон, используют математическую логику для понимания межличностных конфликтов [15].

Специалист в области психологии предупреждения военных действий Мортон Дойч определяет конфликт как несовместимую деятельность сторон, когда действие одной стороны препятствует, мешает или же делает действие другой стороны менее эффективным [14]. Конфликты могут быть деструктивными, когда стороны недовольны результатами, или конструктивными, когда стороны удовлетворены достигнутыми результатами после разрешения конфликтной ситуации.

Теоретик-конфликтолог Джон Бертон считает, что конфликт возникает всегда и везде, где не удовлетворяются наши основные человеческие потребности, например, биологические потребности в пище и жилье, росте и развитии [13]. Потребности — это универсальные мотивы, неотъемлемые составляющие человеческого существа. Следовательно, возможность зарождения конфликтов в случае неудовлетворения потребностей очевидна.

Общее определение конфликта можно свести к формуле, согласно которой конфликт — это «осознанная и явственно выраженная борьба, по меньшей мере, между двумя взаимозависимыми сторонами, которые имеют несовместимые цели, обладают порой ограниченными ресурсами и допускают вмешательство других в процесс достижения своих целей».

Конфликт выражается через коммуникативные обмены и неразрывно связан с культурой определенного общества. Коммуникативное поведение может создавать и определенным образом выражать конфликт, а также являться средством продуктивного или деструктивного разрешения конфликта. Конфликт вовлекает взаимозависимые стороны, и восприятие этой взаимности влияет на их совместные действия. Неоднозначное восприятие сторонами несовместимых целей, собственных ограниченных ресурсов и осознанного стороннего вмешательства может привести к конфликту.

Конфликты и их разрешение происходят в самых различных социальных, экономических

и политических условиях противоречивой современной эпохи. Природа конфликта изучалась и обсуждалась исследователями в различных областях, включая философию, социальную психологию, социологию, теорию игр, экономику, политологию и международные отношения. Несмотря на весь прогресс, достигнутый в обеспечении большей ясности в динамике разрешения конфликтов, исследователи до сих пор не пришли к единым согласованным теоретическим рамкам и не получили достаточных эмпирических результатов для адекватного описания конфликта и его разрешения. Видимо, это и невозможно сделать. Жизнь не стоит на месте, возникают все новые и новые виды социальных противоречий и конфликтов, а потому самая совершенная теория неизбежно перестает соответствовать действительности и удовлетворительно объяснять ее. Тем не менее значительная часть современных исследований во многом упускает из виду проблемы, связанные с фундаментальными когнитивными особенностями конфликтующих сторон.

Конфликт может быть разрешен с помощью различных методов и процессов, которые дают реальные результаты, которые могут отличаться по своим затратам и отдаче конфликтующим сторонам.

Разрешение конфликтов — это процесс, который должен проходить таким образом, чтобы удовлетворить потребности всех вовлеченных в конфликт сторон. Разрешение конфликта — это нечто большее, чем простое достижение соглашения и движение к восстановлению отношений между сторонами. Разрешение конфликтов подразумевает решение существующих проблем с помощью глубоких аналитических методов, когда стороны на качественном уровне переосмысливают и пересматривают свои позиции, прежде чем прийти к соглашению.

Известно, что сами по себе конфликтующие стороны порой не в состоянии прийти к соглашению и выйти из конфликтной ситуации с минимальными потерями. Конфлик-

тующие стороны могут оказаться неспособными реализовать идеальную стратегию разрешения конфликтов по разным причинам. Например, у них могут быть определенные коммуникационные барьеры, которые мешают им выработать и должным образом применить стратегию разрешения конфликта.

Поэтому стороны, принимающие участие в конфликте, могут воспользоваться услугами третьей стороны, которая поможет им общаться и распознавать противоречивые ментальные установки внутри и между ними. Тем самым эта посредничающая сторона будет способствовать действенному разрешению конфликта.

Толковый словарь В.И. Даля дает такое определение слова «посредничество»: «Посредство человека, или посредничество его, всякая деятельность для сводки, соглашения двух лиц или сторон, для склонения одного к продаже, другого к покупке, или для примирения спорящих, враждующих, тяжущихся и пр.». В этой же словарной статье читаем: «Посредник, посредница, третий избранный двумя сторонами для соглашения; вообще всякое посредствующее звено, средство для передачи и сообщения» [4].

Само русское слово «посредник» этимологически связано со «средством». Равным образом немецкое слово *der Vermittler* связано с *das Mittel* (средство), хотя в немецком языке существует еще и понятие *der Zwischenhandler* (дословно — «действующий между»). В английском языке понятию «посредник» соответствуют слова *intermediary* и *mediator*, что полностью корреспондируется с французскими лексемами *intermediate* и *mediateur*. Здесь смысловой упор делается на «срединное положение» между сторонами, то есть слово «посредник» является в этих языках синонимом сочетания «промежуточное звено».

Поэтому в современной социальной практике принят термин «медиация». Он обозначает метод урегулирования конфликтов путем добровольных переговоров сторон с участием посредника. Имеется прослойка

профессиональных медиаторов, которые занимаются всеми этапами медиативных переговоров.

В реальности возникают различные варианты выбора третьей стороны, и существует множество ситуаций, когда посредники могли бы быть жизненно необходимы и чрезвычайно полезны. Центральным вопросом является использование посредников для содействия коммуникации, выявления и разрешения противоречивых ментальных установок среди участников конфликта, которые с самого начала предельно поляризовали свои позиции или окончательно зашли в тупик.

Посредничество используется для разрешения самых разнообразных конфликтов. Например, посредничество применяется в трудовых конфликтах, возникающих между двумя четко определенными сторонами с определенными сроками разрешения.

Посредничество также результативно использовалось для урегулирования международных конфликтов, часто с участием более чем двух сторон и без определенного срока разрешения спора. В мировой истории институт посредничества представляет собой особую политическую и дипломатическую деятельность, которая существенно актуализировалась на рубеже XX — XXI веков, когда в международных отношениях произошли коренные перемены. Именно в современную эпоху, когда до предела обострились цивилизационные противоречия, институт посредничества становится все более необходимым для решения наличных и потенциальных конфликтов.

Россия имеет богатые традиции международного посредничества: от войны за баварское наследство («картофельная война» 1777—1778 гг.) до действенной посреднической работы в длительном арабо-израильском конфликте (в XX столетии), продолжающемся и по сей день.

Россия выступала часто и в роли стороны, которой самой требуется посредниче-

ская помощь на международной арене. Например, Англия выступила посредником между Россией и Швецией после Полтавской битвы — прежде всего потому, что это было выгодно самой Британской империи. Англия предлагала также свое посредничество в войне между Россией и Турцией 1787—1791 гг., но Екатерина II, как известно, обошлась без посредников.

Нельзя забывать, что именно Россия выступила инициатором созыва Гаагской конференции 1899 года, на которой была принята Конвенция о мирном решении международных столкновений. Эта Конвенция впервые подробно определяла понятие посредничества и особенности этой процедуры.

Хотя посредничество является относительно новым явлением в области экологических конфликтов, его успех в разрешении конфликтов такого рода был впечатляющим. К сожалению, именно США и КНР как самые развитые экономики мира, наносящие самый значительный ущерб окружающей среде, на сегодняшний день полностью свернули собственные экологические программы и совершенно не участвуют в международном экологическом посредничестве.

Посредники помогают враждующим сторонам преодолеть проблемы, связанные с собственной ограниченностью, помогают им приблизиться к адаптивно рациональному идеалу, а затем разрешить имеющийся конфликт. Это решение может быть привлекательнее, чем то, которого могут добиться сами конфликтующие стороны, поскольку оно возникает в новом видении и в контексте наличия дополнительных посреднических ресурсов.

Посредники предоставляют свои когнитивные и интеллектуальнопрогностические ресурсы двумя способами. Во-первых, посредники помогают выявить психологические и логические барьеры, возникающие в позициях конфликтующих сторон. Посредники достигают этого, помогая сторонам,

участвующим в конфликте, видоизменять в лучшую сторону свои несовершенные образцы и стереотипы общения, понимать собственные и чужие ментальные установки и проводить в жизнь верные решения, основанные на непредвзятом анализе порой полярных ментальных установок.

Во-вторых, в отличие от сторон конфликта, которые часто упорно настаивают на определенных конфликтных вопросах и неспособны выработать творческие идеи, посредники могут обладать способностью предвидеть возможности синергии, то есть эффект суммирующего воздействия прилагаемых усилий, и направлять конфликтующие стороны к участию в совместном и творческом решении проблем.

Посредники могут достичь этого, помогая сторонам конфликта искать новую информацию, выявлять ценностные структуры в своих средствах и целях или перепланировать их на основе своих убеждений и желаний. В этом смысле посредники помогают конфликтным сторонам преодолеть чрезмерную предвзятость по отношению к новому и креативному. Но, разумеется, без осознанного стремления противоположных сторон прийти к разрешению конфликта деятельность посредников будет безрезультатной.

Хорошо продуманная среда посредничества обеспечивает участвующие в конфликте стороны позитивной информацией и настроением, который доказывает и подтверждает их личную ценность, чувство собственной значимости и осознание успеха. Это также повышает возможность справедливости в разрешении текущего конфликта и укрепляет потенции в дальнейшем совместном решении возможных проблем.

В процессе посредничества посредники могут способствовать выработке более глубокого чувства взаимности в поиске общих точек соприкосновения у участников конфликта. Посредники могут способствовать полному раскрытию собственных потенций у конфликтующих сторон. Во многом именно

посредники в состоянии способствовать большей безопасности конфликтующих сторон. Посредники могут достичь этого, контролируя процесс конфликта и помогая сторонам конфликта устанавливать важные формальности, включая правила посредничества.

В отличие от идеальной стратегии разрешения конфликтов, которая включает все задачи разрешения конфликтов самими конфликтующими сторонами, когнитивный посреднический подход экстернализирует эти задачи, учитывая деятельность посредников. Конфликт, подлежащий разрешению, может быть сложным, а также затрагивать социальные и личные ценности, представляющие широкий интерес. Задачи посредников и их объем работы всегда безотлагательны и сложны.

В идеале, посредники должны установить контакт со всеми участниками конфликта. По возможности они должны заставить их чувствовать себя комфортно при раскрытии своих убеждений, желаний и намерений. Необходимо собрать огромное количество доказательств, относящихся к ментальным установкам участников конфликта, диагностировать критические противоречивые ментальные установки внутри самих участников конфликта. Посредники должны стремиться помочь участникам конфликта осознать имеющиеся расхождения и несоответствия в позициях и участвовать в процессе согласования этих несоответствий и поиске консенсуса.

Именно перед посредниками часто стоит задача разработки возможного соглашения между конфликтующими сторонами. Для этого посредники должны иметь представление о том, как мыслят участники конфликта и как они оценивают последствия собственного посредничества. Посредники должны четко представлять, как стороны принимают решения, что может способствовать достижению соглашения и что посредники должны делать, чтобы помочь участникам конфликта продуктивно общаться и прийти к соглашению, которое устраивало бы все стороны.

Кроме того, посредники могут сталкиваться с различными препятствиями, которые усложняют задачи посредничества. Например, иногда участвующие в конфликте стороны не могут правильно выразить свои намерения и осознать ментальные установки. Порой может возникнуть временное давление со стороны, чтобы помочь противоборствующим сторонам разрешить данный конфликт — это часто имеет место в конфликте в трудовой практике. Кроме того, сопротивление со стороны конфликтующих сторон иногда может возникать в процессе посредничества. Посредники также должны иметь в виду эти возможные препятствия и учитывать их надлежащим образом.

Посредники часто испытывают трудности в решении важных задач посредничества, поскольку сами посредники являются нейтральной стороной в конфликте. А у такой стороны, как правило, ограничены ресурсы и свобода действия. Посредники не всегда могут быть осведомлены обо всех аспектах конфликта и обстоятельствах конфликтующих сторон, и могут упускать из виду существенные факторы, и, таким образом, не способствовать подлинному разрешению конфликта.

Таким образом, посредники нуждаются в действенной информационной поддержке со стороны участников конфликта. Лишь достоверная и своевременно предоставленная информация может способствовать формированию предварительных предположений. Посредникам необходима подробная информация о ментальных установках участвующих в конфликте сторон на основе достоверных гипотез. Им необходимо выявить критические и противоречивые ментальные установки и противостоящие друг другу позиции. Если возможно найти хотя бы мельчайшую точку соприкосновения в позициях конфликтующих сторон, это должно быть сделано.

Достоверная и своевременная информация необходима для действенного посредни-

чества при решении конфликтов любого типа: от урегулирования военного столкновения до примирения юридических лиц в арбитражном суде. Если такая информация не будет предоставлена посредникам, то весь процесс будет безрезультатным.

Итак, современное посредничество — это сложный процесс, включающий в себя большое количество условий. Виды посредничества зависят от специфики самих конфликтов, которые чрезвычайно разнообразны. Но, прежде всего, необходимо осознанное стремление участников конфликта к его урегулированию. Посредник, по мере сил и возможностей содействуя конструктивному обсуждению и поиску решения проблемы в ходе договорного процесса, одновременно не может определять выбор окончательного решения, который является исключительной прерогативой участвующих в конфликте сторон.

Библиографический список

1. **Абдуллина С.В.** Социальный феномен посредничества: 22.00.04: автореф. дис. ... канд. социологических наук. Уфа, 2011. 20 с.
2. **Азарнова А.Н.** Медиация. Искусство примирять. Технология посредничества в урегулировании конфликтов. М.: Инфротролик, 2015. 288 с.
3. **Алексеев А.В.** Посреднические технологии регулирования социальных конфликтов: 22.00.08: автореф. дис. ... канд. социологических наук. Орел, 2005. 26 с.
4. **Даль В.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. М.: ТЕРРА, 1995.
5. **Майоров М.В.** Миротворцы. Из опыта российской дипломатии в посредничестве. М.: Международные отношения, 2007. 160 с.
6. **Федоров М.С.** Деятельность Европейского союза по урегулированию региональных конфликтов: потенциал, политические механизмы и практика: 23.00.04: дис. ... канд. политических наук. Москва, 2019. 184 с.; URL: <https://mgimo.ru/upload/diss/2019/fedorov-diss.pdf> (дата обращения 13.09.2021).

7. **Фрейд З.** Болезнь культуры. М.: АСТ, 2014. 447 с.
 8. **Хесль Г.** Посредничество в разрешении конфликта. М.: Речь, 2004. 144 с.
 9. **Чечельницкий И.В.** Справедливость и правосудие: монография. М.: Проспект, 2017. 173 с.
 10. **Эйнштейн А.** Как изменить мир к лучшему. М.: Алгоритм, 2013. 270 с.
 11. **Bailey J.P., Bakos J.Y.** An Exploratory Study of the Emerging Role of Electronic Intermediations and Policy // International Journal of Electronic Commerce. 1997. 1(3). pp. 7–20.
 12. **Bandura A.** Aggression: A Social Learning Analysis. Prentice Hall PTR, 1973. 390 p.
 13. **Burton J.** Violence Explained: The Sources of Conflict, Violence and Crime and Their Prevention. Manchester University Press, 1997. 165 p.
 14. **Deutsch M., Coleman P.** The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice. Wiley, 2000. 649 p.
 15. **Richardson L.** Mathematical Psychology of War. W. Hunt, 1919. 49 p.
 5. **Maierov M.V.** Mirotvortsy. Iz opyta rossiiskoi diplomatii v posrednichestve. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2007. 160 s.
 6. **Fedorov M.S.** Deyatel'nost' Evropeiskogo soyuza po uregulirovaniyu regional'nykh konfliktov: potentsial, politicheskie mekhanizmy i praktika: 23.00.04: dis. ... kand. politicheskikh nauk. Moskva, 2019. 184 s.; URL: <https://mgimo.ru/upload/diss/2019/fedorov-diss.pdf> (data obrashcheniya 13.09.2021).
 7. **Freid Z.** Bolezn' kul'tury. M.: AST, 2014. 447 s.
 8. **Khesl' G.** Posrednichestvo v razreshenii konfliktov. M.: Rech', 2004. 144 s.
 9. **Chechel'nitskii I.V.** Spravedlivost' i pravotvorchestvo: monografiya. M.: Prospekt, 2017. 173 s.
 10. **Einshtein A.** Kak izmenit' mir k luchshemu. M.: Algoritm, 2013. 270 s.
 11. **Bailey J.P., Bakos J.Y.** An Exploratory Study of the Emerging Role of Electronic Intermediations and Policy // International Journal of Electronic Commerce. 1997. 1(3). pp. 7–20.
 12. **Bandura A.** Aggression: A Social Learning Analysis. Prentice Hall PTR, 1973. 390 p.
 13. **Burton J.** Violence Explained: The Sources of Conflict, Violence and Crime and Their Prevention. Manchester University Press, 1997. 165 p.
 14. **Deutsch M., Coleman P.** The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice. Wiley, 2000. 649 p.
 15. **Richardson L.** Mathematical Psychology of War. W. Hunt, 1919. 49 p.
- Поступила 07.09.2021
- Ковалев Андрей Андреевич** — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (199178, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43), kovalev-aa@ranepa.ru

References

1. **Abdullina S.V.** Sotsial'nyi fenomen posrednichestva: 22.00.04: avtoref. dis. ... kand. sotsiologicheskikh nauk. Ufa, 2011. 20 s.
2. **Azarnova A.N.** Mediatsiya. Iskustvo primiryat'. Tekhnologiya posrednichestva v uregulirovanii konfliktov. M.: Infrotrolit, 2015. 288 s.
3. **Alekseev A.V.** Posrednicheskie tekhnologii regulirovaniya sotsial'nykh konfliktov: 22.00.08: avtoref. dis. ... kand. sotsiologicheskikh nauk. Orel, 2005. 26 s.
4. **Dal' V.** Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. T. 3. M.: TERRA, 1995.

Kovalev Andrey A., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Management of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (199178, St. Petersburg, Middle Ave. V.O., d. 57/43), kovalev-aa@ranepa.ru

Submitted 07.09.2021

Проблемы обеспечения национальной безопасности

В.А. Ксенофонов

Военная академия Республики Беларусь, г. Минск

nksena777@gmail.com

Основное внимание уделяется теоретическому обоснованию обеспечения национальной безопасности. Показывается важность уточнения понятийного аппарата действующей теории национальной безопасности, значимость системного изучения современного военного межгосударственного противоборства, а также значимость разработки комплексного противодействия нетрадиционному насилию в интересах сохранения и развития государства. Выделяются необходимость и приоритетность совершенствования умной (интеллектуальной) силы обеспечения национальной безопасности, согласно национальной традиции.

Ключевые слова: Республика Беларусь, национальная безопасность, национальный интерес, национальная традиция, военная безопасность, война, военная сила, нетрадиционные войны, серая зона, военная стратегия, гибридная агрессия, политическое противоборство.

Problems of ensuring national security

V.A. Ksenofontov

Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk

nksena777@gmail.com

The main attention is paid to the theoretical substantiation of national security. It shows the importance of clarifying the conceptual apparatus of the current theory of national security, the significance of systematic study of modern military interstate confrontation, also the significance of developing a comprehensive counteraction to non-traditional violence in the interests of the preservation and development of the state. The need and priority of improving the smart (intellectual) power of national security, according to the national tradition, are highlighted.

Keywords: Belarus, national security, national interest, national tradition, military security, war, military force, non-traditional wars, gray zone, military strategy, hybrid aggression, political confrontation.

Проблема обеспечения национальной безопасности сегодня центральная в стратегически значимых приоритетах развития нашей страны. Дело в том, что именно в ней диалектически сочетается вся сложность социальной модернизации общества. Согласимся с профессором А. А. Прохожевым, что *национальная безопасность* является одновременно *условием и целью* устойчивого развития государства: «Условием потому, что глубокие преобразования требуют сосредоточения всех сил и средств на решении созидательных задач. Их отвлечение на нейтрализацию или парирование угроз существенно затрудняет, а порой делает невозможным успешное продвижение по избранному пути» [1, с. 15]. Обеспечение национальной безопасности является также целью деятельности общественных и государственных субъектов: его содержание должно быть подчинено укреплению суверенитета, территориальной целостности страны, созданию внутренних и внешних условий, гарантирующих стабильность и устойчивое поступательное развитие личности, общества и государства [1, с. 15].

Актуализация проблемы национальной безопасности выявила недостаточность теоретического обоснования данной области знаний с позиции социально-философского осмысления. Закрепился постулат, что война как крайняя степень социального насилия является формой бытия человечества [2]. Как бы парадоксально это ни звучало, объективные реалии свидетельствуют об этом как о закономерной тенденции развития общества в мировом масштабе.

Акцентируем внимание на том, что именно стремление к безопасности явилось одной из побудительных причин объединения древних людей в общество. Интенсивность и масштабы этой потребности возрастали: безопасность с зарождения цивилизации выступала главной целью деятельности отдельных индивидуумов, а в последующем — всего общества и государства [1, с. 16].

Национальная безопасность как социальное явление выступает сложным объектом социально-философского исследования [3]. Обратимся к ряду ключевых положений теории национальной безопасности. Понятие «национальная безопасность» трактуется в действующей Концепции национальной безопасности (далее — Концепция) как «состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз» [4, ст. 3]. Безусловно, системообразующим понятием в объеме понятийного аппарата *национальной безопасности* выступают именно *национальные интересы*, а содержание понятия включает необходимость защиты национальных интересов от опасности, угрозы. Это четко зафиксировано в Концепции. Кроме того, в ней отмечается, что «национальные интересы Республики Беларусь охватывают все сферы жизнедеятельности личности, общества и государства, тесно взаимосвязаны и являются концептуальными ориентирами ее долгосрочного развития» [4, ст. 7].

Социальная практика показывает, что до сих пор следование национальным интересам не стало нормой в деятельности всех граждан Беларуси. Нам представляется, что, в интересах повышения мотивационной готовности каждой личности к отстаиванию национальных интересов, в концептуальных ориентирах долгосрочного развития должны быть четко сформулированы концепты во всех сферах национальной безопасности — так, чтобы гражданин видел не только интересы личности с акцентом на общественно-государственное развитие, но и жизненно важные направления личностного развития, личной безопасности и перспективы развития.

Полагаем, что отсутствие ранжировки интересов личности, общества и государства — четкой, отвечающей нашей национальной традиции — является одной из причин того, что Концепция не стала в полной

мере основой для сплочения народа в целом. Это не дает повода сомневаться в качестве документа, а свидетельствует о противоречии между реалиями современного социального развития и отражением личностных и общественных ожиданий в концептуальном документе. Безусловно, важна диалектика категорий «часть — целое» («личность — общество — государство») — в интересах безопасного развития, поэтому стоит именно для баланса интересов названных субъектов уточнить национальные интересы. Тем более, что статья Концепции гласит: «Исходя из особенностей развития ситуации, национальные интересы могут уточняться путем корректировки настоящей Концепции» [4, ст. 17].

В Концепции категория «национальная безопасность» раскрывается через понятие *защищенности*, однако оно не исчерпывает всего содержания понятия «национальная безопасность». Теоретически национальную безопасность можно трактовать в широком и узком смысле. Широкая трактовка — это «надежность существования и устойчивость развития страны». В узком смысле национальная безопасность есть «состояние страны, при котором отсутствуют или устранены (парированы) внешние и внутренние угрозы ее национальным ценностям, национальному образу жизни, обеспечивается реализация ее жизненно важных интересов» [5, с. 21].

Сложность категории «национальная безопасность» состоит в том, что она должна включать два философских понятия — *сохранность (стабильность)* и *развитие (изменчивость)*, которые, как известно, находятся в диалектическом единстве. Так, *сохранность* по своей природе консервативна, тогда как *развитие* предполагает изменчивость, которая принципиально исключает стабильность. Чтобы разрешить это противоречие между двумя сторонами национальной безопасности — защитой и развитием, — необходимо признать, что за каждой из них стоит своя мировоззренческая парадигма,

в соответствии с которой социальная система формирует отношение как к самой себе, так и к своему внешнему социальному окружению.

В первом мировоззренческом подходе, отдающем предпочтение *защите*, социальная система исходит из того, что она находится во враждебном социальном окружении. Незначительная ошибка или проявленная слабость могут спровоцировать самые жесткие агрессивные действия внешней среды. Поэтому условием своего выживания такая социальная система полагает исключительно обеспечение защиты, и поэтому все имеющиеся у нее ресурсы она вынуждена тратить только на эту цель, в определенной степени пренебрегая задачами своего развития. Отметим, что предпринимаемые такой системой способы защиты могут носить как активный, так и пассивный оборонительный характер.

Активные способы защиты: 1) сдерживание противника — через демонстрацию способности и готовности нанести ему неприемлемый ущерб; 2) превентивные действия — действия, направленные против реализации агрессивных замыслов противника; 3) активные контрдействия — действия, снижающие результативность наносимого враждебной стороной ущерба; 4) активные разрушительные действия — устранение противника как потенциального источника угроз.

Пассивные способы защиты: 1) уклонение от контактов с враждебным социальным окружением; 2) терпеливое отношение к своим переживаниям и смиренное восстановление нанесенного ущерба.

Во втором мировоззренческом подходе, напротив, делается акцент на обеспечении социальной системой собственного устойчивого роста и развития. Такая система исходит из того, что социальное окружение в целом ведет себя по отношению к ней либо благоприятно, либо нейтрально. Источник угроз такая система видит в себе самой, а их

возникновение рассматривает как результат недостаточно продуманных, поспешных или слишком рискованных решений. Представляется, что именно собственные решения способны непроизвольно спровоцировать агрессивную реакцию со стороны в целом нейтрального или благожелательного по отношению к системе окружения. Потенциалом деятельности такой системы служит стремление исключить риск принятия решений, которые могут помешать ее поступательному движению вперед или привести к созданию предпосылок для лавинообразного процесса возникновения еще более опасных негативных последствий [5, с. 23].

Для того чтобы избежать крайностей в подходах — в защите или сохранении устойчивости развития — предлагается использовать *комбинированный подход*, делать акцент на технологической стороне обеспечения национальной безопасности. Предлагаемый подход к категории «национальная безопасность» добавляет понятие функциональной устойчивости. Суть *функциональной устойчивости* формулируется так: «Социальная система функционально устойчива, если она способна эффективно использовать находящиеся в ее распоряжении ресурсы, во-первых, для успешной защиты от внешних и внутренних угроз своим жизненно важным интересам и, во-вторых, для формирования условий, обеспечивающих ей устойчивый рост и развитие...» [5, с. 24].

Заметим, что и функциональное определение национальной безопасности не лишено недостатков, поскольку не раскрывает того, каким образом регулятор, управляющий социальной системой, определяет, когда он должен парировать или подавлять, а когда, наоборот, стимулировать, усиливать внешние воздействия или зарождающиеся в недрах системы процессы. По мнению аналитиков, снять этот недостаток можно посредством содержательного уточнения понятия «жизненно важный интерес». В действующей Концепции предусмотрена градация

национальных интересов — от стратегических к основным. Научное определение *жизненно важных интересов* личности, общества и государства, по нашему мнению, позволяет более четко понимать суть угроз национальной безопасности, а также разрабатывать меры по их парированию или способы рационального использования благоприятных факторов в собственном росте и развитии. Убеждены, что выделенные в Концепции стратегические и основные национальные интересы не представляют всего состава сбалансированных потребностей личности, общества и государства, так как не вполне понятно, где тот критический диапазон, за которым «жизнь и развитие нации» переходит в противоположную стадию — «деградация и угасание нации».

Нам представляется, что подход, основанный на определении жизненно важных интересов, довольно сложен, так как требует всестороннего обоснования именно критических, пороговых значений безопасности. Вместе с тем обоснование позволит принимать более точные управленческие решения, понимая «температуру» социального организма национальной безопасности.

В интересах сохранения и развития государства целесообразно внести в Концепцию и осмыслить содержание понятия «национальное достояние», а именно: «совокупность материальных и духовных ресурсов, благ и ценностей, принадлежащих народу и составляющих основу его устойчивого существования и развития» [5, с. 29], поскольку сохранение (защита) и приумножение (рост и развитие) *национального достояния* — главное, определяющее условие обеспечения национальной безопасности. Можно сказать, что основу содержания понятия «национальное достояние» составляют три компонента — «национальный образ жизни», «национальные ценности» и «жизненно важные интересы».

Национальный образ жизни можно трактовать как исторически сформировавшиеся,

широко распространенные и устойчивые формы и особенности социального и индивидуального поведения, уклада жизни, мнений и оценок народа, нарушение которых ведет к утрате самобытности [5, с. 30].

Национальные ценности представляют собой особенности коллективной или индивидуальной реакции населения на множество прошедших, происходящих или еще только ожидаемых событий.

Целесообразно ввести понятие «информационно-психологический капитал» нации, чтобы охарактеризовать не только уровень «социальной температуры» (волю к жизни), но и ее информационную причину [5, с. 32]. Таким образом расширяется содержание понятия: *национальное достояние* выступает объектом защиты (сбережения и сохранности) и объектом всемерного развития, а также включает еще три элемента (свойства): материальное богатство нации, организационное богатство нации и информационно-психологическое богатство нации. Значимость каждого компонента в структуре «национального достояния» связана со стратегией, которая должна быть приоритетом при выборе способов обеспечения национальной безопасности страны.

Возможно, недостаточно ясная геополитическая концепция страны не позволяет недвусмысленно определить стратегию развития государства и не дает четкого понимания системы национальной безопасности. Имеется в виду следующее: с одной стороны, в 18-й статье Конституции Республики Беларусь зафиксировано стремление к нейтралитету, с другой стороны, в военно-политической сфере акцент сделан на коллективной обороне как жизненной необходимости. Сегодня очевидно, что в современном мире даже крупные субъекты геополитических отношений не в состоянии самостоятельно обеспечить свою безопасность.

В современных условиях Беларусь стоит перед вызовами системе национальной безопасности, обусловленными комплексным

воздействием: экономические санкции, политическое давление, социальное воздействие, духовно-идеологическое влияние — при явном увеличении активности и готовности военно-силового давления со стороны Запада. В свою очередь, нельзя не учитывать «принципиальную неразделимость внутренних и внешних рисков и вызовов безопасности страны» [6, с. 10]. Более того, стоит обратить внимание на объективные следствия межгосударственных отношений — трансформацию противостояния и новую милитаризацию.

Как отмечают ученые Д.Г. Евстафьев, А.М. Ильницкий, «идет апробация сценариев «теплой войны» — чуть ниже планки прямого военного столкновения — и расширение зоны политико-информационных манипуляций с элементами военно-силового воздействия на оппонентов» [6, с. 11]. Согласимся, что ключевой аспект современного пространства военно-политического противоборства — размывание границ между миром и войной и нарастание *объемности* противоборства, под главным отличительным признаком которого ученые понимают «системное его проникновение не только в социально-политические, но и в социальные процессы общества конкурента (потенциального противника) как для оказания влияния на настроения важнейших социальных групп, так и в целях прямого разрушения базовых социально-государственных институтов» [6, с. 11]. Опираясь на этот контекст, напомним слова выдающегося советского военачальника, педагога и теоретика А.А. Свечина. Размышляя о диалектике стратегии и политики, он отмечал: «Война является только частью политической борьбы. <...> Война ведется не только на вооруженном фронте, но и на классовом и экономическом фронтах. Действия на всех них должны быть согласованы политикой. При этом, конечно, надо считаться со свойствами тех средств, которые приходится применять на каждом из этих фронтов, и не переносить,

не считаясь с этими свойствами, методов действия с одного фронта на другой» [7, с. 39].

С учетом того, что наше государство активно попадает в зону активного противостояния Запада и Востока, а также принимая во внимание российское стратегическое партнерство и строительство Союзного государства, приоритетным стратегическим шагом представляется коррекция системы безопасности в рамках общих интересов России и Беларуси в сложившихся военно-политических условиях. Мы убеждены, что функционирование и развитие *военной сферы национальной безопасности* остается не только фактором стабильности двух обществ, российского и белорусского, но и условием сохранения двух государств. В первую очередь для сбережения Союзного государства важна комплексная военная защищенность национальных интересов двух стран, детализацию которой важно отразить в Военной доктрине.

Первостепенной задачей обеспечения национальной безопасности остается понимание сущности современного насилия — военного и невоенного. Сегодня научное знание содержит множество видов военного насилия, а точнее, их комбинаций. В лексике политических субъектов разного уровня, ученых все активнее используется такая терминология войны, как «нетрадиционная война», «новая война», «гибридная война» и др. В традиционной войне преобладает вооруженная борьба, а в нетрадиционной доминируют невоенные способы насилия. Мы разделяем утверждение академика РАН А. А. Кокошина, что «необходимы дальнейшие научные усилия по анализу этого важнейшего общественного феномена, по выявлению всех параметров войны и их взаимосвязи. Это важно, в частности, для обеспечения стратегической стабильности, для предотвращения войн различных масштабов и интенсивности» [8, с. 10]. Рассматривая положения теории войны в современных условиях, ученый выделяет социальные пространства военного

противоборства: война как продолжение политики; война как состояние общества и состояние отдельного сегмента мировой политики; война как столкновение двух (или более) государственно-политических структур или негосударственных структур, сил; война как сфера неопределенного, недостоверного; война как задача управления — политическое и военно-стратегическое руководство / управление [8, с. 9]. Безусловно, что совокупность данных компонентов не исчерпывает многомерности сложного социального явления «война», это исследование необходимо продолжить средствами социально-философского анализа.

Сегодня в исследовательской литературе активно используется термин «новая война». Российский философ А. Д. Куманьков, анализируя труды зарубежных ученых М. Калдор, Г. Мюнклера и ван Кревельда, выделяет наиболее значимые характеристики новых войн:

- асимметрия (потеря государством исключительного права на применение силы);
- низкая интенсивность;
- глобализованность войны;
- политика идентичности как основание войны;
- применение террора как политического средства, т. е. для установления власти;
- «хищнические» методы финансирования;
- уменьшение боевых потерь при высоком уровне потерь гражданских лиц;
- увеличение продолжительности войны и долгосрочное сохранение причин, провоцирующих рецидивы войны;
- территориальная близость к другим войнам как фактор риска; утрата ограничений войны, основанных на праве, обычае и военной этике [9, с. 87].

В результате мы видим модель описания новой войны.

В связи с тем, что значительную военную активность в мире проявляют США, обратимся к актуальной стратегической концепции

«серой зоны», которую США апробируют в различных регионах мира. Как отмечает член-корреспондент АБН А. Бартош, «действия в ней подобны войне, потому что позволяют достигать стратегических результатов. Однако это не война, поскольку используемые в “серой зоне” методы интегрируют в себе уникальные способы запугивания, принуждения, шантажа и агрессии, позволяющие пошагово подавлять сопротивление, завоевывать локальные или региональные преимущества и манипулировать рисками в свою пользу. Это означает, что “серая зона” представляет собой новое пространство, не описанное в традиционных концепциях войны и мира» [10, с. 26].

Безусловно, операции в серой зоне уникальны, Бартош выделил их общие характеристики. 1. Насилие не исключается, но часто принимает нестандартные формы, а тактики не являются чисто военными, но их нельзя считать и политическими. 2. Противостояние развивается ниже (за гранью) международного признания правового понимания войны. 3. В целях получения стратегических результатов формируется сложная и противоречивая обстановка посредством гибридной комбинации военных и невоенных методов, что в конечном итоге снижает эффективность контрстратегий соперника. 4. Применяемые методы и средства не соответствуют традиционным представлениям о линейной модели военных конфликтов, что создает трудности при ведении отработанной обороны. 5. Нелинейный характер развития конфликта — важнейший фактор, способствующий получению стратегических преимуществ за счет относительно незначительных действий. 6. Нетрадиционные методы и средства существенно осложняют противнику выбор между действием и бездействием, что разрушительно для разработки контрстратегий. Каждый из возможных вариантов имеет стратегическое значение и требует ответственности. 7. Тактика рассчитана на введение противника в заблуждение,

предполагает постепенное движение к цели и построена на сочетании нетрадиционных военных и невоенных средств. Тем самым создается сложная и двусмысленная обстановка неопределенности и неоднозначности, парализующая действия субъектов, готовых вмешаться в конфликт (международных организаций и отдельных государств) [10, с. 26].

Анализируя операции в серой зоне, активно разрабатываемые стратегами США, Бартош справедливо подчеркивает, что «государства, ведущие гибридную войну в серой зоне, рассматривают такой вид конфликта как менее дорогостоящую альтернативу традиционной войне, как податливое пространство между войной и преступностью на пересечении нетрадиционных средств, незаконных методов и международных норм, порядка и анархии» [10, с. 27]. Наша точка зрения заключается в следующем: стоит детально разобраться с возможными стратегиями в серой зоне, поскольку сегодня она рассматривается как театр гибридной войны. От наших аналитических и управленческих усилий зависит способность защитить национальные интересы и собственно государство от потенциально гибридной агрессии.

Известно, что стратегия гибридной войны нацелена на изнурение неудобной страны (жертвы): широкий диапазон действий, военных и невоенных, направлен на хаотизацию сфер хозяйственной и общественной жизни — экономики, военной сферы национальной безопасности, информационной сферы и культурно-мировоззренческой жизни общества, института государственного управления. Стоит помнить, что «цветные революции» являются элементом гибридной агрессии. Их алгоритм пошагово представлен в издании Научно-исследовательского института Вооруженных Сил Республики Беларусь, под редакцией профессора Н. Е. Бузина [11]. Для ведения операций в серой зоне «определяющее значение

имеет применение концепции так называемой умной силы, построенной на способности комбинировать возможности и ресурсы жесткой и мягкой силы» [10, с. 31].

В целях успешного парирования гибридных угроз, недопущения превращения территории страны в серую зону представляется важным провести ряд мероприятий — как на внутривнутриполитическом, так и на внешнеполитическом уровнях:

- вскрыть в системе национальной безопасности страны наиболее уязвимые для гибридных угроз места, определить тенденции их негативного влияния на военно-политическую обстановку;

- выработать комплексную единую государственную стратегию, отражающую возможные гибридные угрозы национальной безопасности государства, — с участием военных, невоенных структур и гражданского общества;

- разработать совместную с Россией стратегию по комплексному противостоянию новым вызовам и угрозам в контексте гибридной агрессии;

- определить идеологическую направленность в рамках контрстратегии, включающей задачи анализа, прогнозирования, планирования, межведомственной координации и управления мероприятиями по блокированию гибридных воздействий;

- детализировать нормативную правовую базу как внутри страны, так и на межгосударственном уровне в рамках обеспечения национальной и коллективной безопасности (Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Союзное государство);

- разработать национальные и межгосударственные механизмы реагирования на нетрадиционные (гибридные) угрозы безопасности государствам — членам ОДКБ.

Полагаем, что гибридной агрессии может противостоять только «гибридный щит», который следует незамедлительно разрабатывать с активным участием представителей

различных научных отраслей. Координацию данной деятельности рационально осуществлять под эгидой НИИ Вооруженных Сил Республики Беларусь. Мы убеждены, что всевозможным гибридным и другим комбинированным военным и невоенным угрозам должна противостоять *научная (интеллектуальная) сила* с опорой на *жесткую и мягкую силы*. Речь идет о всестороннем военно-научном и экспертно-аналитическом обосновании решений относительно национальной безопасности.

Таким образом, обеспечение безопасности государства является важнейшим условием его жизнеспособности и развития. В условиях трансформации военных угроз, усиления военной активности на границах Беларуси целесообразно научно-теоретически осмыслить весь комплекс возможных неблагоприятных и недружественных действий, затрагивающих национальные интересы. Уточнить исходя из комплексного анализа теоретические положения Концепции и других нормативных правовых документов законодательной базы национальной безопасности. Системно продолжать исследования современных и перспективных войн, своевременно внося коррективы в программы гражданских и военных учреждений образования. С учетом тотального характера современного военного насилия идеология обеспечения военной безопасности должна стать достоянием не только профессионального военного сообщества, но и всего гражданского общества. Необходимо уделять приоритетное внимание развитию военной науки и на этой основе осуществлять опережающее развитие военной сферы национальной безопасности как важнейшего фактора стабильности общества и государства.

Библиографический список

1. Общая теория национальной безопасности: учебник / Под общ. ред. А. А. Прохожева. изд. 2-е, доп. М.: Изд-во РАГС, 2005. 344 с.
2. **Ксенофонов В. А.** Военное насилие как форма социальной борьбы // ВЫШЭЙШАЯ ШКОЛА: НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ І ПУБЛІЦЫСТЫЧНЫ ЧАСОПІС. 2020. № 3 (137). С. 57—62.
3. **Ксенофонов В. А.** Национальная безопасность: идейно-теоретические основания // Вестн. Воен. акад. Респ. Беларусь. 2021. № 1. С. 92—101.
4. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: утв. Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575. Минск: Белорусский Дом печати, 2011. 48 с.
5. **Анненков В. И.** Безопасность России: геополитические и военно-политические аспекты: учеб. пособ. / В. И. Анненков, С. Н. Баранов, О. Ю. Важнов, В. Б. Лаптев, Н. А. Сергеев. М.: РУСАВИА, 2006. 432 с.
6. **Евстафьев Д. Г., Ильницкий А. М.** Приоритеты управления национальной безопасностью и обороной в условиях постглобального мира // Военная мысль. 2021. № 3. С. 6—24.
7. **Свечин А. А.** Искусство политики и войны. Наука стратегии. М.: Вече, 2018. 400 с.
8. **Кокосин, А. А.** Вопросы прикладной теории войны. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 227 с.
9. **Куманьков А. Д.** Война в XXI веке: монография. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 299 с.
10. **Бартосх А. А.** «Серые зоны» как ключевой элемент современного операционного пространства гибридной войны // Военная мысль. 2021. № 3. С. 25—37.
11. «Цветная революция» в Республике Беларусь: особенности и механизм реализации: пособие / Н. Е. Бузин [и др.]. Минск: НИИ ВС РБ, 2020. 98 с.

Поступила 30.04.2021

Ксенофонов Владислав Анатольевич — кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры идеологической работы и социальных наук. Военная академия Республики Беларусь (220057, г. Минск, пр. Независимости, 220), nksena777@gmail.com

References

1. Obshhaja teorija nacional'noj bezopasnosti: uchebnik / Pod obshh. Red. A. A. Prohozheva. Izd. 2-e, dop. M.: Izd-vo RAGS, 2005. 344 s.
2. Ksenofontov V. A. Voennoe nasilie kak forma social'noj bor'by // VYShJeJShAJa ShKOLA: NAVUKOVA-METADYChNY I PUBLICYSTYChNY ChASOPIS. 2020. № 3 (137). S. 57—62.
3. Ksenofontov V. A. Nacional'naja bezopasnost': idejno-teoreticheskie osnovanija // Vestn. Voen. Akad. Resp. Belarus'. 2021. № 1. S. 92—101.
4. Koncepcija nacional'noj bezopasnosti Respubliki Belarus': Ukaz Prezidenta Resp. Belarus' № 575 ot 9 nojab. 2010 g. Minsk: Belorusskij Dom pechaty, 2011. 48 s.
5. Annenkov V. I. Bezopasnost' Rossii: geopoliticheskie i voenno-politicheskie aspekty: ucheb. Posob. / V. I. Annenkov, S. N. Baranov, O. Ju. Vazhnov, V. B. Laptev, N. A. Sergeev. M.: RUSAVIA, 2006. 432 s.
6. Evstaf'ev D. G., Il'nickij A. M. Prioritety upravlenija nacional'noj bezopasnost'ju i oboronoj v uslovijah postglobal'nogo mira. [THE PRIORITIES OF MANAGING NATIONAL SECURITY AND DEFENSE IN A POST-GLOBAL WORLD] // Voennaja mysl'. 2021. № 3. S. 6—24.
7. Svechin A. A. Iskustvo politiki i vojny. Nauka strategii. M.: Veche, 2018. 400 s.
8. Kokoshin, A. A. Voprosy prikladnoj teorii vojny. M.: Izd. Dom Vyshej shkoly jekonomiki, 2018. 227 s.
9. Kuman'kov A. D. Vojna v XXI veke. M.: Izd. Dom Vyshej shkoly jekonomiki, 2020. 299 s.
10. Bartosh A. A. «Serye zony» kak kljuchevoj jelement sovremennogo operacionnogo prostranstva gibridnoj vojny [GREY AREAS" AS THE KEY ELEMENT OF TODAY'S OPERATIONAL SPACE OF HYBRID WARFARE] // Voennaja mysl'. 2021. № 3. S. 25—37.

11. «Cvetnaja revoljucija» v Respublike Belarus': osobennosti i mehanizm realizacii: posobie / N. E. Buzin [i dr.]. Minsk: NII VS RB, 2020. 98 s.

Submitted 30.04.2021

Ksenofontov Vladislav A., PhD (Philosophy), Associate Professor; Professor of the Department of Ideological Work and Social Sciences. Military Academy of the Republic of Belarus (220 Nezavisimosti Ave., Minsk, 220057), nksena777@gmail.com

Свобода и необходимость с позиций теории фрактальности

М.Ю. Морозов

Гуманитарно-социальный институт, г. Люберцы

maxdiscovery@mail.ru

Статья представляет собой взгляд на проблему свободы сквозь призму развиваемой автором концепции фрактальности. Отмечается важность теоретического осмысления понятия свободы в своем основании; на примере серии экспериментов Либета показывается, что без такого осмысления неизбежными становятся заблуждения и искажения интерпретационных выводов при решении проблемы свободы, что отзывается противоречием в мировоззренческой позиции человека как свободного существа. Устанавливается связь между логической проблематикой и способами разрешения противоречия свободы и необходимости; показано, что пренебрежение монистической логикой целостности, которая представлена позицией Спинозы, ведет к превращенной (фрактальной) форме понятия свободы — свободе выбора как субъективной способности действия в независимости от внешних обстоятельств. Рассматривается понятие странного аттрактора и делается вывод о фрактальности как сущности его «странной» природы. Показана связь фрактальности и свободы в бытийном измерении ее развития как универсального человеческого определения.

Ключевые слова: свобода, необходимость, случайность, фрактальность, диалектика, монизм, Спиноза, превращенная форма.

Freedom and necessity from the perspective of the fractality concept

M. Y. Morozov

Lecturer of the Institute for the Humanities and Social Sciences, Lyubertsy

maxdiscovery@mail.ru

The article presents a view of the problem of freedom through the prism of the author's concept of fractality. The importance of theoretical understanding of the concept of freedom in its foundation is noted; by the example of a series of experiments of Libet it is shown that without such an understanding errors and distortions of interpretative conclusions in solving the problem of freedom are inevitable, which is reflected in a contradiction in the worldview position of man as a free being. The article establishes connection between logical problems and ways of solving contradiction of freedom and necessity. It shows that disregard of monistic logic of wholeness which is represented by Spinoza's position leads to transformed (fractal) form of freedom — freedom of choice as subjective ability to act independently of external circumstances. The concept of a strange attractor is considered and a conclusion about fractality as the essence of its «strange» nature is made. The connection between fractality and freedom in the being dimension of its development as a universal human definition is shown.

Keywords: freedom, necessity, randomness, fractality, dialectics, monism, Spinoza, transformed form.

*«Свобода есть фундаментальное
основание любого роста» [13, с. 277]
«Свобода достигла критической точки:
благодаря собственному динамизму
она подвергается опасности превратиться
в собственную противоположность»
[13, с. 259—260]*

Э. Фромм

Говорить сегодня о том, что проблема свободы относится к числу фундаментальных проблем философской науки даже как-то неприлично — настолько часто повторяется эта верная сама по себе мысль, что начало разработки этой темы подобным заявлением справедливо может расцениваться читателем как банальность. Резонно было бы заметить, что вопрос о свободе — вопрос далеко не новый, хотя и всегда «живой», ведь затрагивает он самое «существо дела» — того непростого дела, которое называется «быть человеком»; недаром свобода входит в необходимые определения собственно человеческого бытия во многих философских системах и учениях. Однако «философия есть эпоха, схваченная мыслью» (Гегель), и отсюда нетрудно понять, по какой причине вопрос о свободе ставится именно сегодня — что и подчеркивает Э. Фромм в цитате, вынесенной в эпиграф — снова и снова с новой силой, с новым звучанием: обладает ли человек свободой или это лишь иллюзия, которая эпифеноменально порождается мозгом или же насильно насаждается культурой?

Вопрос, что и говорить, непростой. Писать о нем сегодня становится весьма модно. В литературе о свободе представлены самые разнообразные подходы: синергетика и нейрофизиология, квантовая физика и религиозно-ориентированное «любомудрие», когнитивистика, кибернетика, экзистенциализм, интуитивизм и т.д. и т.п. Свободу ищут и в структурах человеческого мозга, и в генах, и в особенностях связи и функционирования динамических систем разной при-

роды, и в априорных способностях. В Господе Боге, конечно, ищут тоже, и находят там даже чаще прочего.

Однако прежде чем ставить вопрос об «обладании свободой», весьма полезно было бы осмыслить само понятие *свободы* в своем основании. Отсутствие такого осмысления приводит к иллюзиям и заблуждениям, которые, увы, нередко получают резонансное звучание и широкое распространение. Ошибочность таких представлений, некритически принимаемых за истину, доказать после подобного распространения очень непросто, и эту сложность можно объяснить: скандальность заявлений в условиях кризиса рационального мышления оказывается более веским аргументом, чем продуманная стройность логических доказательств. Мы, конечно, имеем в виду знаменитый эксперимент Либета, результаты которого интерпретируются кратким тезисом: «Свобода воли — это иллюзия».

В серии экспериментов Б. Либета, как известно, испытуемым предлагалось совершить движение пальцем руки, когда у них возникнет такое желание. Было показано, что это «свободно» совершаемое физическое движение руки происходит с некоторой задержкой относительно иницилирующей нервной активности в двигательных центрах головного мозга, а значит и сам «свободный выбор» предопределен неуловимыми и неосознаваемыми паттернами мозговой активности. Существующая критика этого эксперимента может дать некоторое представление о причине заключения термана «свобода» в кавычки: Б. Либета и интерпретаторов обвиняли в подмене понятий и неверном отождествлении

«решения», «побуждения», «желания», «воли» [20, 18, 17]. Однако с теоретико-познавательной точки зрения, дело заключается вовсе не в том, чтобы раз и навсегда рассудочно разделить эти понятия непреходимыми границами: нужно также выявить и условия «гибкости» понятий, их взаимного перехода и превращения одного в другое. Вполне понятно, что сделать это нельзя без глубокой теоретической рефлексии проблемы свободы.

Почему возникла волна протеста против интерпретации этого эксперимента? Дело, конечно, в том, что вопрос о свободе человека выходит далеко за рамки науки, которая претендует на беспристрастную объективность, науки, которая «очищает» себя от «человеческого фактора», а открытое еще древними греками тождество истины, красоты и добра как объективных характеристик развития человека и его мира объявляет лежащими вне своей области¹. Вопрос этот вторгается в сугубо личное, интимное человеческое бытие и несет важный мировоззренческий смысл. Тем удивительнее, впрочем, наблюдать критику этого эксперимента и со стороны научного сообщества, которое, в общем-то, принимает указанные выше установки, а свободу неизбежно трактует лишь как «свободу выбора». Что же здесь удивительного? То, что представление о свободе как о свободе воли, свободе выбора, а вообще говоря — о неразличимости в такой концепции индивидуального произвола и свободы, с необходимостью вытекает из *разрыва* Мира и Человека, понимания объекта и субъекта как лишь внешним образом противостоящих друг другу. Свобода, понятая как свобода выбора, — есть субъективная способность действовать в полной независимости от внешних обстоятельств. В философии Нового

времени эта линия вполне явно представлена Декартом, Кантом, Фихте — и их наследниками, которые, несмотря на кажущуюся серьезность внешних отличий, в этом вопросе проявляют солидарность.

Противостоит этой линии гениальная в своей простоте позиция Б. Спинозы, которая оказывается исключительно трудной для уяснения сторонникам позитивистского «здравого смысла»: превращение противоположностей для их логики представляется лишь «диалектическим фокусничаньем», которое ни в коем случае не мыслится ими научным решением проблемы. Речь о том, что свобода понимается Спинозой как действие в согласии со всеобщей универсальной необходимостью, а несвобода — как действие, зависящее лишь от случайных обстоятельств, логической необходимостью вовсе не являющихся. Человек не только противостоит Миру в познании, но он и сам — часть этого мира, он вписан в его логику и движется по контурам внешних тел по законам саморазворачивания субстанции. Универсальная (логическая) необходимость осмысливается здесь как логика *Целого*, как сформированная этим целым потребность, выступающая на индивидуальном уровне как *Цель*. Именно этим оборотом мысли Спиноза и разрешает противоречие свободы и необходимости. Осмысление этого противоречия вне учета позиции Спинозы приводит мыслителей к нелегкому выбору: либо допустить внешний источник свободы и движения, либо пожертвовать тем важным свойством, что у Аристотеля зовется «энтелехией». Телеологическое движение предмета объясняется Спинозой через особенности развития субстанции (тотальности): «целе-сообразное» оказывается при ближайшем рассмотрении «цело-сообразным».

¹ С.А. Симонова выделяет в своей работе два основных взгляда на проблему такого тождества, причем общепринятой в науке она называет позицию, которая «рассматривает любые формы культуры и духовности с точки зрения исторического прогресса (эволюционная парадигма); в этой модели триединство истины, добра и красоты — синкретизм и архаика, которая преодолевается по мере дифференциации и автономизации духовной и научной сфер культуры. Синтетичность любого явления означает здесь нерасчлененность, неоформленность, свойственные архаическим эпохам. Иными словами, целостность означает в этой парадигме неразвитость» [11, с. 88]

Но именно эта-то мысль и не может быть позитивизмом принята. Неслучайно поэтому лорд Рассел так обрушивается на Спинозовскую идею субстанции, претендуя на окончательный вердикт от имени Науки: «Концепция субстанции, на которую опирался Спиноза, есть концепция, которую ни наука, ни философия в наше время принять не могут» [9, с. 95].

Отметим особо: проблема свободы рассматривается обычно в контексте социальной философии — в советское время в русле того, что подпадало под рубрику «исторический материализм». В дополнение к этому, в аналитической философии сознания и современных позитивистских течениях свободу пытаются вывести из онтологических оснований самой материи, понимаемой физикалистски: например, В.А. Бажанов предлагает использовать для этого квантово-механический подход [2]. Думается, что это происходит от того, что, не умея схватить категорию *превращение*, исследователи, оснащенные «естественнонаучным» (недиалектическим) способом мышления, оказываются вынуждены предположить «зародыши» указанных свойств в фундаменте более низких уровней организации материи²; развитие в этом случае понимается только как количественное увеличение (уменьшение) качеств, а качественно новые особенности превращенных форм объясняются в таком случае категорией «эмерджентности», которая, в свою очередь, сама должна быть объяснена. Нетрудно видеть, что эта последняя служит здесь такой же отговоркой, как *необходимость*, *случайность* или *Бог*, в случаях, когда сказать об изучаемом процессе (предмете) больше нечего³.

В противовес такому представлению о развитии, мы утверждаем, что проблема свободы должна быть понята в своем генезисе.

Рассмотренная так, она оказывается крепко завязана на строго логическую проблематику (на всеобщие определения самой действительности), и предпочтение одной логики — другой, неизбежно ведет к тому или иному решению этой принципиальной проблемы. Либо свобода есть «осознанная необходимость» и действие в соответствии с целью, действие по логике *Целого*. Либо же свобода есть «абсолютная независимость от внешних условий»: в таком случае свобода предстает свободой выбора. Но любой выбор, в этом контексте, во-первых, неотличим от случайности, от произвола, а, во-вторых, опять-таки выворачивается в противоположность: сама случайность⁴ оказывается лишь ширмой, под которой скрывается простое незнание обстоятельств, которые заставляют нас верить в «свободу» нашего выбора.

Эта позиция как будто бы созвучна Либету. Действительно, свобода выбора — иллюзия, а всеобщая необходимость предстает в форме биологических законов функционирования мозга. Но не было бы ничего более несправедливого, чем приписать такую позицию Спинозе. Интерпретация, отдающая свободное действие на откуп сложной нейродинамике, имеет необходимым логическим выводом то, что свобода — это эпифеномен, и что человек вполне мог бы функционировать «в темноте». Ведь мера свободы человека, по мысли голландского философа, зависит от того, насколько человек *осознает* реальность целого, а, значит, никакая «темнота» здесь не имеет и не может иметь места. «Необходимость — истина случайности», — пишет Г. Гегель. «Свобода — истина необходимости», — добавляет Г.В. Лобастов [8, с. 120]. Упоминая Гегеля, надо отметить, что его разработка проблемы свободы вполне снимает позицию Спинозы и существенно расширяет

² То же мы видим и в современной философии сознания: Д. Чалмерс, утверждая «дуализм свойств», предлагает допустить наличие «протосознания» уже у элементарных частиц [15].

³ Это отмечал еще Ф. Энгельс [16, с. 174-177]

⁴ Случай — случение — результат того, что случается с объектом, который оказывается лишь точкой приложения внешних сил, подчиненных необходимости.

её: прежде всего, по сравнению со Спинозой, он ставит эту разработку на почву истории. Свобода рассматривается Гегелем как субъект исторического движения; она является субстанцией понятия и сущностью духа [1]. К «свободному понятию» в Логике Гегель переходит через диалектику случайности, которая превращается в абсолютную необходимость (через стадии формальной и относительной необходимости), а уже после (через категорию «взаимодействие») — в свободу (само понятие). Более того, Гегель считает свободу принципом философии вообще, ведь «бесконечное свободное понятие и все ее содержание покоится исключительно только на нем» [5, с. 288]. От более широкого изложения фундаментального решения проблемы свободы, изложенного Гегелем, нас удерживает только то, что в предложенной «типизации» решений, его решение лежит в русле, заданном Спинозой.

Если рассмотреть проблему свободы логически, то она выступает в форме *самопричинения*. Это приводит исследователя к рассмотрению сюжетов, связанных с петлями обратной связи которые весьма обширно проработаны в разных областях научного знания: кибернетика, синергетика, нейрофизиология. Неслучайны поэтому переклички смыслов между теорией функциональных систем П. К. Анохина⁵, теорией фракталов и странных петель и психологическими исследованиями самопричинности в работах Т. Маркс-Тарлоу.

Разработка теории функциональных систем заставляет Анохина принципиально пересмотреть само понятие «системы»: через критику широко распространенной в системном подходе интерпретации этого понятия, данной А. Богдановым и Л. фон Берта-ланфи, он приходит к развитию понятия рефлекторной дуги и формулирует понятие

рефлекторного кольца, завязанного на обратную связь, в форме которой системой осуществляется *активная регуляция* поведения. Система самоорганизуется только под воздействием «образа результата действия», образа цели, который и выступает главным системообразующим фактором. Эта точка — важнейшая для исследования пересечения идей П.К. Анохина с идеями школы Л.С. Выготского и философскими идеями Э.В. Ильенкова и его последователей⁶; о таком пересечении написано еще весьма немного. Нетрудно видеть, что выдающийся физиолог приходит здесь к спинозовскому решению проблемы самопричинения, хотя в этом решении и остаются «точки роста» — проблема несовпадения между целью и результатом, которую зафиксировал в «Феноменологии духа» еще Гегель. Это рассогласование образует «входные данные» нового цикла, задавая ряд итераций. Тем самым даже в указанном решении остается-таки лазейка для картезианского автоматизма, который Анохин стремился преодолеть.

В этом пункте наших рассуждений любопытно провести параллель с исследованиями психологической самопричинности в работах Т. Маркс-Тарлоу, которая опирается в теоретическом анализе на теорию фракталов и нелинейную хаотическую динамику. Феномен «Я» рассматривается ей как особый рекурсивный итерационный процесс, нейронная основа которого, опять-таки, может быть понята только исходя из деятельности мозга как *целостной системы* [19, с. 326]. Она подчеркивает, что такая позиция «контрастирует с позициями монистического идеализма или дуализма» (перевод здесь и далее М.М.) [19, с. 326—327]; и хотя стоит отметить опасность биологизаторства (от которого не уйти при заявлении, что «мыслит» мозг), с логической стороны вывод Маркс-Тарлоу — это

⁵ Весьма созвучна теории Анохина позиция другого выдающегося физиолога — Н.А. Бернштейна.

⁶ Один из представителей Ильенковской школы, В.Н. Суханов, пишет: «Быть свободным — это и есть формировать и удерживать внутри себя образ цели и действовать в соответствии с ним» [12, с. 62]. Под этими словами вполне мог бы подписаться и П. К. Анохин.

очень важный результат. Чтобы избежать сведения мышления и «Я» к функционированию мозга, следует иметь в виду, что с необходимостью мыслит с помощью мозга лишь человек, включенный в сеть общественных отношений. Однако для нас важно, что логика целостности приводит и здесь к позиции материалистического монизма, показывая взаимосвязь логических оснований с полученными результатами.

Представляется весьма важным ближе взглянуть на механизм функционирования сознания, как он видится Маркс-Тарлоу: «Независимо от происхождения, я предполагаю, что возникновение самосознания это особый случай сознания, которое при достижении определенного уровня сложности, рекурсивно складывается само по себе, психологически проявляясь как сознание сознания. *Сознание можно считать рекурсивным если рассматривать его как набор внутренних алгоритмов* (выделено М.М.), которые постоянно действуют над объектами и аспектами внешнего мира. Итерация происходит через процессы обратной связи, при которых продукты одного состояния сознания становятся отправной точкой для следующего состояния» [19, с. 327]. Она указывает также на фрактальную природу этого процесса. Таким образом, для понимания проблемы свободы, требуется теоретически осмыслить понятие петель обратной связи в свете фрактальной теории.

На связь понятия фрактала и аттрактора с указанными выше проблемами целосообразности и свободы указывает В. А. Лазуткин: в статье о синергетике он интерпретирует понятие аттрактора как математический «образ цели, образ результата действия, образ будущего» (Анохин), а странные аттракторы называет «символами свободы» [7, с. 128—129]. Он осмысливает их как препятствие целоустраемленности системы, как снимающий заданную целостность «образ развития» и это весьма плодотворная мысль. Синергетика, представляющая собой «самый умный пози-

тивизм» [10, с. 56], вплотную подошла к формально-логическому выражению идей Спинозы на своем языке. По этой причине стоит всмотреться в понятие странного аттрактора внимательнее.

Лазуткин утверждает, что «математический образ детерминированных непериодических процессов, для которых невозможен долгосрочный прогноз, назвали странными аттракторами» [7, с. 128]. На наш взгляд, это не вполне точно. С. Д. Хайтун обращает внимание, что «странность» аттрактора часто связывается со «стохастичностью», однако отождествлять их было бы ошибкой: «Дело не в том, что странный аттрактор имеет «очень сложную» структуру, но в том, что он ее вообще имеет, тогда как нестранный стохастический аттрактор не имеет никакой структуры» [14, с. 175]. Он отмечает, что *не стохастичность* делает аттрактор странным, а его *топология*. Д. Рюэль с этим вполне соглашается, считая, что странность аттрактора заключается в трех существующих вместе признаках: фрактальности, детерминизме и сингулярности; однако фрактальность здесь трактуется узко-обыденно: как «вложенность, подобие, согласованность» [6, с. 161]. При более точном понимании фрактальности, нетрудно увидеть, что и детерминизм (как зависимость от начальных условий), и сингулярность (как конечное число определяющих параметров) снимаются понятием фрактальности, превращаются в его собственные моменты.

Итак, фрактальность есть существенное определение странного аттрактора, его сущность. Следовательно, в понятии фрактальности лежит и действительное понимание проблемы свободы в ее преломлении формально-логическим мышлением: взглянуть на это «преломление» тем интереснее, что, во-первых, указанное рассудочное мышление является повсеместно-распространенным, а во-вторых, «преломление» понятия свободы есть частный случай типично-фрактальной «деформации» логического поля

понятия; оно также представляет собой любопытный случай самоподобия (которое, в свою очередь, само является важным определением фрактала).

В чем состоит эта деформация? Прежде всего, отметим важнейший момент: деформация «чистой формы» является необходимым шагом познания. Противоречие всеобщего и особенного, как указывает Г. В. Лобастов [8, с. 383—385], — есть условие возникновения и функционирования сознания. Человек как бы испытывает, «щупает» внешний мир сквозь чистые формы-понятия, и эти понятия, обладая известной гибкостью, вбирают в себя любую предметность, искажаясь, но не «ломаясь». Назовем это «упругой деформацией», по аналогии с поведением металлов в упругой зоне. Фрактальная деформация — это «слом» чистой формы, где целостность этой формы разрушается (соскальзывает, переходит в зону пластичности), а на ее месте возникает иллюзорно-мнимая (превращенная) форма. Так *свобода* становится *свободой выбора* и описывается фрактальными алгоритмами. «Страшная тайна» такой «свободы» состоит в том, что *никакой свободы здесь на самом деле нет*: «События сами собой образуют согласованную структуру, которая не линейна и не фатальна, — она пластична и она фрактальна. <...> Эта воздушная конструкция, *создающая впечатление свободы* (курсив М. М.) и произвола есть на самом деле производная многократного повторения одних и тех же операций» [6, с. 169]. Правда, С. Л. Деменок здесь не вполне прав: иллюзия свободы создается фрактальными итерациями, но элемент хаоса вносится в эту конструкцию насильно, с помощью введения в алгоритм порождения фрактала генераторов случайности на разных этапах. В зависимости от стадии и особенностей генерации, он разделяет фракталы

на стохастические и алеаторные. При этом последние особенно любопытны тем, что на логическом уровне связывают фрактальную проблематику с идеями алеаторности в постмодернизме (Ж. Делез), а с наглядно-образной стороны — представляют отличную иллюстрацию деформации самой фрактальности [6, с. 255].

Иллюзорная свобода коренится, по замечанию Лобастова, в зависимости от наличного содержания действительности: «Определение свободного движения в *иллюзорно* представляемом мире оборачивается зависимостью реального движения от реальных обстоятельств, *иллюзией* свободы. Оборачивается ложным сознанием невозможности свободы, представлением о свободе как выборе на основе субъективных определений. Здесь выбор выступает как выбор необходимости, положенной самим субъектом. А потому — как зависимость от самого себя. От самого себя, который определен наличными формами бытия. Это — зависимость от наличного содержания» [8, с. 126]. Можно снова подумать, что, будто бы, и Спиноза о том же — и снова ошибиться, ведь он пишет о *самостоятельном действии* по логике всеобщей цели. Иллюзия свободы же исключает самостоятельное осознанное действие⁷, даже там, где оно облечено в субъективно-мнимую форму. Эта иллюзорность в логическом поле выражается фракталом, который стремится быть *как свобода*, быть *похожим на свободу* — но представляет собой, вместо этого, «игру различий и повторений» (Делез), хитроумное сплетение пред-заданности алгоритмов⁸ с дозированно введенной в них мерой случайности для создания симулятивной гиперреальности (Бодрийяр), которая в результате *кажется* более свободной, чем сама свобода. Фрактал демонстрирует собой не диалектическое единство, а механическую

⁷ Различие коренится в двух представлениях о развитии: находится ли источник движения внутри предмета или вынесен вовне [3, с. 86 и далее]

⁸ Ср. с идеей предустановленной гармонии Г. Лейбница.

взаимосвязь абсолютной необходимости и абсолютной случайности, которые пытаются как бы уравнивать между собой в точно-выведенном «равновесном растворе», призывая на помощь мудрость даосизма в поисках «срединного третьего пути» [4, с. 154]. Это замечательно иллюстрирует и Маркс-Тарлоу, которая представляет фрактальную форму изменяющейся в диапазоне от абсолютной жесткости самоповторов (клинические случаи самоподобного поведения) до абсолютного хаоса бесструктурной психики⁹ [11].

Кратко стоит упомянуть о динамических особенностях фрактальных структур: они появляются в критической точке развития системы и служат «формой превращения», перехода одного состояния в другое. С этим связан важный предрассудок: фрактальность часто толкуется как «самодостраивание системы». Нет ничего более опасного, чем интерпретировать фрактальность так, поскольку логически фрактальность как всеобщее отношение разрывности, лишаящее систему потенциала роста, уводящее ее в дурную бесконечность самоповторов, проявляется в *саморазрушении* системы, является, напротив, индикатором такого саморазрушения.

Рассмотренные в этом свете классические тексты обретают новое звучание. «Бегство от свободы» на эмпирическом материале показывает буквально все стороны проблемы, описанные выше: противоположность чистых и превращенных форм [13, с. 268], свобода как основание роста [13, с. 277], податливость и «слом» чистых форм [13, с. 276], псевдопреодоление разрывности через «конформизм автомата» [13, с. 200], бегство от свободы как запоздалая попытка гармонизировать себя с окружающей действительностью [13, с. 139], встреча с препятствием как основание превращения энергии сози-

дания в энергию разрушения [13, с. 211], человек как «бессильный атом» и «растворенное Я» [13, с. 165], подмена истинных идеалов ложными как движение к иррациональной цели [13, с. 255], блокировка развития основы личности через внедрение внешних паттернов, неорганический рост человека-автомата [13, с. 253] и т.д. Снятие фрактального характера движения возможно через *свободное само-полагание своего действия субъектом развития* и предполагает поэтому глубокое теоретическое погружение в проблему свободы.

Библиографический список

1. Асмус В. Ф. Диалектика необходимости и свободы в философии истории Гегеля // Вопросы философии, 1995, № 1. С. 52—69.
2. Бажанов В. А. Квантово-механический подход к проблеме сознания // Материя и сознание. М.: ИНИОН АН СССР, 1985. С. 139—152.
3. Босенко В. А. Всеобщая теория развития. Киев, 2001. 468 с.
4. Войцехович В.Э. Синергетическая концепция фракталов // Синергетическая парадигма: человек и общество в условиях нестабильности. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 141—156.
5. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 2. М.: Соцэкгиз, 1939. 388 с.
6. Деменок С. Л. Просто фрактал. СПб.: Страта, 2019. 274 с.
7. Лазуткин В. А. В защиту синергетики и диалектики от околонаучных мародеров и в защиту гуманизма // Диалектика и проблемы развития науки: монография: в 2 ч. / Под общ. ред. докт. филос. наук, академика Акмеологической академии Гусевой Н.В. Ч. 1. Усть-Каменогорск, 2017. С. 125—150.
8. Лобастов Г. В. Диалектика разумной формы и феноменология безумия. М.: Русская панорама, 2012. 560 с.

⁹ Ту же мысль высказывает и В. Э. Войцехович: «Фрактальное мышление находится всегда МЕЖДУ платоновско-аристотелевской жесткостью понятия и полным отсутствием формы» [4, с. 154].

References

9. Рассел Б. История западной философии: в 2 т. Т. 2. М.: Миф, 1993. 509 с.

10. Самарский А. Ю. О взаимоотношении синергетики и диалектики // Наш Ильенков: Учиться мыслить смолоду / Под ред. В. Д. Пихорича. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 54—57.

11. Симонова С. А. К проблеме этико-эстетического синтеза // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2011. № 2. С. 85—93.

12. Суханов В. Н. Философия в образовательно-педагогическом процессе: монография / Под. общ. ред. Н. В. Гусевой. Усть-Каменогорск, 2016. 180 с.

13. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2019. 288 с.

14. Хайтун С. Д. От эргодической гипотезы к фрактальной картине мира: Рождение и осмысление новой парадигмы. М.: ЛЕНАНД, 2016. 256 с.

15. Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории сознания. М.: Editorial URSS: ЛИБРОКОМ, 2013. 512 с.

16. Энгельс Ф. Диалектика природы. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1941. 338 с.

17. Dennett D. C. Consciousness Explained. Boston: Little, Brown and Co., 1991. 528 p.

18. Herrmann C. S., Pauen M., Min B. K., Busch N.A., Rieger J. W. Eine neue Interpretation von Libets Experimenten aus der Analyse einer Wahlreaktionsaufgabe // Bewusstsein. Philosophie, Neurowissenschaften, Ethik, hrsg. v. C. S. Hermann, M. Pauen, J. W. Rieger und S. Schickel. Paderborn, 2005. P. 120—134.

19. Marks-Tarlow T. The Self as a Dynamical System // Nonlinear Dynamics, Psychology, and Life Sciences, Vol. 3, №. 4, 1999. P. 311—345.

20. Mele A. R. Free: Why Science Hasn't Disproved Free Will (англ.). Oxford University Press, 2014. 112 p.

Поступила 31.05.2021

Морозов Максим Юрьевич — преподаватель Гуманитарно-социального института (Российская Федерация, 140079, Московская область, город Люберцы, дачный посёлок Красково, улица Карла Маркса, дом 117); maxdiscovery@mail.ru

1. Asmus V. F. Dialektika neobhodimosti i svobody v filosofii istorii Gegelja // Voprosy filosofii, 1995, № 1. S. 52—69.

2. Bazhanov V. A. Kvantovo-mehanicheskij podhod k probleme soznaniya // Materija i soznanie. M.: INION AN SSSR, 1985. S. 139—152.

3. Bosenko V. A. Vseobshhaja teorija razvitiya. Kiev, 2001. 468 s.

4. Vojcehovich V. Je. Sinergeticheskaja koncepcija fraktalov // Sinergeticheskaja paradigma: chelovek i obshchestvo v uslovijah nestabil'nosti. M.: Progress-Tradiciya, 2003. S. 141—156.

5. Gegel' G.V.F. Nauka logiki. T. 2. M.: Socjektivizm, 1939. 388 s.

6. Demenok S. L. Prosto fraktal. SPb.: Strata, 2019. 274 s.

7. Lazutkin V. A. V zashhitu sinergetiki i dialektiki ot okolonauchnyh maroderov i v zashhitu gumanizma // Dialektika i problemy razvitiya nauki: monografija: v 2 ch. / Pod obshh. red. dokt. filos. nauk, akademika Akmeologicheskoy akademii Gusevoj N.V. Ch. 1. Ust'-Kamenogorsk, 2017. S. 125—150.

8. Lobastov G. V. Dialektika razumnoj formy i fenomenologija bezumija. M.: Russkaja panorama, 2012. 560 s.

9. Рассел Б. История западной философии: в 2 т. Т. 2. М.: Миф, 1993. 509 с.

10. Samarskij A. Ju. O vzaimootnoshenii sinergetiki i dialektiki // Nash Il'enkov: Uchit'sja myslit' smolodu / Pod red. V. D. Pihorovicha. M.: LENOAND, 2016. S. 54—57.

11. Simonova S. A. K probleme jetiko-jesteticheskogo sinteza // Vestnik VGU. Serija: Filosofija. 2011. № 2. S. 85—93.

12. Suhanov V. N. Filosofija v obrazovatel'no-pedagogicheskom processe: monografija / Pod. obshh. red. N. V. Gusevoj. Ust'-Kamenogorsk, 2016. 180 s.

13. Fromm Je. Begstvo ot svobody. M.: AST, 2019. 288 s.

14. Hajtun S. D. Ot jergodicheskoy gipotezy k fraktal'noj kartine mira: Rozhdenie i osmyslenie novoj paradigmy. M.: LENOAND, 2016. 256 s.

15. Chalmers D. Soznajushhij um. V poiskah fundamental'noj teorii soznaniya. M.: Editorial URSS: LIBROKOM, 2013. 512 s.

16. Jengel's F. Dialektika prirody. M.: OGIZ; Gospolitizdat, 1941. 338 s.
17. Dennett D. C. Consciousness Explained. Boston: Little, Brown and Co., 1991. 528 p.
18. Herrmann S. S., Pauen M., Min V. K., Busch N.A., Rieger J. W. Eine neue Interpretation von Libets Experimenten aus der Analyse einer Wahlreaktionsaufgabe // Bewusstsein. Philosophie, Neurowissenschaften, Ethik, hrsg. v. C. S. Hermann, M. Pauen, J. W. Rieger und S. Schicktanz. Paderborn, 2005. R. 120—134.
19. Marks-Tarlow T. The Self as a Dynamical System // Nonlinear Dynamics, Psychology, and Life Sciences, Vol. 3, №. 4, 1999. R. 311—345.
20. Mele A. R. Free: Why Science Hasn't Disproved Free Will (angl.). Oxford University Press, 2014. 112 p.

Submitted 31.05.2021

Morozov Maxim Yurievich — Lecturer at the Institute for the Humanities and Social Sciences (Russian Federation, 140079, Moscow Oblast, Lyubertsy, village Kraskovo, 117 Karla Marksa Street); maxdiscovery@mail.ru

Трансформации концепций национальной безопасности Беларуси и России и историческая политика: содержательные аспекты

А.А. Мушта¹, Т.В. Растимешина²

¹ Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Республика Беларусь, г. Минск

² Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», Россия, г. Москва

alex_mushta@mail.ru

Рассмотрены взаимосвязанные концепты политики памяти, исторической политики и политики безопасности. Показано, что в России и в Республике Беларусь наблюдается устойчивая тенденция секьюритизации исторической политики и политики памяти. Рассмотрены тенденции индоктринирования секьюритистской модели исторической политики в официальные документы обоих государств. Показано, что и в Беларуси, и в России внутреннее политическое противостояние рассматривается в историческом конструкте Холодной войны. Утверждается, что в контексте необходимости углубления интеграции в рамках Союзного государства необходим поиск относительно единой для всех сил российского и белорусского обществ целостной концепции истории.

Ключевые слова: историческая политика, политика памяти, секьюритизация, национальная безопасность, Беларусь, Россия, Союзное государство.

Transformations of the national security concepts of Belarus and Russia and historical policy: substantive aspects

¹A.A. Mushta, ²T.V. Rastimehina

¹ Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Republic of Belarus, Minsk

² National Research University «Moscow Institute of Electronic Technology», Russia, Moscow

alex_mushta@mail.ru

The interrelated concepts of memory policy, historical policy and security policy are considered. It is shown that in Russia and in the Republic of Belarus there is a steady trend of securitization of historical policy and memory policy. The tendencies of indoctrination of the securitist model of historical policy into official documents of both states are considered. It is shown that both in Belarus and in Russia, the internal political confrontation is considered in the historicist

construct of the Cold War. It is argued that in the context of the need to deepen integration within the framework of the Union State, it is necessary to search for a relatively unified holistic concept of history for all the forces of Russian and Belarusian societies.

Keywords: historical policy, memory policy, securitization, national security, Belarus, Russia, the Union State.

Идеологизация и политизация прошлого и моделей памяти о нем не только обуславливает возрастание значимости исторической политики, но и способствует переводу исторических нарративов и национально-государственной идентичности в плоскость проблем международной и национальной безопасности.

Международной исследовательской группой под руководством директора института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону) В. Апрыщенко изучено влияние коллективной памяти на представления о безопасности в Европе, включая Россию и Беларусь. На основе анализа взаимодействия между коллективной памятью, идеей безопасности и идентичностью предложена оригинальная трехчастная модель «секьюритизации» (так называемый «треугольник секьюритизации»). В ее основу положен тезис о том, что коллективная память является основным элементом, конституирующим смыслы безопасности, при этом, как полагает В. Апрыщенко, «тройную связку памяти, безопасности и идентичности разрушить невозможно»¹ [1, с. 105].

Применяя концепцию секьюритизации, мы можем сформулировать наш исходный тезис следующим образом: и в России, и в Республике Беларусь наблюдается устойчивая тенденция секьюритизации исторической политики и политики памяти. В нашей предыдущей статье «Историческая политика в контексте трансформаций концепций

национальной безопасности Беларуси и России: теоретические основания» мы дали следующее определение понятию «секьюритизация»: «Это процесс признания факта существования угрозы (потенциальной или реальной), в настоящем и прошлом, наделения ее дополнительной значимостью (вплоть до закрепления в общественном сознании в статусе «экзистенциальной»), превращения ее в предмет внимания государственной политики (выработка, ресурсное обеспечение, реализация комплекса мер, направленных на предотвращение и противодействие угрозе)» [15, с. 121].

Какие конкретно политические процессы и тенденции мы имеем в виду?

Во-первых, в государствах осуществляется индоктринирование секьюритистской модели исторической политики и политики памяти.

Так, в принятой 18 марта 2019 г. Концепции информационной безопасности Республики Беларусь содержится глава 12 «Сохранение традиционных устоев и ценностей», в которой подчеркнута необходимость сохранения «сформированных в общественном сознании традиционных фундаментальных ценностей народа, выступающих в качестве одного из основных элементов обеспечения его единства и одним из условий неуклонного развития государства» [10]. Кроме того, в документе постулируется необходимость проведения *государственной исторической политики*, направленной на закрепление в Беларуси и за ее пределами *белорусской национальной концепции истори-*

¹ Об устойчивом тренде перевода национально-государственной идентичности, исторических нарративов и исторической политики в плоскость рисков и угроз для национальной и международной безопасности пишут в своих работах и другие российские исследователи — О. Гайдаев, Д. Ефременко, А. Миллер, Я. Севастьянова, М. Тамбовцева, Л. Фадеева, Д. Эйвазов и др.

ческого прошлого страны и белорусской модели памяти.

В России сходные отсылы с июня 2020 года содержит Конституция РФ, поправка к которой принята всенародным голосованием. В принятой 2 июля 2021 г. Стратегии национальной безопасности Российской Федерации защита исторической памяти, наряду с обороной страны, государственной и общественной безопасностью, информационной безопасностью, стратегической стабильностью, определена в числе *стратегических национальных приоритетов*. В документе отмечено, что решение этой задачи обеспечивается на путях укрепления общероссийской гражданской идентичности, защиты исторической правды, противодействия фальсификации истории, сохранения материального и нематериально культурно-исторического наследия, патриотического воспитания граждан на исторических и современных примерах, формирования государственного заказа на проведение научных исследований, создание произведений литературы и искусства, отстаивающих историческую правду [22].

Вопросам понимания и интерпретации важнейших событий и феноменов истории посвящены последние статьи Президента страны В. В. Путина. Так, в статье, приуроченной к 75-ой годовщине победы Антигитлеровской коалиции над немецким фашизмом, Президент пишет о необходимости предотвратить «новый виток международного информационного противостояния на историческом поле, которое может столкнуть между собой государства и народы» и призывает своих политических оппонентов к «спокойному, открытому, доверительному диалогу, к самокритичному, непредвзятому взгляду на общее прошлое. Такой подход позволит не повторить совершённых тогда ошибок и обеспечить мирное и благополучное развитие на долгие годы вперёд» [19]. Несмотря на примирительную риторику, в статьях Президента звучит явная тревога: пространство истории Прези-

денту России видится как поле битвы, без победы на котором и утверждения приемлемой для российского народа и российской государственности концепции истории в обозримой перспективе немыслимо и обеспечение национальной безопасности.

В Беларуси вопросы исторической политики широко дискутируются в академическом пространстве. Так, в опубликованной в общественно-политическом и научно-популярном журнале Администрации Президента Республики Беларусь — «Беларуская думка» — программной статье «К вопросу об исторической политике» (2019 г.), известные белорусские историки А. Коваленя, В. Данилович и эксперты высокого уровня из Государственного секретариата Совета Безопасности Республики Беларусь В. Арчаков и А. Баньковский отмечают, что историческая тематика приобретает исключительное значение в сфере информационно-психологического воздействия на белорусское общество извне. Наряду с анализом проделанной историческим сообществом внушительной работы, констатировалось, что «значение исторической политики как инструмента стратегии выстраивания и формирования национальной идентичности в Беларуси недооценивается» [9, с. 8]. Правота этого вывода подтвердилась уже спустя год.

Во-вторых, и в Беларуси, и в России внутреннее политическое противостояние рассматривается в контексте реалий «гибридных войн», «цветных революций», а также, по мере необходимости, — в актуализируемом историцистском наследии времен «холодной войны».

Так, летом — осенью 2020 года Беларусь, по заявлениям ее руководства, в очередной раз в своей суверенной истории была поставлена перед необходимостью парирования угроз, продуцируемых сочетанием «цветной революции», деструктивного информационно-психологического воздействия, внутренних и внешних «войн памяти» в едином механизме «гибридной войны».

Заметная роль во внешнем вмешательстве отведена исторической проблематике. В качестве примера можно привести официальную интерпретацию исторической политики соседней Польши. Для ее «белорусского вектора», с точки зрения политического руководства Беларуси, характерны: мессианский акцент на «цивилизаторскую миссию» поляков; экспансия собственных версий исторических событий времен противостояния Великого княжества Литовского и Московского государства, Речи Посполитой и России для противопоставления белорусов и русских, что абсолютно неприемлемо для нашего государства; трактовка воссоединения Западной Беларуси с БССР в 1939 году как агрессии, совершенной вследствие подписания «пакта Молотова — Риббентропа»; формирование положительного имиджа деятельности польской Армии Крайовой на территории Беларуси, замалчивание фактов ее преступных деяний; спекуляции на расхождениях идентичностей и представлений о прошлом различных групп белорусского общества и др.

Этим обусловлены и соответствующие коммеративные практики: в ноябре 2019 года президент Польши А. Дуда на церемонии перезахоронения повстанцев 1863—1864 годов в Вильнюсе назвал белорусов, наряду с поляками, литовцами, латышами и украинцами, хранителями исторического наследия Речи Посполитой, боровшимися вместе за «освобождение от московского ярма». При этом он сравнил повстанцев 1863—1864 годов с участниками антикоммунистического подполья в Польше (так называемые «проклятые солдаты»), а также в странах Балтии («лесные братья») [3]; в память «проклятых солдат» ежегодно проводятся праворадикальные мероприятия в местах компактного проживания этнических белорусов в Польше (г. Гайновка). 28 февраля 2021 г. акция в честь Р. Райса (кличка «Бурый»), руководившего карательной акцией (уничтожено несколько деревень, убито 80 белорусских крестьян) и каз-

ненного властями ПНР в 1949 г. за военные преступления, была проведена в польской частной школе в г. Бресте. Беларусь выслала из страны консула Генерального консульства Республики Польша в Бресте Е. Тимофеюка из-за участия в этом мероприятии; отмечена болезненная реакция польских историков и официальных кругов на прозвучавшее в Беларуси предложение установить дату 17 сентября (начало освободительного похода Красной Армии, в результате которого произошло воссоединение Западной Белоруссии с БССР) в качестве государственного праздника — Дня народного единства.

Своя «историческая» повестка есть и у идеологов и политтехнологов оппозиционных сил. Конфликт официальной и оппозиционной повесток в последние годы лишь углубляется, в том числе, виду того, что по некоторым исторически вопросам в белорусском обществе и ранее не было консенсуса [9, с. 8].

Например, это касается попыток оппозиции сконструировать из мифов о белорусах-коллаборационистах периода Великой Отечественной войны образы «борцов за национальные интересы белорусского народа». Так, в декабре 2020 г. в мемориале «Яма» (территория Минского еврейского гетто, место массовой расправы нацистов с мирными жителями), «Белорусский Вольный хор», образовавшийся в августе 2020 г. на волне протестных акций, исполнил композицию «Магутны Божа». Этическую и историческую неоднозначность выбора музыкального сопровождения церемонии подчеркивает тот факт, что текст композиции был написан в оккупированном Минске в 1943 г. Н. Арсеньевой, сотрудничавшей с находящейся под контролем германских оккупантов «Менской газетой». Муж автора — Ф. Кушель — в 1942 г. участвовал в организации курсов по подготовке кадров для «борьбы против большевиков и саботажников» в минской школе вспомогательной полиции, в последующем был одним из созда-

телей Белорусского корпуса самообороны, а в 1943—1945 годах занимался пополнением коллаборационистских воинских частей и обеспечением их боеготовности.

В этом же ряду — дискуссии о допустимости применения в протестных акциях бело-красно-белого флага и герба «Погоня», широко использовавшихся в период оккупации на территории Генерального комиссариата «Беларусь», в том числе — в деятельности коллаборационистской Белорусской центральной рады и созданного нацистскими оккупантами «Союза белорусской молодёжи». Отдельные «лидеры общественного мнения» (например, Andrei Yeliseyeu) договорились до того, что рассматривают запрет бело-красно-белого флага как «воплощение внутренней оккупации», «забыв» с какой оккупацией на самом деле этот флаг связан.

Обращает на себя внимание стремление оппозиции на фоне протестных событий и действий правоохранительных органов по их локализации летом — осенью 2020 г. выработать некий *нарратив «травмы коллективной памяти»*. Активное его продвижение осуществляется путем конструирования нового дискурсивного пространства в контексте дихотомии «свой-чужой» (Н. Емельянова, 2020), переформатирования в этих целях уже существующих нарративов [7, с. 33].

Анализ материалов Telegram-каналов показывает, что политтехнологами протеста выбрана информационная стратегия, когда в отношении силовых структур постоянно употребляются слова-маркеры, связанные с периодом оккупации: «нацисты», «каратели», «фашисты», участники протестных акций и оппозиционные группировки именуются «партизанами», а действующая власть — «оккупационной».

На фоне имеющихся фактов неправомерных действий сотрудников силовых ведомств (применение чрезмерного насилия, другого жесткого обращения) и проецирования их на всю правоохранительную систему и политический режим в целом, помимо

прочего, в целях снижения уровня морально-психологического состояния личного состава органов системы обеспечения национальной безопасности, оппозицией созданы различные структуры и площадки, на которых реализуется ряд проектов («Международный комитет по расследованию пыток в Беларуси», «Народный Трибунал», «Инициатива ВУРОЛ», «Единая книга регистрации преступлений», программа «Рапорт», досудебное расследование литовской Генпрокуратуры по заявлению белорусского гражданина М. Хорошина и др.).

В России наблюдаются сходные процессы и тенденции. Официальная власть маркирует представителей оппозиции как агентов внешнего влияния, адептов «цветных революций», раскачивающих лодку политической и социальной стабильности. В этой связи в официальном дискурсе предлагается воспринимать армию, Национальную гвардию в качестве «былинных богатырей», стоящих на защите конституционного порядка от «печенегов и половцев»: «Армия, ВПК, люди в погонах (воинское сословие) просто не может не выполнять функцию социального стержня, который в условиях складывающихся на современном этапе угроз должен гарантировать нам воспроизводство всего социального целого нашей страны: государства, общества, человека, культуры и традиций. Современная армия, способная сопротивляться гибридным войнам и защитить наш социум от такого типа войны, — это армия с идеологией патриотизма и служения Отечеству» [11]. В свою очередь, российские оппозиционеры, как и белорусские, клеймят силовые структуры, не только используя отсылы к фашизму и нацизму, но и проводя параллели между нынешним ФСБ и КГБ периода «большого сталинского террора».

Это противостояние не только деструктивно само по себе, но и несет в себе риски, связанные в том числе с эффектами «отложенных» («фантомных» болей), и вступает в противоречие с артикулируемым запросом

социума и самой власти на общественную консолидацию. Тогда как версии, образы и символы противостоящих «исторических памятей», напротив, лишь усиливают дезинтеграцию.

В-третьих, на этом фоне в обществах идет активный поиск интегрирующей национальной идеи, основывающейся на относительно едином для всех сил российского и белорусского обществ целостного понимания истории.

В Беларуси в целях консолидации общества, противодействия существующим вызовам и угрозам, наряду с другими мерами, начата работа над проектом новой Конституции Республики Беларусь и обновлением принятой в 2010 году Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (далее — Концепция). В числе уже прозвучавших новелл и предложений для Концепции — отражение ведущей роли государства, способного обеспечить защищенность всех аспектов жизни человека и общества; констатация приоритетного обеспечения информационной безопасности как основной «болевого точки» в общей системе национальной безопасности; корректировка статуса нейтрального государства; необходимость продолжения курса военного и военно-технического сотрудничества с Российской Федерацией, другими странами ОДКБ и др. [6].

Кроме того, представляется необходимым иметь в новой Концепции положения об укреплении в обществе чувства патриотизма, готовности к защите национальных интересов Республики Беларусь, а также о необходимости защищенности духовной сферы общества от внутренних и внешних угроз, в числе которых — утрата значительной частью граждан традиционных нравственных ценностей и ориентиров, попытки разрушения национальных духовно-нравственных традиций и необъективного пересмотра истории.

С учетом поляризации и дисбалансов, существующих в белорусском обществе, видимо, целесообразно повысить статус одного

из основных национальных интересов в политической сфере — «достижение сбалансированности политических интересов граждан, общественных объединений и государства, общественного консенсуса по ключевым вопросам развития Республики Беларусь» — до *стратегического национального интереса*.

Исходя из вполне, на наш взгляд, обоснованного предположения о дальнейшем нарастании угроз и вызовов в духовной сфере, возможно, имеет смысл выделить в тексте Концепции в качестве самостоятельного вида *безопасность в области духовной жизни* (как вариант — безопасность в гуманитарной сфере). Тем более, что понятие гуманитарной безопасности уже содержится в тексте упомянутой выше Концепции информационной безопасности Республики Беларусь (ст. 48). Пока же в действующем документе связка «интересы — угрозы — источники угроз» в этой сфере распределены между политической сферой, социальной и косвенным образом — военной [6;10].

Наконец, в новой редакции Концепции на уровне целевой установки обеспечения гуманитарной (духовной) безопасности следовало бы закрепить понятие *исторического суверенитета Республики Беларусь* — верховенство и независимость государственной власти при формировании и реализации исторической политики.

Концептуальная институционализация и дальнейшее укрепление исторического суверенитета Республики Беларусь на фоне реальных вызовов и угроз белорусской идентичности и государственности являются, по нашему мнению, абсолютной необходимостью. Это — многоплановая деятельность, касающаяся не только членов исторического сообщества страны, но и затрагивающая интересы всех государственных институтов, в том числе и органов системы обеспечения национальной безопасности.

При этом важно подчеркнуть, что исторический суверенитет невозможно укреп-

лять лишь призывами и лозунгами. Нуждается в дальнейшем теоретическом развитии и практической реализации уже получивший нормативный статус концепт «белорусская модель памяти». Возможно, имеет смысл, по аналогии с Концепцией информационной безопасности Республики Беларусь, понятие «государственная историческая политика» оформить концептуально, конкретизировав ее цели, задачи и принципы реализации, сформировав в этих целях отечественные научные, аналитические и медийные дискуссионные площадки. Безусловно, назрела необходимость внесения коррективов в существующую модель идеологической работы, предусмотрев конкретные меры по повышению проактивности основных ее субъектов, более активное использование современных информационно-коммуникативных форматов, позволяющих успешно формировать историческое мировоззрение и установки граждан.

В этой связи заслуживают внимания подходы, закрепленные в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации — базовом документе по планированию развития системы обеспечения национальной безопасности РФ. Здесь:

- закреплено в качестве одного из национальных интересов на долгосрочную перспективу сохранение и развитие культуры, традиционных духовно-нравственных ценностей;
- определено значение понятия общероссийской идентичности народов Российской Федерации, основой которой является исторически сложившаяся система единых духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, а также самобытные культуры многонационального народа РФ как неотъемлемая часть российской культуры;
- сформулирован перечень традиционных российских духовно-нравственных ценностей (приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд,

служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины);

- к угрозам национальной безопасности в области культуры, помимо прочих, отнесены попытки фальсификации российской и мировой истории [22].

Следует отметить, что в последнее время в России предприняты ряд шагов, свидетельствующих о развитии нового этапа российской исторической политики. В их числе:

- перевод во властный дискурс концепта «исторический суверенитет» (ноябрь 2019 г., помощник Президента Российской Федерации В. Мединский), тогда как ранее это понятие разрабатывалось преимущественно учеными-историками (публикации Г. Герасимова, А. Карпова и др.);
- 27 марта т. г. Минпросвещения России одобрило учебник по истории под редакцией В. Мединского [14]. Позже к теме учебников обратился Президент Российской Федерации В. Путин: «Открываю некоторые учебники школьные — с удивлением смотрю, что там написано. Как будто не про нас. Кто пишет, кто пропускает такие учебные пособия?» [20].
- внесение предложения разработать российскую государственную историческую политику — «понятный короткий документ», позволяющий гражданам лучше понимать, что «война за историю, адресованная к нашему населению, ведется с очень меркантильными и практическими целями» (30 марта т. г., «круглый стол в Совете Федерации Федерального Собрания РФ» [12];
- 30 июля 2021 г. Президент Российской Федерации В. Путин, похоже, решив, что история сегодня политически слишком важна, чтобы оставлять ее на откуп лишь профессиональным историкам, образовал Межведомственную комиссию по историческому просвещению. В ее состав включены представители широкого перечня ведомств и организаций,

в том числе — «силового блока» (Совета Безопасности, Генеральной прокуратуры, Следственного комитета, Министерства обороны, Министерства внутренних дел, Министерства юстиции, Службы внешней разведки, Федеральной службы безопасности). В числе ключевых задач указанной комиссии: координация органов власти и профессионального сообщества для выработки единых подходов к историческому образованию и просвещению, а также предупреждению фальсификации истории; анализ деятельности иностранных государств, структур и лиц, которые наносят ущерб национальным интересам РФ в исторической сфере, принятие соответствующих мер по противодействию; подготовка предложений по информационному обеспечению контрпропагандистских мероприятий и проведению историко-культурных просветительских акций [23].

• Директор Службы внешней разведки С. Нарышкин в качестве председателя Российского исторического общества прилагает усилия к развитию системы высшего исторического образования. В частности, уже с 2023 года распределение бюджетных мест на исторические специальности будет осуществляться с учетом мнения профессионального исторического сообщества. По его мнению, историческое образование должно быть нацелено на развитие аналитических навыков, наработку опыта критического осмысления информации. «Со временем многие понятия меняют свое значение, а социальные институты приобретают прежде не свойственные им функции. Профессиональный историк способен фиксировать эти изменения, умеет отличать главное от второстепенного, видит движущие силы исторического процесса. С годами у него развивается особая интуиция, способность определять во множестве на первый взгляд случайных событий невидимые глазу закономерности. Такие компетенции нельзя свести к набору прикладных умений. Это особое мировоззрение, уникальная оптика мышления, востребованная в самых ответственных сферах человеческой деятельности» [16].

• насыщение публичного провластного дискурса новыми историцистскими концептами, в основе которых — наличие векового, продолженного в настоящем и ориентированного в будущее западного заговора против России и ее государственных институтов: «Западная русофобия не вчера возникла. У нее очень долгая история. Нашу страну пытались очернить еще многие столетия назад. Взять хотя бы Ивана Грозного, которого на Западе почему-то называют Ужасным. «Черная легенда» о нем как о жестоком тиране начала входить в оборот еще при жизни царя с подачи западных хронистов, желавших отвлечь внимание европейцев от того, что творилось в их странах. Не нравилось им, что русский царь не признает их политическое и моральное лидерство. Потому что даже в те далекие времена Москва внимательно следила на Запад и видела, что там творится. <...> Здесь можно усмотреть явную аналогию с нынешними временами, когда в США и Евросоюзе всеми доступными средствами подавляют инакомыслие и ограничивают в гражданских правах тех, кто не готов поддерживать так называемые западные ценности, но при этом главной угрозой свободе и терпимости продолжают изображать нашу страну. Русофобские практики остаются одними и теми же что сегодня, что сотни лет назад» [4].

С учетом изложенного выше необходимо подчеркнуть, что реализацию интеграционных проектов и программ Республики Беларусь и Российской Федерации в формате Союзного государства трудно представить без *общего гуманитарного пространства*. Фундаментальными его основами являются *общее историческое прошлое и культурные традиции народов двух государств*.

Социальная значимость вопросов исторической памяти как инструмента формирования национальной идентичности, защищенности гуманитарной сферы и духовно-нравственных ценностей общества, патриотического воспитания граждан на основе

уважения исторического прошлого актуализируется перманентными рисками. Как недавно заявил по этому поводу пресс-секретарь Президента России Д. Песков, «мы и по отдельности — Беларусь и Россия, и вместе являемся постоянной целью и объектами нападок со стороны других стран. Нам просто нужно привыкнуть жить в состоянии внешней угрозы, состоянии, когда внешняя окружающая среда агрессивна, враждебна и недружелюбна» [17]. При этом он подчеркнул, что «уязвимость или Москвы, или Минска усиливает опасность для второй страны» [17].

Отмеченное предъявляет соответствующие требования к исторической политике, проводимой в формате Союзного государства. Полагаем, что здесь есть проблемы, на которые целесообразно обратить внимание:

- в союзном медиа-пространстве (публикации в СМИ и социальных сетях, кино-видео-продукция и т.п.) нередки примеры необъективного освещения исторических фактов, распространения неполной, недостоверной и искаженной исторической информации [2];

- работа союзных интеграционных структур с представителями исторического сегмента экспертных сообществ Беларуси и России пока не стала системной и эффективной, а оказываемая им поддержка в проведении исторических исследований (грантовое стимулирование, предоставление возможности публикаций, проведение «круглых столов» и т.п.), по признанию самих историков, носит недостаточный характер;

- слабо просматривается роль союзных органов и СМИ в формировании «повестки дня» по исторической проблематике, оперативном реагировании на «исторические претензии» со стороны оппонентов, подготовке оперативных комментариев и т.п.;

- недооценивается критическая значимость временного фактора и современных технологий, вследствие чего процессы формирования исторической памяти и патрио-

тизма запаздывают на фоне быстро меняющихся условий жизнедеятельности и социально-психологических качеств современных подростков и молодежи;

- отсутствует специализирующаяся на проблемах исторической политики общественно-экспертной структура под патронажем Постоянного Комитета Союзного государства или Парламентского Собрания Союза Беларуси и России.

Интеграционным структурам Союзного государства следовало бы разработать комплекс мер по интенсификации научных исследований исторической памяти, регулярному обмену мнениями историков Беларуси и России. Востребованным в этом плане проектом могла бы стать разработка онлайн-лекций по истории двух стран. Необходимо вернуться к теме единого историко-культурного стандарта Союзного государства (предложение Д. Фомина-Нилова и В. Даниловича), для обсуждения и выработки которого видится целесообразным проведение научных конференций и «круглых столов» с участием историков и педагогов двух стран.

Необходимо также подумать над расширением диапазона специальностей и формировании профессиональных компетенций специалистов гуманитарного и исторического профиля, которые могли бы быть востребованы также и в сфере национальной безопасности и информационно-психологического противоборства.

В конечном итоге один из наиболее четко выраженных и позитивных интеграционных факторов — общее историческое прошлое и связанные с ним исторические традиции народов двух стран — должен быть в полной мере задействован в механизме формирования общественной поддержки интеграции в рамках Союзного государства.

В сущности, именно это и предполагает теория секьюритизации, настаивающая на том, что управленческие решения не следует принимать в отрыве от социума, а стремление политического руководства к определению

того или иного явления как угрозы или ключевого интереса безопасности должно сопровождаться устойчивыми оценками, разделяемыми большинством общества.

Библиографический список

1. **Апрыщенко В.** Память как безопасность // Новое прошлое. The new past. 2016. № 3. С. 86—108.
2. В российско-белорусском информационном пространстве очевиден дефицит позитива — Петришенко [Электронный ресурс] // БЕЛТА. URL: <https://www.belta.by/culture/view/v-rossijsko-beloruskom-informatsionnom-prostranstve-ochen-viden-defitsit-pozitiva-petrishenko-237659-2017/>. (дата обращения: 10.12.2020).
3. **Валаханович И.** Историческая политика: тренды уходящего года [Электронный ресурс] / Белорусский институт стратегических исследований. URL: <https://bisr.gov.by/mneniya/istoricheskaya-politika-trendy-ukhodyaschego-goda/>. (дата обращения: 13.02.2021).
4. Верим делам, а не словам. Николай Патрушев — о перспективах диалога с США (интервью Н. Патрушева, Секретаря Совета Безопасности изданию «Аргументы и факты») [Электронный ресурс] // Аргументы и факты: официальный сайт / АиФ. URL: https://aif.ru/politics/world/verim_delam_a_ne_slovam_nikolay_patrushev_o_perspektivah_dialoga_s_ssha (дата обращения: 21.07.2021).
5. **Гайдаев О.** Теория секьюритизации, или Хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. №. 1. С. 20—32.
6. Доклад Президента Беларуси на VI Всебелорусском народном собрании 11 февраля 2021 г. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/events/shestoe-vsebeloruskoe-narodnoe-sobranie/>. (дата обращения: 13.02.2021).
7. **Емельянова Н.** Политика памяти и травмы коллективной памяти в условиях секьюритизации // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 30—34.
8. **Касьянов Г.** К десятилетию Украинского института национальной памяти (2006—2016) [Электронный ресурс] // Historians. Исторический интернет-портал. URL: <http://www.historians.in.ua/index.php/en/dyskusiya/1755-georgiy-kas-yanov-k-desyatiletiju-ukrainskogo-instituta-natsional-noj-pamyati-2006-2016>. (дата обращения: 01.04.2021).
9. **Коваленя А., Арчаков В., Данилович В., Баньковский А.** К вопросу об исторической политике // Беларуская думка. 2019. № 8. С. 3—11.
10. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: утверждена Указом Президента Республики Беларусь от 09.11.2010 г. № 575 (в ред. Указа Президента Республики Беларусь от 24.01.2014 № 49) // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр»; Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск. 2019.
11. **Куликов Д., Родькин П.** Армия у России есть. Что дальше? Боеспособность вооруженных сил — условие суверенитета государства [Электронный ресурс] // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/ideas/2016-03-11/5_army.html (дата обращения: 21.07.2021).
12. Мединский предложил создать документ по государственной исторической политике России [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11028607>. (дата обращения: 02.04.2021).
13. **Миллер А.** Россия: Власть и история // Pro et Contra 2009. № 3—4. С. 6—23.
14. Минпросвещения одобрило учебник по истории под редакцией Мединского [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11011435/> (дата обращения: 28.03.2021).
15. **Мушта А.А., Растимешина Т.В.** Историческая политика в контексте трансформаций концепций национальной безопасности Беларуси и России: теоретические основания // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2021. № 2 (30). С. 120—129.
16. **Нарышкин С.Е.** Кого учит история. Высшее историческое образование в современных условиях: проблемы и перспективы (2 августа 2021 г.) [Электронный ресурс] // Российская

газета. Федеральный выпуск № 172(8523). URL: <https://rg.ru/2021/08/01/naryshkin-celiu-istoricheskoy-nauki-iavliaetsia-poisk-pervoprichin-socialnyh-iaavljenij.html> (дата обращения: 29.08. 2021).

17. Песков: Уязвимость или Москвы, или Минска усиливает опасность для второй страны [Электронный ресурс] // TUT.BY. URL: <https://news.tut.by/economics/727575.html?c>. (дата обращения: 21.04.2021).

18. Постановление Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 «О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь» [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь: официальный интернет-портал. URL: <http://president.gov.by/uploads/documents/2019/1post.pdf>. (дата обращения: 10.02.2021).

19. Путин В. В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим [Электронный ресурс] // Президент РФ: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63527> (дата обращения: 21.07.2021).

20. Путина удивило содержание российских учебников истории [Электронный ресурс] // LENTA.RU. URL: <https://lenta.ru/news/2021/04/21/history/> (дата обращения: 21.04.2021).

21. **Тамбовцева М.** Теоретический подход Копенгагенской школы к обеспечению международной безопасности: основные положения теории секьюритизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2017. № 9 (83). С. 185—187.

22. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 13.08.2021).

23. Указ Президента Российской Федерации от 30.07.2021 г. № 442 «О Межведомственной комиссии по историческому просвещению» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107300042?index=3&rangeSize=1> (дата обращения: 28.08.2021).

Postupila 13.09.2021

Мушта Александр Александрович — кандидат философских наук, доцент, ведущий специалист Информационно-аналитического управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь (220007, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Московская, 17).

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политических наук, профессор кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1), rast-v2012@yandex.ru

References

1. Apryshhenko V. Pamjat' kak bezopasnost' // Novoe proshloe. The new past. 2016. № 3. S. 86—108.
2. V rossijsko-belorusskom informacionnom prostranstve ocheviden deficit pozitiva — Petrishenko [Jelektronnyj resurs] // BELTA. URL: <https://www.belta.by/culture/view/v-rossijsko-belorusskom-informatsionnom-prostranstve-ocheviden-defitsit-pozitiva-petrishenko-237659-2017/>. (data obrashhenija: 10.12.2020).
3. Valahanovich I. Istoricheskaja politika: trendy uhodjashhego goda [Jelektronnyj resurs] /Belorusskij institut strategicheskikh issledovanij. URL: <https://bistr.gov.by/mneniya/istoricheskaya-politika-trendy-ukhodyaschego-goda/>. (data obrashhenija: 13.02.2021).
4. Verim delam, a ne slovam. Nikolaj Patrushev — o perspektivah dialoga s SShA (interv'ju N. Patrusheva, Sekretarja Soveta Bezopasnosti izdaniju «Argumenty i fakty») [Jelektronnyj resurs] // Argumenty i fakty: oficial'nyj sajt / AiF. URL: https://aif.ru/politics/world/verim_delam_a_ne_slovam_nikolay_patrushev_o_perspektivah_dialoga_s_ssha (data obrashhenija: 21.07.2021).
5. Gajdaev O. Teorija sek'juritizacii, ili Horosho zabytoe staroe: k voprosu o teoretiko-filosofskih istokah i zarozhdenii teorii // Vestnik RUDN. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija. 2021. T. 21. №. 1. S. 20—32.

6. Doklad Prezidenta Belarusi na VI Vsebelorusskom narodnom sobranii 11 fevralja 2021 g. [Elektronnyj resurs] // Oficial'nyj internet-portal Prezidenta Respubliki Belarus'. URL: <https://president.gov.by/ru/events/shestoe-vsebelorusskoe-narodnoe-sobranie/>. (data obrashhenija: 13.02.2021).
7. Emel'janova N. Politika pamjati i travmy kolektivnoj pamjati v uslovijah sek'jurizacii // Voprosy filosofii. 2020. № 7. S. 30—34.
8. Kas'janov G. K desjatiletiju Ukrainskogo instituta nacional'noj pamjati (2006—2016) [Elektronnyj resurs] // Historians. Istoricheskij internet-portal. URL: <http://www.historians.in.ua/index.php/en/dyskusiya/1755-georgij-kas-yanov-k-desjatiletiyu-ukrainskogo-instituta-natsional-noj-pamyati-2006-2016>. (data obrashhenija: 01.04.2021).
9. Kovalenja A., Archakov V., Danilovich V., Ban'kovskij A. K voprosu ob istoricheskoy politike // Belaruskaja dumka. 2019. № 8. S. 3—11.
10. Konceptcija nacional'noj bezopasnosti Respubliki Belarus': utverzhdena Ukazom Prezidenta Respubliki Belarus' ot 09.11.2010 g. № 575 (v red. Ukaza Prezidenta Respubliki Belarus' ot 24.01.2014 № 49) // Konsul'tantPljus: Belarus'. Tehnologija 3000 [Elektronnyj resurs] / OOO «JurSpektr»; Nac. Centr pravovoj inform. Resp. Belarus'. Minsk. 2019.
11. Kulikov D., Rod'kin P. Armija u Rossii est'. Chto dal'she? Boesposobnost' vooruzhennyh sil — uslovie suvereniteta gosudarstva [Elektronnyj resurs] // Nezavisimaja gazeta. URL: https://www.ng.ru/ideas/2016-03-11/5_army.html (data obrashhenija: 21.07.2021).
12. Medinskij predlozhit sozdat' dokument po gosudarstvennoj istoricheskoy politike Rossii [Elektronnyj resurs] // TASS. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11028607>. (data obrashhenija: 02.04.2021).
13. Miller A. Rossija: Vlast' i istorija // Pro et Contra 2009. № 3—4. S. 6—23.
14. Minprosveshhenija odobriło uchebnik po istorii pod redakciej Medinskogo [Elektronnyj resurs] // TASS. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11011435> (data obrashhenija: 28.03.2021).
15. Mushta A.A., Rastimeshina T.V. Istoricheskaja politika v kontekste transformacij koncepcij nacional'noj bezopasnosti Belarusi i Rossii: teoreticheskie osnovanija // Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovanija. 2021. № 2 (30). S. 120—129.
16. Naryshkin S.E. Kogo uchit istorija. Vyshee istoricheskoe obrazovanie v sovremennyh uslovijah: problemy i perspektivy (2 avgusta 2021 g.) [Elektronnyj resurs] // Rossijskaja gazeta. Federal'nyj vypusk № 172(8523). URL: <https://rg.ru/2021/08/01/naryshkin-celiu-istoricheskoy-nauki-iavliaetsia-poisk-pervoprichin-socialnyh-iavlenij.html> (data obrashhenija: 29.08.2021).
17. Peskov: Ujazvimost' ili Moskvyy, ili Minska usilivaet opasnost' dlja vtoroj strany [Elektronnyj resurs] // TUT.BY. URL: <https://news.tut.by/economics/727575.html?c>. (data obrashhenija: 21.04.2021).
18. Postanovlenie Soveta Bezopasnosti Respubliki Belarus' ot 18 marta 2019 g. № 1 «O Konceptcii informacionnoj bezopasnosti Respubliki Belarus'» [Elektronnyj resurs] // Prezident Respubliki Belarus': oficial'nyj internet-portal. URL: <http://president.gov.by/uploads/documents/2019/1post.pdf>. (data obrashhenija: 10.02.2021).
19. Putin V.V. 75 let Velikoj Pobedy: obshhaja otvetstvennost' pered istoriej i budushhim [Elektronnyj resurs] // Prezident RF: oficial'nyj sajt. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63527> (data obrashhenija: 21.07.2021).
20. Putina udivilo sodержanie rossijskih uchebnikov istorii [Elektronnyj resurs] // LENTA.RU. URL: <https://lenta.ru/news/2021/04/21/history/> (data obrashhenija: 21.04.2021).
21. Tambovceva M. Teoreticheskij podhod Koppengagenskoj shkoly k obespecheniju mezhdunarodnoj bezopasnosti: osnovnye položenija teorii sek'jurizacii // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota. 2017. № 9 (83). С. 185—187.
22. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02.07.2021 g. № 400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs] // Prezident Rossii: oficial'nyj sajt. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (data obrashhenija: 13.08.2021).
23. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 30.07.2021 g. № 442 «O Mezhvedomstvennoj komissii po istoricheskomu prosveshheniju» [Elektronnyj

resurs] // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii.

URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107300042?index=3&rangeSize=1>
(data obrashhenija: 28.08.2021).

Submitted 13.09.2021

Mushta Alexander Alexandrovich, PhD in Philosophy, Associate Professor, Leading Specialist of the Information and Analytical Management of the Academy of Management under the President of the Republic of Belarus (220007, Republic of Belarus, Minsk, st. Moskovskaya, 17).

Rastimeshina T.V., Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of Philosophy, Sociology and Political Science of National Research University of Electronic Technology (MIET) (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokina Square, 1), rastv2012@yandex.ru

Идеология национализма и спорт

Д.А. Огородов

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

ogorodovd@mail.ru

Спорт рассматривается как коллективная практика, участие в которой в любом качестве (как спортсмена, тренера или болельщика) способствует формированию и укреплению социокультурной и политической идентичности. Проанализирован период объединения немецкой нации: классическая гимнастика в XIX веке была ответом на запрос общества на национальную идентичность, и занятия гимнастикой стали объединяющей нации-формирующей социальной практикой. Показано, что в 30—40-е годы XX века спорт стал одной из технологий построения, утверждения и распространения идеологии немецкого национал-социализма.

Ключевые слова: спорт, идеология, коллективная практика, идентичность, политическая технология, национализм.

The ideology of nationalism and sports

D.A. Ogorodov

National research University «MIET»

ogorodovd@mail.ru

Sport is considered as a collective practice, participation in which in any capacity (as an athlete, coach or fan) contributes to the formation and strengthening of socio-cultural and political identity. The period of unification of the German nation is analyzed: classical gymnastics in the XIX century was a response to the society's request for national identity and gymnastics classes became a unifying nation-forming social practice. It is shown that in the 30—40s of the twentieth century, sports became one of the technologies for building, approving and spreading the ideology of German national socialism.

Keywords: sport, ideology, collective practice, identity, political technology, nationalism.

Спорт — это самостоятельное и имеющее длительные традиции явление культуры. Развиваясь, спорт тесно соотносился с другими явлениями и сферами современной ему цивилизации: с экономикой, политикой,

этикой, эстетикой, ценностями и жизненными ориентирами людей и социальных общностей. Соответственно, спорт отражает и воплощает в себе ключевые особенности культуры и цивилизации, «дух общества»

соответствующей эпохи. Базовой атрибуцией, которая составляет основу спорта античности и современности как социокультурного феномена, является агональность.

В Древнем мире спорт являлся элементом синкретичной культуры и был сопряжен с производительным трудом, религиозными ритуалами, политическими технологиями, публичными социальными практиками, военной подготовкой, танцами и всей системой образования, представляя собой сложнейшее самостоятельное явление культуры и общественной жизни. В эпоху античности спорт был особенно тесным образом связан с религиозными ритуалами и военной подготовкой.

Современный спорт — это активность людей, связанная с участием в физических соревнованиях, носящих исключительно игровой (не утилитарный) характер и регулируемая относительно устойчивыми признанными спортивным сообществом всеобщими правилами. Это определение фиксирует наличие атрибуций современного спорта и его отличие от спорта классической традиции.

Одной из глобальных тенденций развития современного спорта является его деполитизация, отделение спортивных практик от политических. Однако спорт был и по-прежнему остается деятельностью, тесно связанной с производством и трансляцией идеологических конструктов.

Спорт и коллективная идентичность. Еще в Античности древние Олимпийские игры не только приносили славу и участникам и обеспечивали им социальный статус в своих полисах, но и приносили имиджевые, экономические и прочие преимущества политикам и городам-государствам, которых они представляли: «Те, кто обладал политической властью или хотел приобрести ее для себя или своих семей, находили удобным находиться рядом с успешными спортсменами, чтобы использовать ауру престижа для собственной выгоды» [9, с. 132]. Это суждение можно отнести не только к политикам, но и

ко всем гражданам полисов, представленных на Играх: Игры и представления вызывали всплеск патриотических настроений и гордость за сограждан; гражданские сообщества полисов отождествляли себя со своими гражданами, соревнующимися и особенно победившими атлетами. Соревнования также способствовали формированию более широкой — эллинистической — социокультурной и политической идентичности, поскольку Игры способствовали сохранению, укреплению и трансляции тех религиозных, образовательных и культурных практик, ценностей и традиций, которые отделяли греков от варваров [9, с. 132]. Мужественность, сила, ловкость, красота телесности, пропорциональность, физическая гармония, — все эти эстетические ценности Древнего олимпизма повлияли на формирование сознания и политического мировоззрения Людвига Фридриха Яна (создателя знаменитой немецкой гимнастики и одного из основоположников идеи пангерманизма, Адольфа Гитлера и Бенито Муссолини, а в широком смысле — некоторые из этих ценностей легли в основу современных националистических идеологий).

Международный олимпийский комитет декларирует аполитичность современных Олимпийских игр. Однако в содержании олимпийской агональности сегодня патриотизм, боль (болевание) и гордость за нацию и отечество преобладают в общественном отношении к международным соревнованиям и нередко затмевают идею «О спорт, ты мир». То есть несмотря на транслируемую во многих статьях и заявлениях главного идеолога и основателя современных Олимпийских Игр П. де Кубертена доктрину, что Игры способствуют дружбе между нациями и народами, нельзя не признать и правоты Дэвида Б. Канина, который утверждает, что современная Олимпийская система создана и существует в рамках современной политической системы и модели геополитического разделения мира. Трудно не увидеть правоту

Д. Б. Канина в суждении, что личная воля и решимость барона Пьера де Кубертена в распространении олимпийских идеалов связаны во многом с его убежденностью в том, что национальный дух французского народа после поражения Франции во франко-прусской войне (1870—1871) можно укрепить за счет внедрения спортивных и спортивных программ, основанных на британской модели коллективных спортивных игр [5, с. 9—10]. Действительно: «Де Кубертен искал лекарство от физического и морального упадка нации на игровых площадках Итона и в стремлении к занятиям мужественными видами спорта, которые он признавал отличительной чертой образовательных программ британских государственных школ и которые, по его мнению, был ключом к величию британской нации» [4, с. 37].

Де Кубертен рассматривал спорт как средство укрепления международного взаимопонимания и положил начало международному олимпийскому движению, в рамках которого, по как он мечтал, были бы установлены дружественные отношения между нациями в других областях, таких как политика, культура, образование [9, с. 139]. Однако несмотря на искренность надежд и исполненные гуманизма намерения, де Кубертен способствовал еще большей политизации спорта: «Сами заявления МОК об интернационализме, морали и независимости от политики толкают его прямо в сферу политики; решения о включении национальных флагов и гимнов в церемонии награждения победителей и конкурентная борьба команд с национальной государственной символикой способствуют политизации и проявлениям национализма во время Игр» [9, с. 139]. Современные Олимпийские игры стали еще одной кухней, на которой политики выпекают блюда, начиненные государственной идеологией [1, с. 31].

Признавая это обстоятельство, тем не менее было бы неверно возлагать всю ответственность за политизацию и идеологиза-

цию спорта исключительно на отцов-основателей современного олимпизма. Авторитарные режимы (нацисты в Германии, фашисты в Италии, коммунисты в СССР) уже в 1930-е годы начали использовать спорт в качестве средства распространения своей идеологии и как инструмент пропаганды преимуществ политических режимов [9, с. 39].

Какие же особенности спорта этому способствуют? Джеймс Х. Фрей и Д. Стэнли Эйтцен пишут: «Никакая другая деятельность так парадоксально не сочетает в себе серьезное с легкомысленным, игривость со страстью, а идеологическое с рациональным» [3, с. 504]. Действительно, спорт — это не больше, чем просто игра, спорт не обладает никакой самостоятельной утилитарной значимостью. Безусловно, профессиональный спорт может обеспечить спортсмену высокую степень самореализации и гордости, слава, богатство, социальный статус. Но болельщики и поклонники спортивных команд нередко более страстно относятся к спорту, чем сами атлеты. Возможно, потенциал идеологизации спорта заключается в эмоциональной насыщенности спортивных состязаний, которые никого не оставляют равнодушными и вызывают бурю индивидуальных эмоций и коллективные эмоциональные аффекты.

Как это можно объяснить?

Роберт Чалдини пытается ответить на этот вопрос в книге «Влияние: психология убеждения», приводя рассказ о ветеране Второй мировой войны. Вскоре после войны солдат совсем перестал говорить; согласно медицинскому обследованию, его немота не имела никаких физических причин — никаких ран или повреждений мозга. Ветеран имел нормальную психику и был помещен в госпиталь для ветеранов, где он прожил тридцать лет среди совершенно психически нормальных людей, но не произнося ни слова. Однажды в палате, в которой находился ветеран, по радио транслировался футбольный матч, в котором играла команда

из его родного города. Когда судья назначил пенальти в ворота команды, за которую болел ветеран, он вскочил и закричал: «Ты тупой осел! Ты собираешься отдать им очко?!» Затем он молча сел и больше никогда не заговорил [2, с. 195—196]. Чалдини формулирует два теоретических вывода. Во-первых, аффект от игры и желание победы своей команды «вырвало» ветерана из привычного для его психики социального отчуждения, и способность вызвать такую бурю эмоций — специфическая особенность именно спорта. Во-вторых, спортивное боление носит глубоко личный характер: болельщики идентифицируют себя со своей командой, сопереживают победам и проигрышам, ощущая их как свои собственные, лично значимые победы и поражения.

В спортивном болении важно также отождествление себя и «своих»: «При прочих равных условиях вы болеете за свой пол, свою культуру, свою местность... и вы хотите доказать, что вы лучше других. Тот, за кого вы болеете, представляет вас; и когда он побеждает, побеждаете и Вы» [2, с. 196—198]. В этом мире безликих «чужих» у людей есть желание — потребность — найти «своих» и испытать торжество победы над прочими чужими. Победа для «своей» команды — это один из способов для болельщика доказать свое превосходство — по крайней мере, в своем собственном сознании. Когда команда побеждает, это событие является и личной удачей и торжеством духа болельщика, который выбрал именно эту команду как «свою» (если она не является своей объективно, по расовому, национальному или территориальному признаку). Чалдини справедливо заключает: «Если мы сможем окружить себя успехом, с которым мы связаны даже поверхностным образом... наш общественный престиж повышается» [2, с. 198]. Точно так же, как древние греки, в настоящее время люди также пытаются ассоциировать себя с победившими спортсменами. Если согласиться с Чалдини, можно предположить, что спорт

и спортивное боление позволяют людям присвоить себе успех «своих», воспринимать этот успех как свой собственный, тем самым повышая и свое настроение, и свою самооценку. Это могло бы объяснить, что люди радуются спортивным победам даже тогда, когда переживают сложный жизненный период.

Вместе с тем когда команда проигрывает, люди склонны ментально отделять себя от команды и проигрыша. Чалдини описывает эксперимент, в ходе которого исследователи подсчитали количество предметов клубной одежды команды колледжа, которые носили студенты колледжа в кампусе после футбольных матчей. Результаты эксперимента показали, что когда команда выигрывала, клубной, маркированной одежды было больше, чем в день после поражения. Таким образом, сознательно или подсознательно люди варьируют видимостью своих связей со спортсменами и командами, пытаясь использовать эту связь для улучшения собственного имиджа [2, с. 199—200].

В силу этих специфических свойств, спорт стал одной из технологий построения, утверждения и распространения идеологии немецкого национал-социализма.

Нациестроительство германской нации, идеология национализма и спорт. Здесь в наших рассуждениях важно сделать отступление, связанное с историей немецкого национального спорта и физкультуры. Классическая немецкая гимнастика не является спортом, но именно гимнастика, физкультура проникла в германскую образовательную систему, а физвоспитание граждан стало важным направлением политики немецкой Германии и области физкультуры и спорта. Более того, к началу XX века гимнастика стала важным элементом немецкой национальной культуры и самобытности, поскольку именно гимнастика формировала и транслировала такие ценности этой новой для Европы культуры и идеологии, как физическая красота, сила, ловкость, мускулиность, владение

телом. В конце XVIII — начале XIX века «тело» будущей немецкой нации только начинало оформляться, и гимнастика Л. Яна была естественным ответом на запрос нации на идентичность и единство в этой идентичности. Она была воспринята складывавшимся в условиях романтического восприятия идей национализма национальным самосознанием как нечто совершенно органичное ее природе. Идейные предпосылки для такого восприятия можно найти в мировоззрении представителей немецкой романтической философии, в частности в философии Ф. Шиллера, согласно идеям которого, красота — вечный абсолют, стремление к которому доступно всем людям и выявляет в каждом члене общества способность к самосовершенствованию. В этом отношении гимнастика стала для немецкого народа путем к совершенству, по которому человека и нацию движет стремление к идеалу телесности. Красота и сила телесности также «отсылали» дух нации к ценностям античности, делали немцев полномочными правопреемниками эллинов и ромеев. В начале XIX века гимнастика преимущественно рассматривалась как средство, с помощью которого можно достичь этого идеала. Но в 1811 году Ян основал немецкое гимнастическое движение не только для оформления духа нации; его представления о нациестроительстве были уже менее романтичны и в большей степени политизированы: Ян провозгласил, что гимнастика формирует любовь к Отечеству [8, с. 128], он также индоктринировал для занятий гимнастикой конкретную и утилитарную цель «подготовки борцов за освобождение Германии» [8, с. 28]. Сторонники и последователи Яна обнаружили, что гимнастическое движение обладает определенным потенциалом не только в качестве технологии и инструмента формирования «национальных черт характера» и выражения национального самосознания, но и метода подготовки бойцов к тому, чтобы оформлять и отстаивать национальную идеологию. Поэтому в контексте формиро-

вавшейся с XVIII века идеологии немецкого нацизма к началу XX века эти идеи фактически оформились в своего рода надличностную, общественную и национальную ценность, а занятия гимнастикой — в национальную традицию и объединяющую общество социальную практику, имеющую не только романтическое, но и политическое содержание.

В период после Первой Мировой войны Германия и немецкая нация переживали один из самых трудных периодов в их истории: экономическая депрессия, бедность, голод, безработица, унижение о поражения в войне, — все это определяло атмосферу отчаяния, царившую в обществе. В этой атмосфере образовалась своего рода питательная среда для окончательного оформления идеологии нацизма. Национал-социалисты в качестве основных политических целей своей партии провозгласили «объединение всех немцев в Германской империи, очищение немецкой крови [и] предоставлению большего жизненного пространства... для немецкого народа, особенно на Востоке» Негерманские народы и их культуры должны были быть очищены, если арийская раса должна была создать высшую культуру. Эти идеи приобрели широкое распространение и определенную популярность еще до того, как нацисты пришли к власти. Когда нацисты пришли к власти, Физическая подготовка усилилась, и успехи в спорте превратились в средство, с помощью которого можно было продемонстрировать превосходство арийской расы и Германии перед миром [6, с. 69].

Для утверждения нацистской идеологии использовались, помимо прочего, спортивные практики, причем нацистская пропаганда и государственное администрирование в области физкультуры и спорта смогли «перекодировать» немецкий спорт, то есть заместить в его идеологическом содержании и целеполагании национал-романтизм агрессивным национализмом. Вскоре после прихода

нацистов к власти спорт перестал быть технологией нацистроительства, превратившись в технологию национального самоутверждения и инструмент легитимации расового доминирования, необходимость которого провозгласили нацисты. После прихода нацистов к власти все спортивные клубы и организации быстро перешли сначала под контроль, затем в прямое управление государством и, в конечном счете, нацистской партийной организации [6, с. 86]. Членство в спортивных клубах и участие в спортивных соревнованиях было добровольным проведением досуга среднего немца, а стало обязанностью государственного служащего и члена партии [6, с. 67—89]. Коммунистические спортивные организации были упразднены, и все спортивные федерации должны были иметь нацистов в качестве президентов [6, с. 69—70]. В области физкультуры и спорта нацисты проводили жесткую кадровую политику: все евреи были лишены права быть членами клубов и федераций; многие беспартийные или политически не лояльные учителя физкультуры в школах и тренеры спортивных команд были уволены с работы. Член нацистской партии и президент Немецкой организации физкультурников Карл Круммель был назначен ответственным за физическое воспитание в немецких школах: благодаря его деятельности спортивное воспитание было возведено в ранг не менее важного для государства направления образовательной политики, чем интеллектуальное образование [7, с. 84, 86]. Вместе с тем одним из эффектов идеологизации спорта стало повышение престижа и социального статуса тех учителей физкультуры, спортивных тренеров и спортсменов, которые остались в новой системе физического воспитания или были в нее рекрутированы. Новые тренеры нанимались на высокооплачиваемые и престижные штатные должности; спортсменам, в основном работающим в вооруженных силах или военизированных организациях, предоставлялся ряд

льгот и максимальное (как правило, оплачиваемое по специальному тарифу) время для тренировок. Система спортивных клубов фактически слилась с системой молодежных огосударственных военизированных добровольных организаций: в Гитлерюгенд и Бунд Дойчер Мадель мальчики и девочки проходили спортивную и военную подготовку, а также идеологическую обработку (посредством изучения текстов нацистских лидеров, газетных публикаций, разучивания и исполнения песен и маршей и других коллективных практик). [6, с. 71—72].

В международных спортивных соревнованиях и Олимпийских играх 1936 года Гитлер и руководство нацистской партии видели возможность продемонстрировать миру свое расовое превосходство. Начиная с 1932 года спортсмены команды Германии ежегодно принимали участие не менее чем в 30 международных спортивных соревновательных мероприятиях. Отчасти это стремление к международной презентации немецкого спорта и его достижений следует рассматривать как попытку руководства НСДРП и Германского государства преодолеть культурную изоляцию, в которой оказалась Германия после начала внутривнутриполитического расистского террора [7, с. 87]. Однако и спортсменам, и тренерам нацистские пропагандисты внушали необходимость презентации в ходе спортивных сражений новой мотивации для агональности: немецкий спортсмен должен был демонстрировать не самого себя как личность и атлета, а воплощенной в его теле, в его спортивных возможностях и соревновательном духе расовое превосходство; спортсмены должны были чувствовать себя полномочными представителями всех спортсменов Германии и арийской расы и обязаны были соревноваться не с другими спортсменами и командами, а с другими нациями и расами.

Согласно замыслу А. Гитлера и нацистской пропаганды, Берлинская Олимпиада 1936 года должна была стать самой грандиозной

демонстрацией духа и мощи немецкой нации и германского государства. В определенных отношениях, эта цель была достигнута: Берлинская Олимпиада стала самым успешным и грандиозным массовым спортивным мероприятием и одновременно зрелищным шоу своего времени. Количество зрителей и участников Берлинских Игр составляло более трех миллионов человек, что более чем в три раза превосходило рекорд, установленный играми в Лос-Анджелесе. Зрители и участники Олимпийских Игр, в том числе представители демократических государств, остались под сильным впечатлением от Олимпиады как массового мероприятия [7, с. 87—88]. Спортивные команды Германии принимали участие в международных спортивных соревнованиях даже после начала Второй Мировой войны. Фактически до 1942 года спорт оставался одним из политических технологий воспроизводства и трансляции нацистской идеологии, средством пропаганды расового превосходства арийской расы, трансляции на международной арене милитаристских идей. По сути, спортсмены Третьего Рейха выполняли особую миссию «солдат в спортивных костюмах» [7, с. 92—93], сражающихся за отечество на идеологическом фронте.

Библиографический список

1. Buckel Bart A. Nationalism, mass politics, and sport cold war case. Monterey, California: Naval Postgraduate School, 2008. 128 p.
2. Cialdini R. B. Influence: The Psychology of Persuasion. New York: Quill, William Morrow, 1993. 320 p.
3. Eitzen D. S., Frey J. H. Sport and Society // Annual Review of Sociology. 1991. № 17. P. 503—522.
4. Hugill W. M. Olympics Old and New // Phoenix. 1949. Vol. 3, P. 31—39.
5. Kanin D. B. A Political History of the Olympic Games. Boulder, CO: Westview Press, 1981. XIV, 161 p.
6. Kruger A. Strength through joy // The International Politics of Sport in the 20th Century / Eds.: A. Kruger, J. Riordan. London and New York: E & FN Spon, 1999. R. 67—89.
7. Kruger A. The role of sport in German international politics, 1918-1945 // Sport and International Politics / Eds.: P. Arnaud, J. Riordan. London and New York: E & FN Spon, 1998. P. 79—96.
8. Mosse G. L. The Nationalization of the Masses. New York: Howard Fertig, 1975. XIV, 252 p.
9. Strenk A. What Price Victory? The World of International Sports and Politics // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 1979. Vol. 445, P. 128—140.

Поступила 10.09.2021

Огородов Дмитрий Александрович — руководитель Молодежного инновационного центра НРУ Национального исследовательского университета электронной техники (МИЭТ) (124498, Россия, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, Москва), ogorodovd@mail.ru

References

1. Buckel Bart A. Nationalism, mass politics, and sport cold war case. Monterey, California: Naval Postgraduate School, 2008. 128 r.
2. Cialdini R. B. Influence: The Psychology of Persuasion. New York: Quill, William Morrow, 1993. 320 r.
3. Eitzen D. S., Frey J. H. Sport and Society // Annual Review of Sociology. 1991. № 17. R. 503—522.
4. Hugill W. M. Olympics Old and New // Phoenix. 1949. Vol. 3, R. 31—39.
5. Kanin D. B. A Political History of the Olympic Games. Boulder, CO: Westview Press, 1981. XIV, 161 p.
6. Kruger A. Strength through joy // The International Politics of Sport in the 20th Century / Eds.: A. Kruger, J. Riordan. London and New York: E & FN Spon, 1999. R. 67—89.
7. Kruger A. The role of sport in German international politics, 1918-1945 // Sport and International Politics / Eds.: P. Arnaud, J. Riordan. London and New York: E & FN Spon, 1998. R. 79—96.

8. Mosse G. L. The Nationalization of the Masses. New York: Howard Fertig, 1975. XIV, 252 r.

9. Strenk A. What Price Victory? The World of International Sports and Politics // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 1979. Vol. 445, R. 128—140.

Submitted 10.09.2021

Ogorodov Dmitry A., Head of the Youth Innovation Center NRU National Research University of Electronic Technology (MIET) (1, Shokina sq., Zelenograd, Moscow, 124498, Russia), *ogorodovd@mail.ru*

Международный бизнес-проект и компетентностный профиль команды управления проектом (часть 2)

С.П. Олейник, Л.И. Матына

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

0111959sp@mail.ru

Определены потенциальные участники трансграничного ресурсного обмена, как субъектный состав международного проекта. Проведена типизация трансграничных потоков благ. Показаны изменения в содержании процессов управления и в составе компетенций, связанные с переходом проекта в категорию «международный». Сделан вывод, что компетентностный профиль команды управления проектом должен отражать сбалансированность компетенций в трех составляющих единого процесса управления — проектном менеджменте, создании продукта и поддерживающих (обеспечивающих) процессах.

Ключевые слова: проектный менеджмент, команда управления проектом, трансграничный ресурсный обмен, международный проект, компетентностный профиль.

International business project and competence profile of the project management team (part 2)

S.P. Oleynik, L.I. Matyna

National Research University MIET

0111959sp@mail.ru

Potential participants in cross-border resource exchange have been identified as representatives of the subject composition of the international project. The typification of cross-border flows of goods has been carried out. Changes in the content of management processes associated with the transition of the project to the «international» category are shown. The list of competencies required to manage projects in this category is provided. It is concluded that the competence profile of the project management team should reflect the balance of competencies in the three components of a single management process — project management processes, product creation processes and supporting (supporting) processes.

Keywords: project management, project management team, cross-border resource exchange, international project, competence profile.

Теория права опирается на такие базовые междисциплинарные понятия, как «отношения», «права», «обязанности», «субъекты» и др. Обоснование целесообразности и правомочности определения понятия «международный проект» с позиций теории права, проведенное в части 1 нашего исследования [1], носит основополагающий характер, оставляя вне поля зрения второстепенные признаки — различия в языке, менталитете, обычаях делового оборота, часовых поясах и др. Таким образом, критерием отнесения проекта к категории «международный» служит интернациональный состав его участников из числа хозяйствующих субъектов. Интернационализация состава участников проекта ведет к возникновению между ними отношений, определяемых как внешнеэкономические, которые, в свою очередь, обуславливают специфику управления международным проектом. Причиной привлечения в проект иностранных участников выступает потребность в трансграничном обмене благами. На рисунке показаны участники международного проекта, выступающие сторонами трансграничного ресурсного обмена, и типы связываю-

щих их потоков благ, перемещаемых через таможенную границу.

Удовлетворение потребности в трансграничном обмене в большей или меньшей степени затрагивает все аспекты проектной деятельности, а именно:

- в состав иерархической структуры работ проекта входят операции, связанные с производством благ иностранными субподрядчиками и/или с трансграничным обменом;

- календарный план проекта содержит ресурс времени, необходимого для оформления отношений с иностранными партнерами, выполнения производственных операций иностранными партнерами или операций закупки у иностранных партнеров, совершение операций внешнеторговой и трансграничной логистики;

- ряд проектных ограничений расширен в сторону учета императивных регуляторных факторов из области внешнеторгового права;

в плане проекта выделены дополнительные контрольные точки (вехи), связанные со значимыми событиями международного обмена полезностями, например: заключение

Потоки благ и участники ресурсного обмена в международном проекте

внешнеторгового контракта, оплата поставки, пересечение товаром таможенной границы, завершение процедуры таможенного оформления и др.;

— проектная деятельность включает выявление внешнеторговых, валютных и таможенных рисков, их оценку и разработку мер реагирования;

— в резерв бюджета проекта заложены ресурсы для покрытия расходов, связанных с присутствием в проекте иностранных участников, например: транзакционные издержки, оплата внешнеторговых контрактов, урегулирование финансовых обязательств перед государством в связи с перемещением товаров через таможенную границу и др.

Отличительная особенность предметной области международного проекта такова: по крайней мере часть работ не являются результатом свободного выбора руководителей проекта, а предписаны нормами системы государственного регулирования внешнеторговой деятельности (ВТД) и подконтрольны ей. Нормы носят императивный характер, связаны с дополнительным расходованием временных и финансовых ресурсов; Неисполнение норм или ненадлежащее исполнение влечет за собой правовую ответствен-

ность. К данным нормам относятся: таможенное оформление перемещаемых через таможенную границу товаров, уплата таможенных платежей, соблюдение мер нетарифного регулирования и т. п. Особо следует подчеркнуть, что правовые нормы системы госрегулирования ВТД не ограничены обязательством включения предписываемых ими действий (операций, процедур) в иерархическую структуру работ проекта. Практически все такие работы регламентируются по срокам и месту совершения, объему обязательств и их исполнителям, что, естественно, находит отражение в календарном, ресурсном, финансовом планах проекта и иных параметрах, обуславливает квалификационный состав команды, распределение задач и ответственности.

Изменения, привносимые в проект при переходе его в категорию международного, суммированы в таблице. Функциональные области проекта расположены в порядке убывания субъективно оцениваемой степени влияния на них фактора *международности*. Очевидно, что для управления проектом с таким набором специфических задач необходимы специалисты, имеющие не только теоретические знания, но и практические навыки работы в сфере внешнеторгового сотрудничества.

Изменение содержания процесса управления проектом и состава компетенций при переходе проекта в категорию «международный»

Функциональная область управления проектом	Состав изменений в управлении проектом	Состав компетенций
Поставки	Планирование внешнеторговых поставок. Выбор иностранных контрагентов. Заключение и администрирование внешнеторговых контрактов. Управление трансграничными потоками благ	Разработка схем внешнеторговых сделок. Составление внешнеторгового контракта. Выявление наличия запретов и ограничений на ввоз/вывоз товаров. Таможенное оформление товаров. Ведение переговоров

Функциональная область управления проектом	Состав изменений в управлении проектом	Состав компетенций
Затраты	Транзакционные издержки международных контактов. Стоимость внешнеторговых контрактов. Таможенные платежи. Стоимость услуг внешнеторговой и таможенной инфраструктуры	Осуществление международных платежей в условиях валютных ограничений. Определение таможенной стоимости товаров. Умение пользоваться таможенным тарифом. Расчет таможенных платежей. Навык пользования системой тарифных преференций
Риски	Выявление и оценка внешне-торговых и таможенных рисков. Реагирование на внешнеторговые и таможенные риски	Управление внешнеторговыми и таможенными рисками
Сроки	Согласование с иностранными контрагентами сроков выполнения работ и (или) осуществления поставок. Сроки таможенного оформления и контроля	Навыки в области трансграничной логистики. Опыт взаимоотношений с таможенными органами
Персонал	Потребность в наличии специалистов в области управления внешнеторговыми процессами	Опыт в области управления трансграничными потоками полезностей
Коммуникации	Информационный обмен с иностранными партнерами и регулятором внешнеторговой сферы	Владение деловыми коммуникациями, в том числе на иностранном языке
Содержание	Виды работ, условий и ограничений, связанные с внешнеторговыми отношениями	Разработка концепции проекта, проведение проектного анализа и управление изменениями с учетом факторов внешнеторговой сферы
Качество	Согласование требований к качеству продукции с иностранным контрагентом. Обеспечение сохранения качества продукции в процессе трансграничной доставки	Знание требований национальной системы технического контроля. Опыт приемки ввозимых товаров по качеству
Взаимодействие с заинтересованными сторонами	Определение состава иностранных организаций — участников проекта и выявление степени их заинтересованности и вовлеченности	Владение деловыми коммуникациями, в том числе на иностранном языке. Умение оценить возможности иностранных участников проекта

Квалификационный профиль членов команды проекта должен включать в себя умения и навыки, соответствующие следующим областям знания:

- организация внешнеторговой деятельности компании;
- международное торговое право;
- внешнеторговые сделки;
- государственное регулирование ВТД;
- система таможенно-тарифного регулирования;
- общая система тарифных преференций;
- запреты и ограничения во внешней торговле;
- таможенное регулирование и контроль;
- налогообложение внешнеторговых операций;
- трансграничная логистика;
- управление внешнеторговыми рисками.

Указанные области знания образуют динамичную среду, демонстрирующую как долгосрочные изменения, обусловленные современными тенденциями в мировой торговле, так и краткосрочные акции, которые мотивируются оперативно складывающимися ситуациями на внутренних рынках стран — участников проекта [2 — 11]. По этой причине не фрагментарное поверхностное освоение перечисленных предметных областей знания, а глубокие и систематически обновляемые компетенции необходимы для успешной реализации международных проектов. Это требование прежде всего относится к руководящему составу международного проекта, от опыта которого зависит: профессионализм принимаемых решений, качество организации внешнеторговых операций и таможенных процедур, адекватность в подборе исполнителей, а также контрагентов, эффективность диалога с контролирующими органами. Недостаточная осведомленность в перечисленных сферах деятельности, отсутствие требуемого прилежания

в достижении цели или, того хуже, пренебрежение профессиональными задачами чревато негативными последствиями, которые в условиях ограниченного бюджета и установленного лимита времени ставят под угрозу реализацию проекта или, как минимум, могут исключить основания его успешности.

Таким образом, объектом исследования выступили наиболее сложные проекты — международные. В результате анализа выявлен их классификационный признак, дано определение международного проекта, показано изменение содержания процессов управления, обусловленное переходом проекта в категорию «международный», и приведен перечень компетенций, необходимых для управления проектами данной категории. Подтверждаем, что компетентностный подход к управлению проектами остается неизменно востребованным, поскольку успех проекта напрямую зависит от того, сколь глубоко объект управления понимает команда проекта, и в первую очередь — команда управления проектом. Чтобы удовлетворять данному условию, компетентностный профиль команды управления проектом должен отражать сбалансированность компетенций в трех составляющих единого процесса управления — проектом менеджменте, создании продукта и поддерживающих (обеспечивающих) процессах¹.

Библиографический список

1. **Олейник С.П., Матына Л.И.** Международный бизнес-проект и компетентностный профиль команды управления проектом (часть 1) // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2021. № 2(30). М.: МИЭТ. С. 37—46.
2. **Marette S.** Non-Tariff Measures When Alternative Regulatory Tools Can Be Chosen // Journal of Agricultural & Food Industrial Organization, 2016.

¹ См. рисунок в: [1].

Vol. 14, № 1. P. 1—17.; URL: <https://doi.org/10.1515/jafio-2015-0009> (access date 10.06.2021).

3. Ing L.Y., Cadot O., Walz J. Transparency in non-tariff measures: An international comparison // *The World Economy*, 2018. Vol. 41, № 3. P. 884—912.; URL: <https://doi.org/10.1111/twec.12552> (access date 10.06.2021).

4. Cadot O., Gourdon J. Non-tariff measures, preferential trade agreements, and prices: new evidence // *Review of World Economics*, 2016. Vol. 152, № 2. P. 227—249.; URL: <https://doi.org/10.1007/s10290-015-0242-9> (access date 10.06.2021).

5. Dossymbekova M. [et al.] Legal aspects of customs activity in the framework of the EAEC / M. Dossymbekova, A.F. Suleimanov, K. Baizhanova, G.S. Kaliyeva, M.O. Mukazhanova // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2016, Vol. 7, № 6. P. 1346—1361.

6. Azhimetov Y. Customs duty as the basic customs payment: Features of legal regulation // *Life Science Journal*, 2014. Vol. 11, № 7. P. 259—263.

7. Issabekov N., Suchecki A.M. Analysis of the EU Anti-dumping Policy in Terms of the Revealed Comparative Advantages // *Comparative Economic Research. Central and Eastern Europe*, 2016. Vol. 19, № 5. P. 43—61.; Access mode: <https://doi.org/10.1515/cer-2016-0037> (access date 10.06.2021).

8. Liu X., Shi H. Anti-dumping duty circumvention through trade rerouting: Evidence from Chinese exporters // *The World Economy*, 2019. Vol. 42, № 5. P. 1427—1466.; URL: <https://doi.org/10.1111/twec.12747> (access date 10.06.2021).

9. Harun M.B. [et al.] A case study of custom regulatory process towards ASEAN integration / M.B. Harun, W.M.B.W. Abdullah, M.N.B. Johan // *International Business Management*, 2016. Vol. 10, № 17. P. 3747—3761.

10. Galvín M.Á.C. The new regulation of the EU tariff preferences for developing countries for the period 2014-2023: Towards a system of preferences «non-generalized» // *Revista de Derecho Comunitario Europeo*, 2013. Vol. 45, № 17. P. 833—856.

11. Flento D., Ponte S. Least-Developed Countries in a World of Global Value Chains: Are WTO Trade Negotiations Helping? // *World Development*, 2017. Vol. 94, № 1. P. 366—374.; URL:

<https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2017.01.020> (access date 10.06.2021).

Поступила 11.06.2021

Олейник Сергей Павлович — кандидат физико-математических наук, доцент, зав. кафедрой «Маркетинг и управление проектами» НИУ МИЭТ (124498 Москва Зеленоград пл. Шокина, д.1), 0111959sp@mail.ru

Матына Лариса Ивановна — кандидат технических наук, доцент, доцент Института перспективных материалов и технологий НИУ МИЭТ, (124498 Москва Зеленоград пл. Шокина, д.1), 0111959sp@mail.ru

References

1. Olejnik S.P., Matyna L.I. Mezhdunarodnyj biznes-proekt i kompetentnostnyj profil' komandy upravlenija proektom (chast' 1) [] // *Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovanija*. 2021. № 2(30). M.: MIJeT. S. 37—46.

2. Marette S. Non-Tariff Measures When Alternative Regulatory Tools Can Be Chosen // *Journal of Agricultural & Food Industrial Organization*, 2016. Vol. 14, № 1. P. 1—17.; URL: <https://doi.org/10.1515/jafio-2015-0009> (access date 10.06.2021).

3. Ing L.Y., Cadot O., Walz J. Transparency in non-tariff measures: An international comparison // *The World Economy*, 2018. Vol. 41, № 3. P. 884—912.; URL: <https://doi.org/10.1111/twec.12552> (access date 10.06.2021).

4. Cadot O., Gourdon J. Non-tariff measures, preferential trade agreements, and prices: new evidence // *Review of World Economics*, 2016. Vol. 152, № 2. P. 227—249.; URL: <https://doi.org/10.1007/s10290-015-0242-9> (access date 10.06.2021).

5. Dossymbekova M. [et al.] Legal aspects of customs activity in the framework of the EAEC / M. Dossymbekova, A.F. Suleimanov, K. Baizhanova, G.S. Kaliyeva, M.O. Mukazhanova // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2016, Vol. 7, № 6. P. 1346—1361.

6. Azhimetov Y. Customs duty as the basic customs payment: Features of legal regulation // *Life Science Journal*, 2014. Vol. 11, № 7. P. 259—263.

7. Issabekov N., Suchecki A.M. Analysis of the EU Anti-dumping Policy in Terms of the Revealed Comparative Advantages // Comparative Economic Research. Central and Eastern Europe, 2016. Vol. 19, № 5. P. 43—61.; Access mode: <https://doi.org/10.1515/cer-2016-0037> (access date 10.06.2021).

8. Liu X., Shi H. Anti-dumping duty circumvention through trade rerouting: Evidence from Chinese exporters // The World Economy, 2019. Vol. 42, № 5. P. 1427—1466.; URL: <https://doi.org/10.1111/twec.12747> (access date 10.06.2021).

9. Harun M.B. [et al.] A case study of custom regulatory process towards ASEAN integration / M.B. Harun, W.M.B.W. Abdullah, M.N.B. Johan // International Business Management, 2016. Vol. 10, № 17. P. 3747—3761.

10. Galvín M.Á.C. The new regulation of the EU tariff preferences for developing countries for the period 2014-2023: Towards a system of preferences «non-generalized» // Revista de Derecho Comunitario Europeo, 2013. Vol. 45, № 17. P. 833—856.

11. Flento D., Ponte S. Least-Developed Countries in a World of Global Value Chains: Are WTO Trade Negotiations Helping? // World Development, 2017. Vol. 94, № 1. P. 366—374.; URL: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2017.01.020> (access date 10.06.2021).

Submitted 11.06.2021

Oleinik Sergey Pavlovich, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Head Department of Marketing and Project Management, National Research University of Electronic Technology (124498 Moscow Zelenograd sq. Shokina, 1), 0111959sp@mail.ru

Latyna Larisa Ivanovna, Candidate of Technical Sciences, Assistant Professor, Associate Professor at the Institute for Advanced Materials and Technologies, National Research University of Electronic Technology (124498 Moscow Zelenograd sq. Shokina, 1), 0111959sp@mail.ru

Институциональная проблематика в зеркале социальной философии. Обзор современных исследований¹

Н.Н. Равочкин, В.Н. Бобриков, В.П. Щенников, Д.В. Рахинский

*Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева,
г. Кемерово, Россия*

Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, г. Кемерово, Россия

nickravochkin@mail.ru

Социально-философский анализ рассматривается как метод познания социальных практик. Авторы используют контент-анализ публикаций 2020 г., применяют качественный подход к обобщению дефиниций метода социально-философского анализа в современных исследованиях. Направления исследований классифицируются по сферам жизнедеятельности социума и уточняется методологическое значение социально-философского анализа институтов, функционирующих как культурные явления. В завершение авторы констатируют недостаток теоретико-методологического базиса для философского осмысления институциональных проблем, для изучения глобальных, универсальных процессов, закономерностей развития современных социальных институтов.

Ключевые слова: социальный институт, социальная философия, процедура исследования, социальная практика, социально-философский анализ, контент-анализ, культурное явление, современная наука, методология, дефиниция метода, объем публикации, структура статьи.

Institutional issues in the mirror of social philosophy. A review of current research

N.N. Ravochkin, V.N. Bobrikov, V.P. Shchennikov, D.V. Rakhinsky

T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo, Russia

nickravochkin@mail.ru

Socio-philosophical analysis is considered as a method of cognition of social practices. The authors use a content analysis of publications, apply a qualitative approach to the generalization of

¹ Новое исследование дополняет главу 1 коллективной монографии: Равочкин Н.Н. Общая характеристика и состояние институциональных исследований в философских науках // Социально-философские исследования институтов: специфика и проблематика: коллективная монография / Н.Н. Равочкин, В.Н. Бобриков, В.П. Щенников, О.Ф. Морозова, Д.В. Рахинский, А.Н. Городищева, С.П. Штумпф. Ульяновск: Зебра, 2020. 104 с.

definitions of the method of socio-philosophical analysis in modern research. Directions of research are classified according to the spheres of social life, the functions of institutions as cultural phenomena, the methodological significance of socio-philosophical analysis of these phenomena is specified. In conclusion, the authors note the lack of a theoretical and methodological basis for the philosophical comprehension of institutional problems, for the study of global, universal processes, the regularities of the development of modern social institutions.

Keywords: social institution, social philosophy, research procedure, social practice, socio-philosophical analysis, content analysis, cultural phenomenon, modern science, methodology, method definition, publication volume, article structure.

Определение социального института не может быть дано исключительно посредством логического выделения институциональных оснований и функциональной составляющей, для глубокого понимания института, его роли и значения в развитии общества и государства требуется более широкий, социально-философский анализ. Важно добавить, что на необходимость применения социально-философского анализа в процедуре исследования социальных институтов неоднократно указывали отечественные и зарубежные ученые, прежде всего В. С. Барулин [2, 3, 4], Н. П. Гуляева [7], F. Guala [21] и др. Но, к сожалению, и сегодня исследованием социальных институтов занимаются преимущественно юристы, экономисты и социологи, а не философы. Принимая во внимание этот факт, можно сказать, что проблема социально-философского осмысления, исследования социальных институтов давно назрела. Соответственно, формируется неравновесие: с одной стороны, осознается необходимость применения социально-философского анализа к изучению социальных институтов, с другой — недостаточно работ, в которых социальные институты рассматриваются в логике социальной философии. Поэтому ставим целью выявить особенности, преимущества применения социально-философского анализа к изучению социальных институтов, а также показать практику и логику современных исследований, базирующихся на методологии социальной философии.

Социально-философский анализ как метод познания наиболее распространен в философских науках. Прежде всего хотелось бы остановиться на изучении теоретических подходов, составляющих основу данного метода исследования, на понимании его цели, объекта, ограничений.

Результаты проведенных исследований позволяют сделать вывод, что социально-философский анализ представляет собой метод научного познания, в основе которого — аналитическая операция, заключающаяся в мысленном членении исследуемых социально-философских феноменов и/или процессов на компоненты с целью лучше понять особенности, функции, свойства каждого отдельного компонента, а следовательно, и феномена как целостности компонентов. К примеру, философское постижение институционализации практик в вышедшей сегодня на первый план сфере медицины подразумевает вдумчивую и отдельную аналитику особенностей деятельности и вклада в хабиутализацию каждой из участвующих в ней сторон (как минимум, это хорошо известная триада «пациент — врач — система здравоохранения», но на практике список субъектов гораздо шире), с последующим интегральным обобщением полученных результатов [19]. Это свидетельствует о том, что социально-философский анализ представляется невозможным без привлечения таких логических операций, как: сравнение, классификация, абстрагирование, анализ, синтез, индукция, дедукция, идеализация.

Объектом социально-философского анализа является «общество, как способ и результат взаимодействия людей друг с другом и с окружающим миром, постоянно изменяющаяся действительность общественной жизни в единстве и разнообразии всех отношений людей с соответствующими формами организации совместной деятельности и общими социальными интересами, сложно переплетённых случайных и закономерных причинных факторов, следствий» [5, с. 16].

Главной целью социально-философского анализа выступает «выявление сущности и наиболее общих закономерностей развития общественной жизни, исследование всеобщих отношений социальной реальности, посредством рассмотрения исторически однородной уникальности общественной жизни в качестве одной из подсистем мира, занимающей в нём своё специфическое место» [5, с. 16].

Ограничением применения метода следует считать его нацеленность на изучение социальных процессов и практик современности. Применение социально-философского анализа не предполагает обращения в прошлое, метод позволяет «раскрыть глубинные сущностные аспекты рассматриваемого феномена, не сосредоточивая внимания на конкретно-исторических деталях и особенностях» [5, с. 19].

Соответственно, в социальных процессах и практиках выявляются закономерности и механизмы их формирования, поддержания, развития.

Методы, методики, процедура исследования. Принимая во внимание значимость философских измерений феномена социального института, культурную маркированность социосферы, образованной институтами [12], а также понимание объекта, целей и ограничения социально-философского анализа, целесообразно обратиться к особенностям применения этого метода в изучении социальных институтов и рассмотреть подходы к дефиниции метода в современной отечественной

науке. Достижение поставленной цели требует применения контент-анализа как «метода сбора данных и анализа содержания текста» [10, с. 120]. Как отмечает Л. Ньюман, контент-анализ плодотворен «для проблем, предполагающих изучение больших объемов текста» [10, с. 121], что обуславливает выбор метода исследования.

Контент-анализ включает три этапа.

1. *Обоснование выборки, выявление смысловых единиц контент-анализа, манифестное кодирование.* В качестве источников исследования используем диссертационные работы, а также работы, размещенные на сайте eLIBRARY.RU — «крупнейшей в России электронной библиотеки научных публикаций, обладающей богатыми возможностями поиска и анализа научной информации. Библиотека интегрирована с Российским индексом научного цитирования (РИНЦ) — созданным по заказу Минобрнауки РФ бесплатным общедоступным инструментом измерения публикационной активности ученых и организаций» [20]. Библиотека предлагает для ознакомления более 34 млн научных публикаций. В строке поиска вводим: «социально-философский анализ», ограничения: язык — русский; хронологические рамки — 2020 год, чтобы выявить особенности применения социально-философского анализа в период современного развития социальной философии.

2. *Классификация единиц анализа.* Найденные научные издания распределяем по видовому ряду: диссертация (докторантская, кандидатская), автореферат диссертации (докторантской, кандидатской), монография, статья. Применительно к публикациям статей осуществляем анализ изданий, в которых представлены статьи, выявляем их включение в РИНЦ, Web of Science, Scopus (1), Распределяем по сферам функционирования социальных институтов, которые подвергаются анализу: институты промышленности, экономики, производства (2); институты образования и культуры; политические,

правовые институты; религиозные, обрядовые, церковные институты; институты родства (3). Распределяем публикации, учитывая взаимосвязи с культурными критериями, выявленными в теоретической части исследования, а именно: социальный институт как средство познания, категоризации мира; социальный институт как средство создания общего мира, общей социальной действительности; социальный институт как результат коммуникации; социальный институт как средство идентификации, самоидентификации (4). Далее учитываем объем публикации (5) и структуру (6).

Вместе с тем полагаем, что оптимальными для понимания особенностей применения социально-философского анализа к изучению социальных институтов являются также качественные характеристики результатов научных исследований. По мнению исследователей, «качественные методы особенно важны для понимания сложных окружающих условий, необходимых для разработки и тонкой настройки гипотез, которые вполне могут быть проверены с помощью количественных исследований» [22, с. 153; 20, с. 69].

3. *Качественный метод исследования* выбираем в рамках психолингвистики, это — обобщение дефиниций, представленных в научных работах. Метод обобщения дефиниций направлен, по словам В.Е. Виноградовой и И.А. Стернина, на получение максимально полного описания значения исследуемого слова, понятия в системе языка [6, с. 180]. Метод основывается на теоретическом *принципе дополнительности* дефиниций, представленных в разных источниках. Каждая из рассмотренных дефиниций отражает некоторые сущностные признаки значения, но наиболее полно все признаки исследуемых значений могут быть выявлены исключительно при обращении к дефинициям, представленным в разных источниках и дополняющим друг друга [15, с. 19]. Соответственно, исследование должно отвечать принципу триангуляции — «комбинирования

качественных и количественных методов, приводящего к соединению преимуществ обеих методологий» [9, с. 118].

Результаты и обсуждение. На базе eLIBRARY.RU по поисковому запросу 2020 г. найдено 42 публикации, в названии которых прямо указано обращение к социально-философскому анализу. В диссертационных исследованиях, монографиях, посвященных изучению социальных институтов, социально-философский анализ как таковой используется редко. В полной мере его представляют две главы в книгах (4,8 %), три зарубежных статьи (7,1 %), опубликованных в СНГ (Белоруссия), и 28 статей (66,7 %) в изданиях, которые входят в перечень ВАК и публикуют результаты диссертационных исследований. Следовательно, тематика привлекает внимание будущих кандидатов и докторов наук. В то же время в Scopus, Web of Science индексируются лишь три статьи из 42 найденных (7,1 %), что позволяет сделать вывод, что отечественная философская наука продолжает развиваться изолированно от мировой.

Помимо единичных публикаций, анализ позволяет выявить конкретные издания, ориентированные на публикацию исследований социальных институтов с использованием социально-философского анализа.

1. «Экономические и гуманитарные исследования регионов» — шесть статей (14,3 % от общего числа публикаций 2020 г.).

2. «Евразийский юридический журнал» — три статьи (7,1 %).

3. «Гуманитарные и социальные науки» — две статьи (4,8 %).

4. «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» — две статьи (4,8 %).

5. «Общество: философия, история, культура» — две статьи (4,8 %).

6. «Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология» — две статьи (4,8 %).

Издания входят в перечень ВАК. Более того, Вестник Томского государственного

университета индексируется Web of Science. Очевидно, что проблематика применения социально-философского анализа в исследовании социальных институтов представляет собой актуальное, перспективное направление в современной философии. Вместе с тем практически полностью отсутствует

цитирование, что может объясняться неизученностью данной области исследований.

На следующем этапе распределяем направления исследований, в которых осуществляется социально-философский анализ, по сферам функционирования изучаемых социальных институтов (см. табл.).

Экономическая сфера
1. Социально-философский анализ социальных подсистем экономической сферы общества 2. Социально-философский анализ экологической информации 3. Экономическая жизнь общества в контексте социально-философского анализа 4. Социально-философский анализ понятия культуры как основания для исследования основных типов организационной целостности 5. Концепт «позднего капитализма»: социально-философский анализ 6. Программа «CDO (ChiefDataOfficer) — управление, основанное на данных», как пример подготовки кадров в области цифровой экономики: социально-философский анализ
Образование и культура
1. 'Мифы и мифотворчество: диалектика взаимоотношений сквозь призму социально-философского и культурологического анализа. 2. Музей и интернет: социально-философский анализ 3. Методологические основания социально-философского анализа сетевых структур 4. Образование как фактор региональной устойчивости в контексте глобализации: социально-философский анализ 5. Социально-философский анализ развития теорий информации 6. Культура русского мира — слагаемое духовного фактора победы в Великой отечественной войне (социально-философский анализ) 7. Системы образования в современном обществе: социально-философский анализ 8. История архивного дела Тувы: социально-философский анализ 9. О философских идеях в творчестве Ф. М. Достоевского (социально-философский анализ)
Политика, право, общественная жизнь, личность
1. Социально-философский анализ кризиса либеральной демократии 2. Социально-философский анализ исследования информационного общества 3. Историческая политика как предмет социально-философского анализа 4. Трансформации языковой сферы локальных цивилизаций в условиях глобализации (социально-философский анализ) 5. Малая война: социально-философский анализ 6. Социальная коммуникация как предмет социально-философского анализа 7. Социально-философский анализ определений и типологии явления «экстремизм» 8. Дискурс политико-правовых идей в сетевом обществе: социально-философский анализ (часть 2) 9. Взаимосвязи между политикой и правом: социально-философский анализ 10. Социально-философский анализ исторического пространства и времени 11. Биокibernетическая эволюция в концепции трансгуманизма, феномен постчеловека, социально-философский анализ 12. Дискуссионные аспекты оценки медиации: социально-философский анализ 13. Социально-философский анализ культурных отношений в системе общественного развития 14. Социально-философский анализ информационного общества: к постановке проблемы исследования

Политика, право, общественная жизнь, личность
15. Факторы устойчивого развития и дестабилизации современного социума: социально-философский анализ 16. Возможность построения универсальной модели становления и трансформации политико-правовых институтов: социально-философский анализ 17. Социально-философский анализ экзистенциальных аспектов общения 18. Социально-философский анализ легитимации власти в условиях демократизации общества 19. Социально-философский анализ этики современного этапа цивилизационного развития 20. Влияние глобализационных процессов на развитие информационного общества: социально-философский анализ 21. Влияние массовой коммуникации на построение картины мира: социально-философский анализ рисков и угроз 22. Социально-философский анализ политической власти и общества 23. Проблема интеграции людей с особенностями интеллектуального развития в социум: социально-философский анализ
Бытовая, семейная
1. Природа и факторы глобализационного кризиса: социально-философский анализ актуальных аспектов сознания 2. Развитие субъектности: детерминированность от начальных условий (социально-философский анализ) 3. Основания семьи и брака от античности до современности: социально-философский анализ 4. Социальная изоляция и самоизоляция человека: социально-философский анализ

Распределение направлений исследований по сферам жизнедеятельности социума

Согласно данным таблицы, большинство публикаций посвящено изучению функционирования социальных институтов в сфере политики, общественных систем — 23 публикации (54,8 % от общего числа), девять публикаций (21,4 %) реализуют социально-философский анализ институтов образования и культуры, шесть публикаций (14,3 %) — это исследования экономических институтов. Четыре исследования (9,5 %) направлены на изучение институтов, организующих бытовую, семейную сферу. В графическом виде полученные результаты представлены на рисунке 1.

Как видим, более половины исследований, реализующих социально-философский анализ, направлено на изучение политико-правовых институтов, выявление особенностей социального развития, что может объясняться наибольшей вариативностью, динамичностью изменений в данной сфере жизнедеятельности социума [18]. Традиционное определение

правовой системы, закона как свода правил мало отвечает сущности политико-правовой системы, не позволяет понять, как именно возникают и формируются политико-правовые институты, что актуализирует необходимость детального исследования политико-правовых практик и институтов.

В противоположность этому бытовая, повседневная сфера привлекает исследователей меньше, а применение социально-философского анализа в работах, посвященных изучению религиозных институтов, не найдено.

Важно добавить, что в большинстве приведенных работ исследуются социальные процессы современности. Вместе с тем отдельные работы направлены на выявление исторических аспектов формирования, становления, развития тех или иных социальных институтов, в результате чего нарушается сама логика социально-философского анализа, нацеленного исключительно на современность, не предполагающего детального анализа исторических факторов, закономерностей.

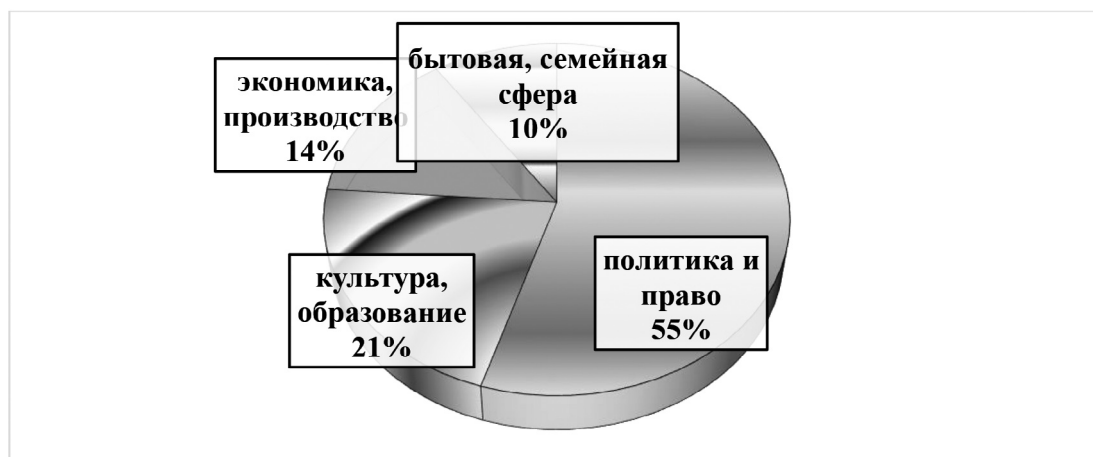

Рис. 1. Доля исследований социальных институтов в сферах жизнедеятельности социума, по данным eLIBRARY.RU, 2020 г.

Достаточно часто ученые приводят исторические факты и сведения, например: «в 2010-х гг. англоязычные и немецкоязычные музеи активно осваивали интернет-площадки, тем самым создавая благоприятные условия для возникновения новых социокультурных связей» [11, С. 91]. Принимая во внимание нацеленность социально-философского анализа на текущие процессы, можно считать подобные отсылки не вполне оправданными.

Полагаясь на выявленные особенности философских дефиниций социальных ин-

ститутов, а именно на тесную взаимосвязь институтов с культурой, представляется целесообразным проанализировать соответствие исследований следующим критериям: 1) социальный институт как средство познания, категоризации мира; 2) социальный институт как средство создания общего мира, общей социальной действительности; 3) социальный институт как результат коммуникации; 4) социальный институт как средство идентификации, самоидентификации. В графическом виде полученные данные представлены на рисунке 2.

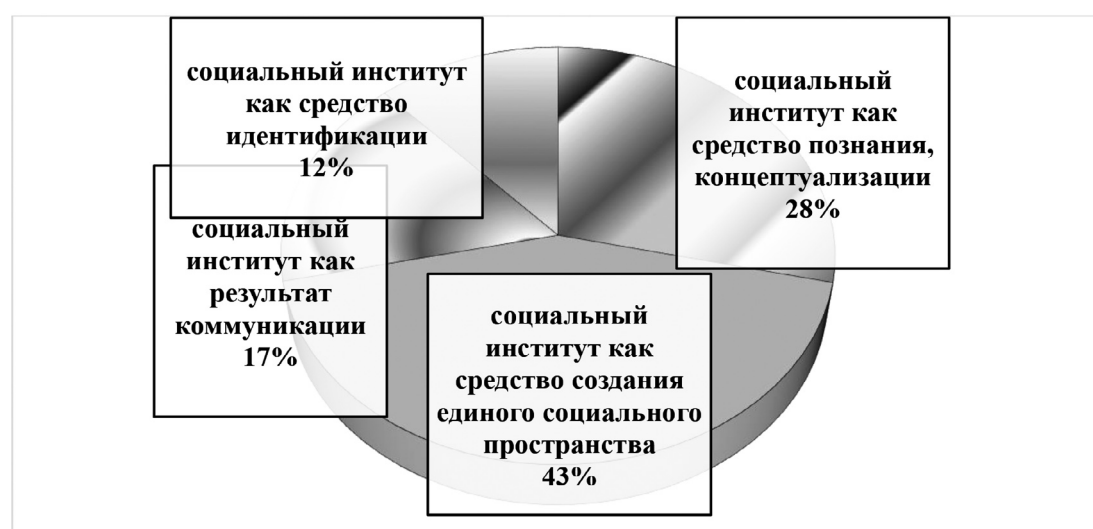

Рис. 2. Доля публикаций, рассматривающих социальные институты как культурные явления, по данным eLIBRARY.RU, 2020 г.

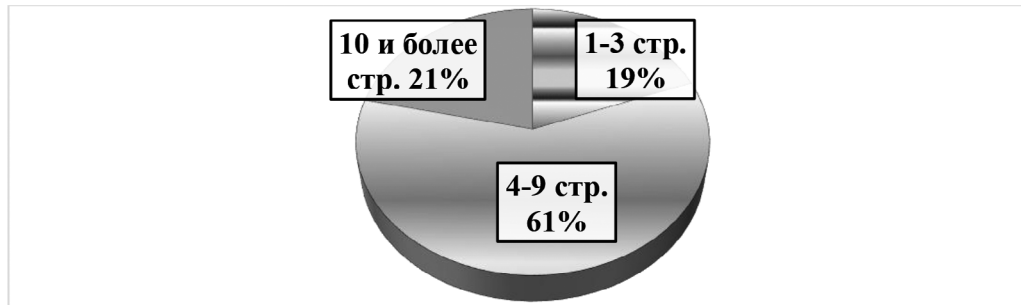

Рис. 3. Объем статей, посвященных исследованию социальных институтов, по данным eLIBRARY.RU, 2020 г.

Полученная диаграмма свидетельствует о том, что большинство исследований (43 %) посвящены вопросам создания единого социального пространства, носят практико-ориентированный характер, направлены на решение конкретных проблем, затрудняющих создание единого пространства проживания. Следующие 28 % от общего количества рассмотренных исследований имеют целью познать, концептуализировать окружающую действительность, определить, выработать направления формирования единого социального пространства. Эти работы носят выраженный гносеологический характер. Далее, 17 % статей представляют изучение социальных институтов в тесной взаимосвязи с коммуникацией, оптимизацию процессов коммуникативного взаимодействия как инструмента повышения эффективности функционирования социальных институтов. Наименьшую часть публикаций (12 %) составляют работы, полагающие социальные институты средством идентификации, самоидентификации личности и социальных групп. Снижение активности на данном направлении исследований может объясняться задачами социальной философии — необходимостью разрешения более фундаментальных, масштабных, глобальных проблем, выявления не столько национального, сколько универсальных процессов, закономерностей развития социальных институтов.

На следующем этапе требуется определить объем публикаций. Сортировка по объему дает следующий результат:

1—3 страницы — краткие, обзорные статьи — всего восемь публикаций (19,1 % от общего числа сортируемых публикаций);

4—9 страниц — статьи преимущественно теоретического характера, не содержащие результатов эмпирического исследования, — 25 публикаций (59,5 %);

10 и более страниц — статьи, предположительно содержащие результаты эмпирического исследования — 10 публикаций (21,4 %). В графическом виде полученные данные представлены на рисунке 3.

Согласно распределению публикаций по объему, абсолютное большинство статей содержат от четырех до девяти страниц, наименьшую часть составляют тезисы, краткие публикации размером от одной до трех страниц.

Принимая во внимание интеграцию отечественной образовательной системы в мировое образовательное пространство, в последние годы научные издания выдвигают требования к унификации, стандартизации структуры научной статьи, которая должна включать введение (содержит описание значимости исследовательской области, утверждение необходимости исследования); методы, обоснование отбора материалов, методике исследования; литературный обзор (должен отражать тематику в научной литературе и концепции на основе обзора); обобщение результатов и обсуждение; заключение

(результаты с оценкой вклада в научное знание)². Соответственно, на следующем этапе исследования ставим задачу проанализировать структуру публикаций, включающих изучение особенностей функционирования социальных институтов методом социально-философского анализа.

Как правило, публикации в обязательном порядке содержат введение, анализ теоретических источников и обоснованное заключение. По данным рассмотренных публикаций можно констатировать, что результаты эмпирических исследований практически не представлены. Найдена лишь одна публикация (2,4 %), содержащая конкретные результаты контент-анализа текстовых материалов и их обсуждение. Другими словами, выявлена особенность опубликованных в 2020 г. исследований — преимущественно теоретический характер представленной научной информации.

Подчеркнем, что особый интерес для нас представляет методология исследований, обоснование целесообразности применения социально-философского анализа к феномену социального института. Однако методологический компонент чаще всего отсутствует, лишь в пяти публикациях (11,9 %) указаны конкретные методы, что свидетельствует о сохранении научной логики. Кроме того, в большинстве случаев описание процедуры исследования отсутствует, поэтому невозможно выявить, на основании чего сделаны выводы.

Несмотря на недостаточность методологической базы, важно добавить, что все проанализированные работы отличаются высокой научностью, теоретической значимостью и перспективностью практического использования полученных результатов.

Обобщим результаты анализа:

1) Социально-философский анализ используется для изучения социальных институ-

тутов, причем число публикаций, основанных на применении метода, растет.

2) Метод представляется достоверным, обоснованным, результаты, полученные в процессе его применения, считаются валидными, репрезентативными, достоверными, что позволяет публиковать их в изданиях, входящих в перечень ВАК и индексируемых международными научными системами.

3. Большинство исследований с применением социально-философского анализа направлены на изучение политико-правовых институтов, в меньшей степени внимание исследователей привлекают бытовые институты, закрепляющие повседневную деятельность, а изучения религиозных институтов посредством социально-философского анализа не выявлено.

4. Многие работы выстраивают направления конструирования общей социальной действительности, согласованного взаимодействия агентов в социальном пространстве.

5. Преобладают публикации объемом от четырех до девяти страниц, в которых осуществляется детальный анализ теоретических источников и формируются собственные выводы; процент кратких обзорных публикаций, тезисов невелик.

6. В структурном отношении рассмотренные статьи соответствуют обязательному порядку, содержат введение, детальный литературный обзор и заключение, литературный обзор дается в едином контексте с результатами и их обсуждением, причем несмотря на то, что некоторые статьи отражают результаты эмпирических исследований, научный материал имеет преимущественно теоретический характер.

7. Детальное описание процедуры исследования, методов, которые применялись в процессе обработки, интерпретации данных, —

² Open Science Journal: онлайн-журнал открытого доступа. URL: https://osjournal.org/submissions.html?gclid=CjwKCAjw9vn4BRBaEiwAh0muDF9JkC-hPR0Y5eI_szGFGY0fFQBGvHmAecumDE9EAoV8GF2fSAPUe-hoCAH0QAvD_BwE (дата обращения 06.04.2021). (58)

содержит незначительная часть работ, однако важно, что отсутствие детального описания методологии исследования никоим образом не снижает его научности, теоретической и практической значимости, безусловно, методы анализа применяются. Отсутствие указания на методы, процедуру исследования обусловлено, скорее, сложившейся в постсоветском научном пространстве практикой: свои расчеты, описание хода исследования ученый оставляет в диссертации, монографии, публикуя только результаты исследования и выводы.

На следующем этапе проведем качественный анализ интерпретации метода социально-философского анализа в современных исследованиях. В результате анализа публикаций получены следующие дефиниции:

1) *основной метод исследования* — сравнительно-сопоставительный, с его помощью на основе изучения и сопоставления концептуальных позиций известных философов и теоретиков выводится авторская трактовка понятия [17, с. 40];

2) *методологию исследования составляют* общеполитические методы, а также собственные синтетические гносеометодологические принципы, разрабатываемые автором для философского изучения социальных процессов [13; 14, с. 87; 15, с. 21];

3) *методология исследования исходит из принципов* многофакторного, и системного, и синергетического подходов, с позиции которых социум рассматривается как сложная открытая система, развивающаяся под влиянием различных внешних и внутренних факторов, значение которых может предельно возрастать в кризисные периоды. Об этом свидетельствует *контент-анализ документов* в области устойчивого развития, который выделил факторы, повышающие устойчивость социальных систем, и факторы дестабилизации [1, с. 128].

Отметим, что в работах, базирующихся на социально-философском анализе, отсутствует единство в понимании этого метода.

В методологию исследований включаются: сравнительно-сопоставительный анализ, контент-анализ, собственные синтетические гносеометодологические принципы. Вместе с тем в рассмотренных публикациях нет дефиниции метода как таковой, нет описания особенностей применения метода в процессе обработки и интерпретации данных.

Важно добавить, что в отдельных случаях ученые подчеркивают значимость применения социально-философского анализа, однако не вводят дефиницию метода и описание процедуры его применения, например:

1) *«социально-философский анализ проблемы экстремизма интересен тем, что выражает крайности дихотомии «свой — чужой»* [8, с. 35];

2) *«философский анализ позволяет поднять концепт “образование” до масштаба социального явления, когда изучение феномена “образование” предполагает переход от его утилитарной оценки к философскому осмыслению»* [16, с. 79].

Как видим, исследователи указывают на высокую значимость, важность социально-философского анализа, на необходимость философского осмысления изменений, которым сегодня подвергаются институты.

В целом результаты качественного анализа современных научных публикаций в eLIBRARY.RU свидетельствуют об отсутствии единства в дефинировании социально-философского анализа. Для рассмотренных работ характерно включение в процедуру различных методов без описания структуры исследования, без установления логических связей между объектом и субъектом познания.

Таким образом, на основании обзора современных исследований можно сделать вывод, что сегодня очевидна необходимость философского осмысления социальных институтов. Представляется целесообразным использовать методы философской области научных знаний для преодоления противоречий в понимании социальных

институтов, для выработки единого непротиворечивого видения причин, механизмов, закономерностей их трансформаций. Философское понимание во многом основано на сложившейся в рамках социологии трактовке социального института как правил игры, как комплекса норм и ценностей, которые регулируют поведение агентов, однако если социология сосредотачивается на выявлении институциональных особенностей и осуществляемых функций, то философия ищет причины, которые позволяют институтам реализовывать эти функции: коллективный договор; рациональный выбор; поставленные цели. Возможно, по этой причине, как установлено в ходе практического анализа, отечественные исследователи довольно часто прибегают к социально-философскому анализу при изучении политико-правовых, образовательных, экономических, повседневных институтов. Однако указание на методологию в работах отсутствует, поскольку понимание социально-философского анализа различно, индивидуально, нет единства в выборе конкретных методов, составляющих процедуру исследования. В отдельных публикациях нарушена логика социально-философского анализа, который должен быть ориентирован исключительно на изучение современных социальных практик и общественных институтов. В заключение важно подчеркнуть мнение обществоведов о том, что особенности развития, изменения социальных институтов могут быть поняты исключительно через философское осмысление. Следовательно, очевидной сегодня становится проблема обоснования теоретико-методологического базиса социально-философского анализа, необходимо привести к единству методологический инструментарий: философские методы и логическую структуру процедуры исследования.

Библиографический список

1. **Баева Л. Ф.** Факторы устойчивого развития и дестабилизации современного социума: социально-философский анализ // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 1 (62). С. 128—133.
2. **Барулин В.С.** Диалектика сфер общественной жизни. М., 1982. 230 с.
3. **Барулин В.С.** Соотношение материального и идеального в обществе (методологические аспекты проблемы). М., 1977. 143 с.
4. **Барулин В.С.** Социальная философия: учебник. изд. 2-е. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. 560 с.
5. **Беркут В. Л.** Социально-философский анализ в методологии научного познания // Вестник Московского государственного областного университета. 2016. № 1. С. 14—23.
6. **Виноградова О.Е., Стернин И.А.** Психолингвистические методики в описании семантики слова: монография. Воронеж: Истоки, 2016. 157 с.
7. **Гуляева, Н. П.** Общественные институты как предмет социально-философского анализа : дисс. ... канд. философ. наук. Красноярск. 2000. 130 с.
8. **Клюев А. А.** Социально-философский анализ определений и типологии явления «экстремизм» // Общество: философия, история, культура. 2020. № 4(72). С. 33—36.
9. **Кошарная Г. Б., Кошарный В. П.** Триангуляция как способ обеспечения валидности результатов эмпирического исследования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 2(38). С. 117—122.
10. **Ньюман Л.** Неопросные методы исследования // Социологические исследования. 1998. № 6. С. 119—129.
11. **Петрунина Е. А.** Музей и интернет: социально-философский анализ // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2020. № 1(100). С. 90—94.
12. **Равочкин Н.Н.** [и др.] Институциональная проблематика в зеркале социальной философии. Социологические и философские подходы / Н.Н. Равочкин, В. Н. Бобриков, В.П. Щенников, Д.В. Рахинский // Экономические и социально-гуманитарные исследования. М.: МИЭТ, 2021. № 2(30). С. 144—153.

Поступила 06.04.2021

13. **Равочкин Н.Н.** Взаимосвязи между политикой и правом: социально-философский анализ // Философская мысль. 2020. № 4. С. 47—60; URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32498 (дата обращения 06.04.2021).

14. **Равочкин Н. Н.** Дискурс политико-правовых идей в сетевом обществе: социально-философский анализ (часть 2) // Вестник Удмуртского университета. Серия философия. Психология. Педагогика. Т. 30. Вып. 1. С. 21—25.

15. **Равочкин Н. Н.** [и др.] Возможность построения универсальной модели становления и трансформации политико-правовых институтов: социально-философский анализ / Н. Н. Равочкин, О. Ф. Нескрябина, Р. П. Мусат, Н. А. Князев // Контекст и рефлексия: Философия о мире и человеке. 2020. Т. 9, № 1—1. С. 87—97.

16. **Ручин В. А., Ручин А. В.** Системы образования в современном обществе: социально-философский анализ // Вестник Поволжского института управления. 2020. Т. 20, № 2. С. 76—85.

17. **Халиуллина Л. И.** Подходы к институтам в современной социальной теории // Балтийский гуманитарный журнал. 2013. № 4. С. 118—120.

18. **Черепанов А. Ю.** Малая война: социально-философский анализ // Вестник Московского государственного университета. 2020. № 1. С. 40—47.

19. **Чурикова А. Е.** Влияние статуса пациента на поведение врачей // Вестник Института социологии. 2013. № 6. С. 67—98.

20. **Bratman Michael.** Intentions, Plans and Practical Reason. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1987.

21. **Guala Francesco.** Understanding Institutions: The Science and Philosophy of Living Together. Princeton N. J.: Princeton University Press, 2016.

22. **Lievens T.** Понимание проблем трудовых ресурсов здравоохранения: пособие по некоторым вопросам использования качественных методов / T. Lievens, M. Lindelow, P. Serneels // Руководство по мониторингу и оценке кадровых ресурсов здравоохранения, адаптированное для применения в странах с низким и средним уровнем доходов / Под ред. Mario R. Dal. Poz, Neeru Gupta, Estelle Quain, Agnes L. B. Soucat. Всемирная организация здравоохранения, 2012. С. 139—156.

Равочкин Никита Николаевич — доктор философских наук, доцент кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева (Россия, 650000, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Весенняя, д. 28); доцент кафедры педагогических технологий Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии (Россия, 650056, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Марковцева, д. 5), nickravochkin@mail.ru

Бобриков Валерий Николаевич — доктор педагогических наук, профессор, декан факультета фундаментальной подготовки Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева (Россия, 650000, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Весенняя, д. 28). bvn.kem@yandex.ru

Щенников Владимир Петрович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и художественно-эстетических дисциплин Кузбасского регионального института повышения квалификации и переподготовки работников образования (Россия, 650070, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Заузелкова, д. 3), volodia.logos2011@yandex.ru

Рахинский Дмитрий Владимирович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Красноярского государственного аграрного университета (Россия, 660049, Красноярский край, г. Красноярск, пр. Мира 90); профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения Красноярского государственного медицинского университета им. В.Ф. Войно-Ясенецкого (Россия, 660022, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, 1) ideologie@mail.ru

References

1. Baeva L. F. Faktory ustojchivogo razvitija i destabilizacii sovremennogo sociuma: social'no-filosofskij analiz [FACTORS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND DESTABILIZATION OF MODERN SOCIETY: SOCIAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS] // Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura. 2020. № 1 (62). S. 128—133.

2. Barulin B.C. Dialektika sfer obshhestvennoj zhizni. M., 1982. 230 s.
3. Barulin B.C. Sootnoshenie material'nogo i ideal'nogo v obshhestve (metodologicheskie aspekty problemy). M., 1977. 143 s.
4. Barulin V.S. Social'naja filosofija: uchebnik. izd. 2-e. M.: FAIR-PRESS, 2000. 560 s.
5. Berkut V. L. Social'no-filosofskij analiz v metodologii nauchnogo poznaniya [SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS IN OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE METHODOLOGY] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2016. № 1. S. 14—23.
6. Vinogradova O.E., Sternin I.A. Psiholingvisticheskie metodiki v opisani semantiki slova: monografija. Voronezh: Istoki, 2016. 157 s.
7. Guljaeva, N. P. Obshhestvennye instituty kak predmet social'no-filosofskogo analiza : diss. ... kand. filosof. nauk. Krasnojarsk. 2000. 130 s.
8. Kljuev A. A. Social'no-filosofskij analiz opredelenij i tipologii javlenija «jeksremizm» [SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF DEFINITIONS AND TYPOLOGY OF THE EXTREMISM PHENOMENON] // Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura. 2020. № 4(72). S. 33—36.
9. Kosharnaja G. B., Kosharnyj V. P. Trianguljacija kak sposob obespechenija validnosti rezul'tatov jempiricheskogo issledovanija // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvennye nauki. 2016. № 2(38). S. 117—122.
10. N'juman L. Neoprosnye metody issledovanija // Sociologicheskie issledovanija. 1998. № 6. S. 119—129.
11. Petrunina E. A. Muzej i internet: social'no-filosofskij analiz [MUSEUM AND INTERNET: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS] // Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. 2020. № 1(100). S. 90—94.
12. Ravochkin N.N. Institucional'naja problematika v zerkale social'noj filosofii. Sociologicheskie i filosofskie podhody [INSTITUTIONAL ISSUES IN THE MIRROR OF SOCIAL PHILOSOPHY. SOCIOLOGICAL AND PHILOSOPHICAL APPROACHES] // Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovanija. M.: MIJeT, 2021. № 2(30). S. 144—153.
13. Ravochkin N.N. Vzaimosvjazi mezhdu politikoj i pravom: social'no-filosofskij analiz // Filososkaja mysl'. 2020. № 4. S. 47—60; URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32498 (data obrashhenija 06.04.2021).
14. Ravochkin N. N. Diskurs politiko-pravovyh idej v setevom obshhestve: social'no-filosofskij analiz (chast' 2) [POLITICAL AND LEGAL IDEAS DISCOURSE IN A NETWORK SOCIETY: SOCIAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS (PART 2)] // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija filosofija. Psihologija. Pedagogika. T. 30. Vyp. 1. S. 21—25.
15. Ravochkin N. N. [i dr.] Vozmozhnost' postroenija universal'noj modeli stanovlenija i transformacii politiko-pravovyh institutov: social'no-filosofskij analiz / N. N. Ravochkin, O. F. Neskrjabina, R. P. Musat, N. A. Knjazev // Kontekst i refleksija: Filosofija o mire i cheloveke. 2020. T. 9, № 1—1. S. 87—97.
16. Ruchin V. A., Ruchin A. V. Sistemy obrazovanija v sovremenном obshhestve: social'no-filosofskij analiz [EDUCATION SYSTEMS IN CONTEMPORARY SOCIETY: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS] // Vestnik Povolzhskogo instituta upravljenja. 2020. T. 20, № 2. S. 76—85.
17. Haliullina L. I. Podhody k institutam v sovremennoj social'noj teorii [APPROACHES TO INSTITUTIONS IN CONTEMPORARY SOCIAL THEORY] // Baltijskij humanitarnyj zhurnal. 2013. № 4. S. 118—120.
18. Cherepanov A. Ju. Malaja vojna: social'no-filosofskij analiz [SMALL WAR: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE CONCEPT] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 1. S. 40—47.
19. Chirikova A. E. Vlijanie statusa pacienta na povedenie vrachej [ON THE INFLUENCE OF PATIENT'S STATUS TO HEALER'S BEHAVIOR] // Vestnik Instituta sociologii. 2013. № 6. S. 67—98.
20. Bratman Michael. Intentions, Plans and Practical Reason. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1987.
21. Guala Francesco. Understanding Institutions: The Science and Philosophy of Living Together. Princeton N. J.: Princeton University Press, 2016.
22. Lievens T. Ponimanie problem trudovyh resursov zdavoohranenija: posobie po nekotorym

voprosam ispol'zovaniya kachestvennyh metodov / T. Lievens, M. Lindelow, P. Serneels // Rukovodstvo po monitoringu i ocenke kadrovyyh resursov zdra-voohraneniya, adaptirovannoe dlja primeneniya v strana-h s nizkim i srednim urovnem dohodov / Pod red. Mario R. Dal. Poz, Neeru Gupta, Estelle Quain, Agnes L. B. Soucat. Vsemirnaya organizacija zdra-voohraneniya, 2012. S. 139—156.

Submitted 06.04.2021

Ravochkin Nikita N., Doctor of Philosophy, Associate Professor of the Chair of History, Philosophy and Social Sciences of T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Russia, 650000, Kemerovo reg, 28 Vesennaya St., Kemerovo, Russia); Associate Professor of Humanitarian and Legal Disciplines Department, Kuzbass State Agricultural Academy (Russia, 650056, Kemerovo Region, Kemerovo, Markovtseva St., 5), nickravochkin@mail.ru

Bobrikov Valery N., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Fundamental Training of Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev (Russia, 650000, Kemerovo region, Kemerovo, Vesennaya st., 28). bvn.kem@yandex.ru

Shchennikov Vladimir P., Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Art and Aesthetic disciplines of the Kuzbass Regional Institute of Professional Development and Retraining of Educators (Russia, 650070, Kemerovo region, Kemerovo, Zauzelkova str. 3), volodia.logos2011@yandex.ru

Rakhinsky Dmitry V. Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Process, Krasnoyarsk State Agrarian University (Russia, 660049, Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, Mira Ave. Mira 90); Professor, Department of Public Health and Health Care, V. F. Voyno-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University (Russia, 660022, Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, Partizan Zheleznayak St., 1) ideologie@mail.ru

Новая Военная доктрина РФ: к методологическим неточностям понятий

О.А. Рыжов

Московский технический университет связи и информатики (МТУСИ)

rizhova@mail.ru

Рассматривается содержание Военной доктрины РФ и Закона РФ «О противодействии терроризму», анализируются сущностные дефиниции основных понятий, приводящих, по мнению автора, к методологическим неточностям и недопониманию официального государственного документа. Приведены авторские определения военных опасностей и угроз современной России, а также угрозам ее военной безопасности.

Ключевые слова: военный, военная безопасность, военная опасность, военная угроза, угрозы военной безопасности, киберпространство, терроризм.

New Military Doctrine of the Russian Federation: To Methodological Inaccuracies of Concepts

O.A. Ryzhov

Moscow Technical University of Relations and Informatics (MTUCI)

rizhova@mail.ru

The content of the Military Doctrine of the Russian Federation and the Law of the Russian Federation «On Countering Terrorism» is considered, the essential definitions of the main concepts are analyzed, which, according to the author, lead to methodological inaccuracies and misunderstandings of the official state document. The author's definitions of military dangers and threats to modern Russia, as well as threats to its military security are given.

Key words: military, military security, military danger, military threat, threats to military security, cyberspace, terrorism.

При прочтении названия статьи, возникает вопрос: «Зачем говорить о том, что уже давно определено и закреплено в официальном государственном документе — Военной доктрине РФ?» [1] Вопрос закономерен, но существуют и иные точки зрения по опреде-

лению и выявлению военных опасностей и угроз, угроз военной безопасности. Они, думается, также достойны внимания, но требуют для своего обоснования предварительных теоретических рассуждений. В данной статье автор излагает свою точку зрения.

Небезызвестным является факт, что люди, говоря об одном и том же, могут не понимать друг друга, если в одно и то же понятие, категорию вкладывают различный смысл. В быту это может привести лишь к различным уровням размолвки. Намного сложнее, если эта ситуация складывается, когда рассуждения ведутся на групповом, общественном, государственном уровне. Поэтому правильно, что сейчас многие официальные документы начинаются с уяснения смысла и содержания понятий, употребляемых в дальнейшем их изложении. Вместе с тем, анализ этих разъяснений порой приводит к еще большему непониманию.

Так, статья 8 новой редакции Военной доктрины РФ посвящена раскрытию основных понятий, используемых в документе. Анализ их привел автора данной статьи к мысли, что трактовка некоторых из них приводит не только к некоторой противоречивости дальнейших рассуждений, но и к недопониманию содержания документа в целом. Думается, что главной причиной этому является отсутствие уяснения сущности основополагающего понятия, определяющего содержание всего документа, — «военный».

Уясняя смысл этого понятия и не впадая в структурно-организационные подробности военной организации, необходимо отметить, что важнейшим здесь является то, что это жестко централизованное объединение людей, нанимаемых государством, содержащихся за счет государства и *служащих государству*. А в соответствии с этим, главное их предназначение — защита государственных интересов, государственной безопасности, как и национальной в целом.

В случае же отхода от этих положений военный перестает быть таковым. Он может еще какое-то время носить официальную военную форму и даже жить за счет государства, но, если он перестал ему служить, защищать его интересы¹, выступил

против государственных конституционных основ, он уже не военный, а государственный преступник. Другими словами, если военный принял решение выступить против своего государства, то он уже не является военным с правовой точки зрения. Любые организации, состоящие из подобных граждан, могут называть себя как угодно, в том числе и военными, но с юридической точки зрения они не являются таковыми. Это относится и к всевозможным легитимным частным «военным» компаниям (ЧВК), которые в своей профессиональной деятельности используют оружие при защите сугубо частных интересов, не преследуя при этом антигосударственные цели.

В связи с вышеизложенным возникают вопросы к некоторым статьям Военной доктрины РФ.

Цитируем статью 8:

«В Военной доктрине используются следующие основные понятия:

а) военная безопасность Российской Федерации (далее — военная безопасность) — состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних (*курсив — Р.О.А.*) военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризующееся отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять».

Возникает естественный вопрос — о каких внутренних военных угрозах может идти речь? Получается, что военные, призванные защищать нас, свое государство, могут одновременно представлять и угрозу для нас.

Подобное недоразумение вызывает и содержание пунктов «б» и «в» этой же статьи, разъясняющих понятия «военная опасность» и «военная угроза».

Читаем: «б) военная опасность — состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризующее совокупностью факторов, способных при

¹ В данном случае не подразумевается уход военнослужащего в запас, отставку.

определенных условиях привести к возникновению военной угрозы;

в) военная угроза — состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризующееся реальной возможностью возникновения военного конфликта между противостоящими сторонами, высокой степенью готовности какого-либо государства (группы государств), сепаратистских (террористических) организаций к применению военной силы (вооруженному насилию)».

Различие между ними, заключающееся в потенциальной либо реальной возможности нанесения ущерба национальным интересам государства, не вызывает сомнения. Но в определении вновь появляются внутригосударственные отношения, способствующие возникновению военной опасности или военной угрозы. Вопрос возникает прежний: внутригосударственная обстановка может сложиться так, что действия наших Вооруженных Сил станут опасностью или угрозой для нас? Это не говоря уже о том, что сепаратистские (террористические) организации могут применить военную силу.

Да, в истории даже XXI века было немало случаев, когда обострение внутривойсковых противоречий провоцировало внешнее военное вмешательство. Свидетельством тому еще сравнительно недавние и текущие события в Ираке, Иране, Ливии, Афганистане, Сирии и в других странах. В США даже практикуется стратегия так называемых «контролируемых конфликтов». Согласно ей в той или иной стране внешне провоцируется конфликтная ситуация, основывающаяся на действительно существующих или мнимых внутренних противоречиях и «требующая», в дальнейшем, американского военного вмешательства для защиты «демократии», «прав человека» и т.п. в этой стране (подобный сценарий развития событий наблюдается в современной Украине).

Но мы анализируем российскую Военную доктрину и, думается, что подобного развития событий у нас не предвидится. Более того, в

современных условиях Запад больше беспокоят успехи России, чем объективно присутствующие ее внутренние противоречия.

Следующий пункт «г» данной статьи раскрывает сущность понятия «военный конфликт». Цитирую: «военный конфликт — форма разрешения межгосударственных или *внутригосударственных* (курсив — Р.О.А.) противоречий с применением военной силы (понятие охватывает все виды вооруженного противоборства, включая крупномасштабные, региональные, локальные войны и вооруженные конфликты)».

Вновь очевиден вопрос, задаваемый мною ранее: какие внутригосударственные противоречия могут решаться путем военного столкновения, т. е. вооруженного противоборства двух и более легитимных вооруженных сил? Напомню, что согласно международно-правовых норм в рамках одной страны (территория плюс народ, населяющий эту территорию) может быть лишь одно государство, как аппарат управления данным населением на данной территории. А в соответствии с этим получается, что одна из сторон предполагаемого «военного» столкновения является негосударственной, нелегитимной, а поэтому развернувшийся конфликт является не военным, он — вооруженный внутривойсковой.

Да, в практике абсолютного большинства современных государств (в том числе и в России) привлечение своих вооруженных сил, военной силы для разрешения внутренних противоречий является нормой. Но это не означает, что разворачивается военный конфликт. В соответствии с этим сравнительно недавние и небезызвестные вооруженные столкновения в Чечне не квалифицируются как «военный конфликт». Также, как и продолжающиеся на сегодняшний день вооруженные столкновения на Ближнем Востоке не являются военным конфликтом. Там, с одной стороны, стоит коалиция легитимных военных сил нескольких государств, с другой — вооруженные формирования исламистов, самопровозгласивших

себя государством (ИГИЛ), отвергаемого всем миром. Не могут, таким образом, квалифицироваться как военный конфликт и современные кровавые события в Украине.

Военный конфликт — это столкновение двух и более легитимных вооруженных сил, то есть — это международный вооруженный конфликт. Он, в свою очередь, в соответствии с преднамеренностью и целями начала вооруженных действий, последствиями в ходе и после самого конфликта подразделяется на: «военный инцидент», «военная провокация», «военный конфликт» (в узком понимании) и «война».

В соответствии с вышеизложенным возникает опять-таки непонимание расшифровки (в скобках) понятия «военный конфликт», приведенного в статье 8 «г» Военной доктрины РФ, согласно которой — это «...*все (курсив — Р.О.А.)* виды вооруженного противоборства, включая...». Но в данном случае под это определение попадают, например, вооруженные разборки мафиозных банд формирований и т. п.

Проанализированные выше методологические неточности привели, по мнению автора, к определенной путанице в статьях 12, 13 и 14. В них перечисляются основные внешние и внутренние военные опасности и угрозы.

Начнем с внутренних военных опасностей (статья 13).

«Основные внутренние военные опасности:

а) деятельность, направленная на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в стране, дезорганизацию функционирования органов государственной власти, важных государственных, военных объектов и информационной инфраструктуры Российской Федерации;

б) деятельность террористических организаций и отдельных лиц, направленная на подрыв суверенитета, нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации;

в) деятельность по информационному воздействию на население, в первую очередь на молодых граждан страны, имеющая целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества;

г) провоцирование межнациональной и социальной напряженности, экстремизма, разжигание этнической и религиозной ненависти либо вражды».

Но данное перечисление внутренних военных опасностей порождает новый вопрос. Если это военные опасности, то есть исходящие от военных, то получается, что наши военные ведут деятельность по насильственному свержению конституционного строя России, дестабилизируют внутриполитическую обстановку (пункт «а»); именно военные являются террористами (пункт «б»); именно военные дезинформируют население России (пункт «в»); именно они провоцируют межнациональную и социальную напряженность и т.д. (пункт «г»).

Для ответа на данный вопрос необходимо уточнить смысл еще одного понятия, к сожалению, отсутствующего в статье 8 Военной доктрины РФ. Это — «угроза военной безопасности», под которой понимается *совокупность условий и факторов, способствующих нанесению реального ущерба системе обеспечения военной безопасности*. Они могут появляться как в результате действий внешних военных сил, которые и являются военной опасностью и угрозой, так и в результате деятельности всевозможных внешних и внутренних невоенных деструктивных сил. В соответствии с этим, всё, что перечислено в статье 13, в действительности являются угрозами военной безопасности России, а не военными опасностями для нее. При этом список существующих внутренних угроз системе обеспечения военной безопасности можно продолжить с довольно-таки большим количеством пунктов.

Таким образом, военная опасность, угроза могут исходить лишь от действий

военной силы, легитимных вооруженных сил других государств. Действия же как внутренних, так и внешних невоенных деструктивных сил, направленных на подрыв обороноспособности страны, представляют собой не военную опасность и угрозу стране, государству, а угрозу системе обеспечения военной безопасности, как и национальной безопасности в целом.

Подобные рассуждения можно применить к анализу и других статей. Так, из перечисленных в статье 12 *внешних военных опасностей* к таковым можно отнести лишь половину (пункты «а», «в», «г», «е», «ж», «з», «и»), да и то некоторые из них — с определенными оговорками. Так же и в статье 14 далеко не все внешние военные угрозы можно отнести к таковым (пункты «б» и «в»).

В соответствии с вышеизложенным у автора есть своя точка зрения по определению реально существующих военных опасностей и угроз для нашей страны и ее военной безопасности.

Думается, что на сегодняшний день существует одна *военная угроза*, как реальное, адресное, целенаправленное и оперативное намерение каких-либо сил нанести военными средствами ущерб национальным интересам страны. Это — *агрессивная антироссийская политика НАТО во главе с США*.

Эта политика проявляется:

а) в постоянном наращивании силового потенциала Организации Североатлантического договора (НАТО) [6];

б) в самонаделении НАТО глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права. Североатлантический альянс, в обход общепринятым международным нормам, провозглашает своим правом вмешательство (в том числе и военное) в любые события, происходящие в мире, в том числе и в дела суверенных государств, если эти события, по их мнению, противоречат национальным интересам и ценностям «западной демократии»;

в) в расширении НАТО и увеличении количества воинских контингентов альянса на территориях государств, сопредельных с Россией и ее союзников;

г) в создании и развертывании НАТО и, прежде всего США, систем стратегической противоракетной обороны, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере, а также в развертывании стратегических неядерных систем высокоточного оружия.

Кроме перечисленных выше объективных фактов, подтверждающих агрессивную антироссийскую политику НАТО, необходимо учитывать и растущую антироссийскую, русофобскую пропаганду в западных (да и в восточноевропейских) странах. Ее смысл — внушить своим народам чуть ли не врожденную агрессивность российских людей, их постоянное стремление к завоеванию других стран и народов. При этом западные политики не гнушаются явной фальсификацией истории, вплоть до обвинения СССР / России, в развязывании Второй мировой войны. При этом они забывают о явно колониально-преклоненческой политике их государств по отношению к фашистской Германии в предвоенные годы.

Под *военными опасностями*, существующими в настоящее время для нашей страны, как и для всего мира в целом, следует понимать сложившуюся в современном мире военно-политическую обстановку, грозящую в своем развитии перерасти в военную угрозу.

Среди таковых, в первую очередь, необходимо выделить *локальные вооруженные политические конфликты*, происходящие вблизи границ Российской Федерации и грозящие в определенных условиях перерасти в региональный и даже глобальный военный конфликт. В основе этих конфликтов лежат, как правило, межнациональные, межконфессиональные, территориальные противоречия, повлекшие за собой рост экстремизма в отдельных регионах мира.

Прежде всего имеются в виду конфликты на территориях бывших республик и автономных областей СССР: Украины, Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья, Нагорного Карабаха. Среди них особую опасность для Российской Федерации, безусловно, представляет уже затянувшийся вооруженный конфликт на востоке Украины. Этот вооруженный конфликт опасен не только из-за близости к границам России, но и потому, что он всегда может служить не только поводом для введения новых санкций со стороны западных держав, но и вынужденного прямого вмешательства наших вооруженных сил в происходящие события, влекущего за собой непредсказуемые последствия.

Вместе с тем одним из основных факторов, дестабилизирующим военно-политическую ситуацию в мире, а в соответствии с этим и военно-политическое положение России, является увеличение количества стран, на территории которых ведется уже многолетняя вооруженная борьба с международным экстремизмом, — это Сирия, Ирак, Йемен, Ливия и др. Основным фактором, оказывающим негативное влияние на ситуацию в этом регионе, остается деятельность организаций ИГИЛ и других экстремистских группировок. Кроме того, ситуацию усугубляет стремление некоторых ближневосточных государств использовать эти структуры для достижения сугубо своих целей в сирийском конфликте.

В частности, Турция, Саудовская Аравия, Катар, а также участвующие в борьбе с исламистским экстремизмом США и их союзники ведут целенаправленную деятельность, направленную на принуждение действующего президента САР Б. Асада к отставке в целях прихода к власти в стране прозападных оппозиционных сил. И даже на сегодняшний день, когда, с одной стороны, западной коалицией дано согласие на сохранение Б. Асадом своего поста до очередных выборов, с другой стороны, продолжаются провокации о якобы химических ударах,

наносимых сирийскими правительственными войсками и т. п. А это, в свою очередь, якобы дает коалиции право нанесения ракетных ударов по их расположению.

В соответствии с этим, эти страны чрезвычайно негативно восприняли эффективную помощь России, поддерживающую Б. Асада, в уничтожении экстремистских группировок. До сих пор в интересах дискредитации роли России в Сирии путем пропагандистского «раскручивания» заведомо ложных фактов и необоснованных обвинений российских военных в гибели мирного населения, уничтожении объектов гражданской инфраструктуры, американская администрация усиленно пытается сформировать в мире негативное отношение к нашим действиям в этой стране.

В этих условиях, если учесть уже неоднократно случавшиеся инцидентные столкновения между военными России и западной коалиции, можно представить степень военной опасности как для нашей страны, так и всего мира.

Следующей военной опасностью, по мнению автора, являются *территориальные претензии к России и ее союзникам*. Сами по себе претензии не носят военного характера, однако, возможный силовой метод решения этих проблем может обернуться военным конфликтом.

Среди них: территориальные притязания Японии к нашей стране по поводу Курильских островов (Итуруп, Кунашир, Шикотан и группе островов Хабомаи); Норвегии (острова Франца-Иосифа); Латвии и Эстонии (Пыталовский район Псковской области); Финляндии (Западные районы Карелии); Германии и Литвы (Калининградская область); КНДР (остров Ноктундо). Есть несогласованные территории между Китаем и Россией и даже между Россией и США в Беринговом и Чукотском морях. Кроме того, к этому числу следует отнести и претензии Польши к нашему непосредственному союзнику — Белоруссии, предъявляемые к части

Гродненской, Брестской и даже Минской областей.

Многие из этих претензий носят в большей степени гипотетический характер, но, учитывая то, что претендующие на наши территории страны являются либо членами НАТО, либо их союзниками, можно представить возможный военный ход развития событий.

Безусловной военной опасностью для РФ, как и для всего мира в целом, является *распространение и наращивание ядерного оружия*.

На сегодняшний день официальным статусом ядерной державы обладают пять государств мира — Россия, США, Великобритания, Франция и Китай. Вместе с тем, по данным СИПРИ по состоянию на 2017 г. ядерным оружием уже обладали и Индия, Пакистан, Израиль, Северная Корея. В общей сложности в распоряжении девяти стран находилось 14 935 единиц ядерного оружия (93 % из них приходится на долю России и США) [5].

Само по себе распространение ядерного оружия еще не обозначает военную опасность. А вот завладение им неадекватными политическими силами в условиях неконтролируемого распространения этого оружия может привести к непредсказуемым для всего мира военно-политическим последствиям.

Военной опасностью в современном мире является и *милитаризация информационных и коммуникационных технологий*, направленных на подрыв суверенитета, политической независимости, территориальной целостности государств и представляющих угрозу международной безопасности, глобальной и региональной стабильности.

Введение этого пункта в разряд военных опасностей обосновывается тем, что использование информационных технологий в военных целях привело к тому, что в США, КНР, РФ созданы специальные кибервойска — войска информационных операций. Их основная

задача осуществлять кибернетическое и информационное противоборство в виртуальном пространстве, подрывая, таким образом, боеготовность вооруженных сил вероятного противника и снижая обороноспособность этой страны. В военном ведомстве США (Пентагон) киберпространство объявлено даже пятым театром военных действий наряду с сушей, океаном, воздухом и космосом. Политической же особенностью уже развернувшихся кибервойн является то, что в современном международном праве нет юридического регулирования этих отношений.

Все перечисленное выше является внешними угрозами военной безопасности России. Но существуют как внутренние, так и внешние угрозы ей со стороны невоенных деструктивных сил. При этом будет правильным обратить внимание на угрозы именно военной безопасности, а не национальной безопасности в целом. Другими словами, это угрозы функционированию военной организации государства, являющейся основой обеспечения военной безопасности в целом. Да, подрыв экономических, социальных, духовных и иных основ жизнедеятельности общества влияют и на военную безопасность. Но в таком случае, по мнению автора, необходимо лишь повторить положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [7].

В соответствии с этим, думается, что основной как внутренней, так и внешней невоенной опасности для военной безопасности России является *терроризм*, направленный непосредственно на её военнослужащих и функционирование военной организации. Хотелось бы уточнить само понятие «терроризм», трактование которого даже в официальных документах порождает некоторую противоречивость.

Анализ существующих в мировой научной литературе подходов к определению терроризма позволяет выделить его основные сущностные черты: применение крайних форм насилия для достижения определенных

политических целей; превентивное устрашение, инициирующее панику и массовое недовольство; поспешное изменение общественных норм, общепринятых и закреплённых международными правовыми актами. В соответствии с ними Закон РФ «О противодействии терроризму» определяет его как идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанных с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [4].

Вместе с тем, и это официальное определение, по мнению автора, не полностью соответствует научным критериям определения того или иного понятия. Во-первых, насилие может применяться не только в целях устрашения населения, но и самих государственных органов. Во-вторых, не совсем понятна формулировка «и (или) иными формами противоправных насильственных действий». В-третьих, под это определение могут подпасть и вполне легитимные действия того же государства.

В соответствии с этим терроризм — это применение оппозиционными силами нелегитимного экстремального насилия (террора) для устрашения государственных органов или населения страны в целях принуждения государства к принятию политических решений, соответствующих их интересам. При этом, одним из обязательных условий выступает — неоткрытое противостояние сторон в конфликте. Террористы действуют как бы «из-под тишка», не рассчитывая на моментальный и адекватный ответ противоположной стороны.

Таким образом, говоря о терроризме как об угрозе военной безопасности подразумеваются экстремальные действия невоенных деструктивных сил (убийства военнослужащих, взрывы военных объектов, блокирование деятельности органов военного управления и т. п.), направленных на подрыв обороноспособности государства.

В качестве выводов по данной статье хотелось бы отметить, что рассуждения автора не являются бесспорными. Но, во-первых, четкая формулировка методологических основ любого документа является основой не только его правильного понимания, но и дальнейшего практического воплощения. И, во-вторых, сложившаяся современная военно-политическая обстановка в мире свидетельствует о наличии реальных военных опасностей и угроз современной России, которые обуславливают необходимость постоянного повышения уровня обороноспособности нашей страны.

Библиографический список

1. Военная доктрина РФ // Российская газета. Федеральный выпуск № 298(6570). 30 декабря 2014 г.; URL: <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html> (дата обращения 20.06.2021).
2. **Волков К.** Кто играет в «ядерное домино» (01.04.2017) [Электронный ресурс] // НОВОРУСМИР: обзор аналитики. URL: <http://novorussmir.ru/archives/23127> (дата обращения 20.06.2021).
3. **Рылов М.И., Тихонов М.Н.** Ядерные энергетические установки: постижение реальности // Академия энергетики. 2009. № 2(28). С. 22—27.
4. О противодействии терроризму: Федеральный Закон РФ: [принят Государственной думой 26 февраля 2006 года] [Электронный ресурс] // Консорциум Кодекс: электронный фонд. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901970787> (дата обращения 20.06.2021).
5. SIPRI: многие страны продолжают модернизацию ЯО // Война и мир. (03.07.2017). URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/122433/> (дата обращения 20.06.2021).
6. Йенс Столтенберг. Генеральный секретарь НАТО // Свободная пресса: сетевое издание. URL: <https://svpressa.ru/persons/yens-stoltenberg/> (дата обращения 20.06.2021).
7. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683. [Электронный ресурс] // Российская

газета. RG.RU. URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения 20.06.2021).

Submitted 21.06.2021

Поступила 21.06.2021

Рыжов Олег Алексеевич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальных отношений, рекламы и связей с общественностью (СР и СО), Московский технический университет связи и информатики (МТУСИ), Заслуженный работник высшей школы РФ, действительный член Академии военных наук РФ, rzhovoa@mail.ru

Ryzhov Oleg A., Doctor of Philosophy, Professor, Professor Department of Social Relations, Advertising and Public Relations (SR & PR), Moscow Technical University of Relations and Informatics (MTUCI), Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, full member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, rzhovoa@mail.ru

References

1. Voennaja doktrina RF // Rossijskaja gazeta. Federal'nyj vypusk № 298(6570). 30 dekabnja 2014 g.; URL: <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html> (data obrashhenija 20.06.2021).
2. Volkov K. Kto igraet v «jadernoe domino» (01.04.2017) [Jelektronnyj resurs] // NOVORUS-MIR: obzor analitiki. URL: <http://novorusmir.ru/archives/23127> (data obrashhenija 20.06.2021).
3. Rylov M.I., Tihonov M.N. Jadernye jenergeticheskie ustanovki: postizhenie real'nosti // Akademija jenergetiki. 2009. № 2(28). S. 22—27.
4. O protivodejstvii terrorizmu: Federal'nyj Zakon RF: [prinjat Gosudarstvennoj dumoj 26 fevralja 2006 goda] [Jelektronnyj resurs] // Konsorcium Kodeks: jelektronnyj fond. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901970787> (data obrashhenija 20.06.2021).
5. SIPRI: mnogie strany prodolzhaют modernizaciju JaO // Vojna i mir. (03.07.2017). URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/122433/> (data obrashhenija 20.06.2021).
6. Jens Stoltenberg. General'nyj sekretar' NATO // Svobodnaja pressa: setevoe izdanie. URL: <https://svpressa.ru/persons/yens-stoltenberg/> (data obrashhenija 20.06.2021).
7. Strategija nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: utv. Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 31 dekabnja 2015 goda № 683. [Jelektronnyj resurs] // Rossijskaja gazeta. RG.RU. URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (data obrashhenija 20.06.2021).

Толерантность как социально значимая ценность

Л.В. Удалова¹, С.Е. Горшкова², Л.Я. Мещерякова²

¹*Тверской государственный технический университет, г. Тверь*

²*Тверской государственный университет, г. Тверь*

lv.udalova@mail.ru

Комплексно рассмотрена толерантность как социально значимая ценность с учетом междисциплинарного подхода, определены феномены толерантности, интолерантности, толерантности к неопределенности. Раскрыта значимость формирования толерантности в контексте духовно-нравственного воспитания детей и молодежи в условиях поликонфессиональности. Показана роль дошкольной образовательной организации (досуговая деятельность) в реализации целенаправленной работы по формированию личностных и социально значимых ценностей детей и взрослых.

Ключевые слова: толерантность, толерантность к неопределенности, идентичность, глобализация, дошкольная образовательная организация, духовно-нравственное воспитание, общественно значимые ценности, человек.

Tolerance as a socially significant value

L.V. Udalova¹, S.E. Gorshkova², L.Ya. Meshcheryakova²

¹*Tver State Technical University, Tver*

²*Tver State University, Tver*

lv.udalova@mail.ru

Tolerance is comprehensively considered as a socially significant value, taking into account an interdisciplinary approach, the phenomena of tolerance, intolerance, and tolerance to uncertainty are determined. The importance of the formation of tolerance in the context of the spiritual and moral education of children and youth in the context of polyconfessionalism is revealed. The role of a preschool educational organization (leisure activity) in the implementation of purposeful work on the formation of personal and socially significant values of children and adults is shown.

Keywords: tolerance, tolerance to uncertainty, identity, globalization, preschool educational organization, spiritual and moral education, socially significant values, a person.

Тема толерантности сегодня актуализируется в связи с тем, что социально-этнические процессы, протекающие в условиях постиндустриального пространства, усложнения самых разных форм деятельности человека, весьма специфичны. Социальность в этом контексте существования личности приобретает еще большую значимость, а проблемы в сфере общения, влияния социума на сознание и поведение человека все чаще становятся предметом междисциплинарных исследований. Каковы же эти социальные изменения? В первую очередь, в условиях глобализации многократно усилены процессы миграции и адаптации большого количества людей к новым условиям существования, в том числе, и социального. Сегодня мы со всей очевидностью наблюдаем, что усиливаются негативные тенденции в сфере межличностных отношений, основанные на этнической и религиозной неприязни. Актуализация данной темы обусловлена еще и тем, что все эти девиации особенно остро проявляются в молодежной среде. Под воздействием масскультуры наблюдается духовная деградация, которая уже привела к появлению феномена «постчеловека» [29].

Виды и функции толерантности. Безопасное и свободное сосуществование различных этносов и конфессий на одной территории в условиях поликонфессиональности современного пространства возможно сегодня при условии целенаправленной работы по формированию толерантности в обществе с использованием ресурсов государства в образовательной, социальной, законодательной сферах. Толерантность сегодня действительно выступает в качестве социально значимой ценности. Усилия по формированию этого социально значимого личностного и социального качества, безусловно, связаны со сферой семьи, а также воспитания и образования на государственном уровне. Это ответственность взрослых, которые находятся рядом с ребенком, ведь начало зла, по словам Г. Спенсера, кроется в «бестолковом воспитании». Воспитание и образование

должны представлять собой единство и выступать в качестве цели и формы моделирования и организации личности (Л. С. Выготский) путем развития самостоятельности ребенка, а не за счет навязывания норм.

Обобщенно толерантность (от лат. *tolerantia* — терпение, терпеливость, принятие) — это термин, обозначающий терпимость к иному мировоззрению, образу жизни, поведению и обычаям.

Обращаясь к историческому контексту, можно указать, что одним из первых феноменов толерантности еще в эпоху античности осмыслил Перикл. Он долгое время был стратегом в Афинах. Именно поэтому этот мыслитель «прогнозировал» пути развития социума. Есть свидетельства его публичных выступлений «в защиту социальной терпимости как требования, обязательного для всей цивилизации» [26, с. 443]. Античный философ и государственный деятель подчеркивал особую роль терпимого отношения как к многообразию форм мировоззрения, так и к социальному поведению человека.

По В. Франклу, толерантность заключается в предоставлении другим права жить в соответствии с собственным мировоззрением [30, с. 471—472]. Толерантность необходима по отношению к особенностям различных народов, наций и религий.

Уже в XX веке факт принятия и подписания «Декларации принципов толерантности», утвержденной резолюцией 5.61 генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года, актуализировал толерантность как значимую ценность в человеческой культуре. В статье (пункт 1.1) мы находим следующее определение: «Толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность — это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая

и правовая потребность. Толерантность — это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира» [9, с. 133.]. Важно, что указанному нами документу предшествовал другой. Он был подписан в начале 80-х годов XX века на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН (13 ноября 1981 года). Речь идет о «Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости, дискриминации на основе религии или убеждений».

Толерантность в философском контексте рассматривается через призму значимых качеств личности и может быть объяснена как природно-детерминированное (Фейербах, Монтень) или усвоенное в процессе воспитания свойство (Э. Фром, З. Фрейд), а также как характеристика межличностных отношений (М. Бубер, Э. Левинас, М. Бахтин).

Толерантность всегда была в поле зрения исследователей самых различных отраслей знаний. Так, например, в работах многих авторов этот феномен рассматривается в социально-психологическом ключе. [3; 4; 5; 6; 14]. В работах С. Г. Ильинской углубляется изучение толерантности за счет рассмотрения этого феномена через призму психологии общения [13]. Наконец, еще одним аспектом изучения этого явления становится раскрытие феноменологии этнической толерантности в условиях поликонфессионального общества (А. Г. Асмолов, П. К. Гречко, Л. М. Дробизева) [1; 2; 19; 7; 10; 11].

Совершенно понятно, что определения толерантности, а также ее классификации разнятся и зависят от того, насколько «широко» или «узко» трактуется это понятие. Например, по мысли Г. Олпорта, в контексте современности усматриваются три вида толерантности.

1. Толерантность в плоскости системы установок. Они могут быть связаны с разными фактами, например, с этническими и расовыми различиями.

2. Толерантность как выражение конформности в контексте этнических проблем. Речь идет о конформной толерантности.

3. Толерантность в контексте черт характера. Такой вид толерантности предполагает готовность ее носителя к уважительному отношению к людям как таковым [20, с. 155].

Иначе говоря, толерантность можно определить как «овладение определенной философией толерантности как ценностью; как культуру толерантного сознания; как отношение к соответствующей действительности» [20, с. 155].

Градации видов/типов толерантности у разных авторов может не совпадать, хотя можно наблюдать и ряд сходных черт в методологических подходах к определению сущности толерантности. Например, в логике исследований Г. Д. Бардиера можно говорить о десяти видах толерантности: политическая; социально-экономическая; гендерная; межпоколенческая; управленческая; профессиональная; межэтническая; межконфессиональная; межкультурная; межличностная [3; 4].

На девять видов толерантности/(интолерантности) указывает Е. Ю. Жмырова. Основанием градации становится объект, по отношению к которому проявляется терпимость/нетерпимость к *другому*:

- к другим *взглядам, идеям, мнениям* (интеллектуальная);
- *этносу* (этническая);
- *вере* (конфессиональная);
- *культуре* (межкультурная);
- *полу* (гендерная);
- *сексуальной ориентации* (сексуальная);
- *состоянию здоровья* (медицинская);
- *возрасту* (возрастная);
- *социальной группе* (классовая) (курсив наш) [12, с.1265].

Важно подчеркнуть и те функции, которые выполняет толерантность в рамках историко-эволюционного подхода:

- обеспечивает устойчивость в развитии человека, социальных групп и человечества в целом (оно понимается как некое единство в разнообразии в условиях изменяющегося мира);
- определяет право на ценность каждого человека в его индивидуальности, это именно право быть другим;

— приводит к гармонии и балансу интересов противостоящих сторон в самых различных областях деятельности; эти области могут касаться экономики, политики, идеологии, а также принадлежать к политическому, социальному и межличностному взаимодействию отдельных людей и социальных групп (в больших и малых формах взаимодействия);

— позволяет выстроить диалог и вести переговоры, прийти к согласию и доверию между представителями разных мировоззрений, культур и религий [4]. Очевидно, что толерантность в указанном контексте должна рассматриваться как механизм поддержки и многообразия сложных систем. При этом расширяются возможности позитивной деятельности в непредсказуемых (стрессовых) ситуациях и устойчивость.

Толерантность к неопределенности. В научном дискурсе сегодня, помимо традиционного понимания толерантности как способности к устойчивости и терпимости по отношению к чему-либо, существуют и иные актуальные трактовки толерантности. Эпоха, в которой мобильность и рискогенность становятся ее значимыми характеристиками, фактически диктует изменения на личностном уровне. Нестабильность социального бытия, его непредсказуемость и непрочность актуализируют такое качество личности в каждом человеке, как сохранение личностной устойчивости. Процессы глобализации практически всегда связаны с усилением степени агрессии в обществе, с разного рода кризисами идентичности, умножением социальных конфликтов. Налицо склонность современного человека к рискофобиям, рискофилии. И на личностном уровне, и в социуме в целом наблюдается состояние повышенной тревожности, а также социальной дезориентации [27; 28]. В описанных обстоятельствах особую значимость приобретает не просто толерантность как таковая, но «толерантность к неопределенности» как особое личностное качество. Его присутствие в струк-

туре личности помогает человеку сохранить себя, свой личностный ресурс в любой неопределенной ситуации. Материалы исследований сегодня говорят о том, что феномен толерантности к неопределенности детерминируется не только как индивидуальная личностная способность человека и часть когнитивно-информационного процесса, но и как коммуникативная норма социального окружения [18]. При этом само понятие «толерантность к неопределенности» может трактоваться и в широком, и в более узком смысле.

В ситуации достаточно широкого понимания феномена толерантности к неопределенности — «... это способность человека принимать конфликт и напряжение, которые возникают в ситуации двойственности, противостоять несвязанности и противоречивости информации, принимать неизвестное, не чувствовать себя неуютно перед неопределенностью» [3].

Осмысливая феноменологию толерантности к неопределенности, и зарубежные, и отечественные исследователи, детерминируя явление в основном значении, высказывают довольно схожие мнения. «Толерантность к неопределенности» на современном этапе определяется как необходимое личностное качество человека. Более того, это генерализованная личностная способность, которая позволяет не только принимать конфликтную ситуацию, но и выдерживать характерное для нее напряжение в ситуации неопределенности. При этом личность может сохранять активность и умение действовать в новых, подчас неопределенных условиях [3; 8; 16; 17; 21]. Исследователи указывают также на характерное сочетание личностных дескрипторов человека, в качестве ведущих выделяются оптимизм и активность. Помимо личностных факторов выделяются также когниции, влияющие на процессы принятия решений, а также формирование особого стиля, регулирующего поведение и деятельность в целом в условиях рискогенности [15].

Если говорить о противопоставленном понятии, то интолерантность к неопределенности — явление, существующее в личностной, субъектной сфере. Оно связано с направленностью, ориентированностью мышления в сочетании с другими когнициями, на прозрачность, одномерность, однозначность и ясность. В потенциале такая установка мышления может доходить до неприятия любого *другого*, кроме собственного. Интолерантность — это и устойчивое стремление к «законности», к тому, чтобы во всем упорядочить не только свою, но и другую жизнь. Логичным при этом становится отторжение самой идеи неопределенности и фактическое, сознательное неумение/нежелание существовать в «новых», неизвестных, непривычных условиях. При этом наблюдается некое «раздвоенное» состояние мышления. Это разведение всего существующего в мире (идей, ценностей, интересов и мнений) лишь по принципу полярности и отсутствия иных вариантов. Это доминирование строго определенных принципов и правил и отвержение исключений. Указанный «набор» характерен для интолерантности к неопределенности.

Логично предположить, что противопоставлена такому способу мышления именно «толерантность к неопределенности», которая уже определена сегодня как генерализованное качество личности в условиях глобализации мира, утраты ценностных ориентиров и возникновения феномена «постчеловека» в философии постмодернизма. Как мы уже отмечали выше, в научном поле исследований в отношении толерантности можно встретить и широкое трактование этого феномена: «широкое историко-эволюционное понимание толерантности как социальной нормы, определяющей устойчивость к конфликтам в полиэтническом межкультурном обществе» [8, с. 7]. В когнитивном плане толерантность к неопределенности и осмысление таких явлений, как прогнозирование, оценивание вероятности риска и развития событий, а также умение принимать решения, безусловно, свя-

заны. Толерантность к неопределенности — показатель субъектного и личностного уровня. В нем выражено стремление к изменениям на уровне качества личности — готовность выбирать новое и оригинальное, не бояться этого выбора. Очевидно, что это равнозначное креативности целеполагание, связанное с решением открытых, сложных, нелинейных задач, это готовность к инновационному проектированию в контексте своей собственной жизни и развития социума.

Исследователи отмечают, что «толерантность к неопределенности» связана с таким личностным качеством человека, как «предприимчивость». Это явная интенция к изменениям и самоизменениям. Новизна и оригинальность в принятии решений свидетельствуют о том, что человек способен решать нетипичные, открытые задачи нелинейного характера. Такой человек способен принимать решения в условиях нестабильности и риска, способен прогнозировать и менять будущие события.

Постклассическая методология и ее парадигма неопределенности, риска, саморазвивающейся среды, множественности выбора, мобильности и других характерных черт эпохи акцентируется на важности толерантности к неопределенности. В ее логике указанный феномен не только определяется как личностный и детерминированный, но и описывается как проективный процесс. Это готовность человека принимать решения в постоянно меняющихся, новых для него условиях. На уровне самоидентификации толерантность к неопределенности прочно связана с открытостью к трансформации идентичности, готовностью к формированию позитивной идентичности, а также с умением сменять рефлексивные позиции. Значимо и то, что толерантность к неопределенности — это когнитивная мыслительная деятельность, совокупность таких мыслительных процессов человека, которые позволяют ему в дальнейшем принимать решения в условиях неопределенности, рискогенности.

Мы считаем, что актуализировать понятие «толерантность к неопределенности» важно не только на уровне его содержательного наполнения, но и в связи с возможностью объяснения межэтнических проблем через призму нового понимания толерантности. В практическом аспекте это может быть полезно в отношении формирования стратегий существования человека и социума в условиях неопределенности постмодернистского пространства, с его размытостью ценностных ориентиров. Напомним, что именно толерантность необходимо отнести к числу значимых ценностей современного социума, считать ее значимым качеством личности и фактором стабильного существования государства.

Человек — это существо, имеющее не только физиологическое строение, существо разумное, мыслящее, чувственное, идеологическое, содержательное, социально встроеное, вовлеченное, но и содержащее духовную природу. Развитая *Я-концепция* человека содержит как самоопределенность, персональную идентичность, так и групповую идентичность. Человек существо социальное, и, как мы его рассматриваем и воспринимаем, — в полной мере создается просвещением (А. В. Луначарский). От природы, от родителей человек получает в наследство «массив органических функций», но содержание его личности, то, что он будет знать, уметь и во что верить — зависит от просвещения, от практик воспитания и образования. Ж.-Ж. Руссо, ссылаясь на слова Платона, который отмечал, «что все знания, приобретенные человечеством, вся философия могут извлечь из души человеческой лишь то, что в нее вложила природа» [22, с. 145], считал, что «это верно в отношении наших чувств и наших мыслей, но неверно в отношении наклонностей, ибо их можно приобрести» [22, с. 145]. По мнению Ж.-Ж. Руссо, нельзя переделывать людей, ориентироваться на один и тот же образец. Дело даже не в изменении характера ребенка или целенаправленном подавлении его при-

родных качеств. Их как раз следует развивать, воспитывать, следить за тем, чтобы они не перерождались в отрицательные. Только так человек способен достигнуть всего, что от него возможно ожидать, во всех своих потенциальных талантах. Так природно заложенное в человеке дополняется в процессе воспитания и образования [22, с. 147]. На языке инновационной педагогики это называется человекоориентированное воспитание и образование.

Логично предположить, что целенаправленная работа в области воспитания толерантности должна начинаться не на уровне школы. Ее основы должны закладываться еще в семье и в дошкольной образовательной организации, где воспитательная и образовательная деятельность переплетены настолько тесно, что практически неотделимы друг от друга. Особую значимость в контексте воспитания толерантности приобретает досуговая деятельность в дошкольных образовательных организациях, которая в условиях пестрого этноконфессионального состава России сегодня может стать эффективным средством формирования ценностных ориентиров в указанной сфере не только у детей, но и у взрослых [31, 32, 33].

Педагоги-профессионалы в области дошкольного образования знают, насколько важна просветительская работа со взрослыми, в том числе в сфере этнокультурных и профессиональных представлений. В числе этих взрослых — и воспитатели, и родители. Еще Г. Спенсер отмечал, что «ответственность за недуги детей, за их тщедушность, слабость, за их страдания всецело падает на родителей <...> но они, с непростительной беспечностью, пренебрегли изучением тех жизненных процессов, на которые сами оказывают влияние» [23, с. 16]. В. А. Сухомлинский справедливо отмечал, что педагогическая культура родителей — это выполнение долга перед обществом, который заключается в воспитании молодого поколения, «поэтому прежде всего необходимо заботиться

о повышении педагогической культуры родителей...» [24, с. 402].

Здесь речь идет о духовно-нравственном просвещении детей и взрослых в рамках досуговой деятельности. Цель такой деятельности — знакомство с другими культурами, этносами именно на уровне ценностных ориентиров, безусловно, коренящихся и в традиционных религиях.

С точки зрения выполнения буквы Закона об образовании можно говорить о важности соблюдения Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) в области дошкольного образования, который определяет задачу воспитания, в том числе как «объединение обучения и воспитания в целостный образовательный процесс на основе духовно-нравственных и социокультурных ценностей и принятых в обществе норм поведения в интересах человека, семьи, общества» [25, с. 5—6]. На последующих возрастных и образовательных уровнях этот процесс должен быть «подхвачен», поддержан, а компетенции в этой области умножены. Безусловно, воспитание толерантности — это процесс векторный, имеющий множество аспектов, поэтому в соответствии с возрастными особенностями, приобретаемым опытом, изменением социального и профессионального статуса человека он может протекать в течение всей жизни; представления о *другом* расширяются и дополняются, а степень его принятия может вполне осознанно возрастать.

Библиографический список

1. **Асмолов А.Г. [и др.]** О смыслах понятия «толерантность» / А.Г. Асмолов, Г.У. Солдатова, Л.А. Шайгерова // Век толерантности: Научно-публицистический вестник. М.: МГУ, 2001. С. 8—18.
2. **Асмолов А. Г.** На пути к толерантному сознанию. М. : Смысл, 2000. 255 с.
3. **Бардиер Г.Л.** Комплексные методы исследования толерантности: автореф. дис. ... докт. психол. наук. СПб., 2007. 45 с.
4. **Бардиер Г.Л.** Социальная психология толерантности: дис. ... докт. психол. наук. СПб., 2007. 457 с.
5. **Бондарева Ю.М., Кадацких И.Ю.** Особенности конфликтного поведения современной студенческой молодежи // Территория науки. 2015. № 3. С. 26—29.
6. **Бондырева С. К., Колесов Д. В.** Толерантность (введение в проблему): учеб.-метод. пособие. 2-е изд., стер. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2011. 239 с. (Библиотека психолога).
7. **Гречко П. К.** Различия: от терпимости к культуре толерантности: учеб. пособие. М. : Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 2006. 415 с.
8. **Гусев А.И.** Толерантность к неопределенности: проблематика исследований // Практическая психология и социальная работа. 2007. № 8. С. 75—80.
9. Декларация принципов толерантности: Утверждена резолюцией 5.61. Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г. // Истоки толерантности: национальный психологический журнал. 2011. №2(6). С. 132—134.
10. **Дробижева Л. М.** Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М. : Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 376 с.
11. **Дробижева Л. М.** Социология межэтнической религиозной толерантности. М. : Изд-во Ин-та социологии РАН, 2003. 220 с.
12. **Жмырова Е. Ю.** О понятии «толерантность» и ее видах // Вестник ТГТУ. 2006. Т. 12, № 4Б. С. 1265—1269.
13. **Ильинская С. Г.** Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика. М. : Праксис, 2007. 285 с.
14. **Клесова С. В.** Воспитание толерантности у студенческой молодежи // Молодой ученый. 2012. № 4. С. 357—359.
15. **Корнилова Т. В.** Новый опросник толерантности к неопределенности // Психологический журнал. 2010. Т. 31, №1. С. 74—86.
16. **Корнилова Т. В.** Психология риска и принятия решений. М. : Аспект Пресс, 2003. 286 с.
17. **Корнилова Т. В., Чумакова М. А.** Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности

в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. 2014. Т. 7, № 1. С. 92—110.

18. **Лифинцев Д. В.** [и др.] Толерантность к неопределенности в контексте социальной поддержки: гендерная специфика в юности / Д. В. Лифинцев, А. Б. Серых, А. А. Лифинцева // Национальный психологический журнал. 2017. № 2(26). С. 98—105.

19. На пути к толерантному сознанию / Отв. ред. А. Г. Асмолов. М. : Смысл, 2000. 255 с.

20. **Олпорт Г.** Толерантная личность // Национальный психологический журнал. 2011. № 2(6). С. 155—156.

21. **Почебут Л. Г.** Взаимопонимание культур: методология и методы этнической и кросс-культурной психологии: психология межнациональной толерантности: учеб. пособие. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005. С. 239—277.

22. **Руссо Ж.-Ж.** Эмиль, или О воспитании / Пер. с франц. М.А. Энгельгардта. СПб. : Газ. «Шк. и жизнь», 1912. 491 с.

23. **Спенсер Г.** Воспитание умственное, нравственное и физическое / Пер. с англ. М. А. Лазаревой. 4-е изд. М. : ЛИБРОКОМ, 2020. 232 с.

24. **Сухомлинский В.А.** Избранные педагогические сочинения: в 3 т. Т 3. / Сост. О. С. Богданова, В. З. Смаль; ред. Н. П. Кузин и др.; предисл. Н.П. Кузина, А. Г. Дзевкина. М. : Педагогика, 1981. 639 с.

25. **Теплова А. Б.** Духовно-нравственное воспитание детей дошкольного возраста: метод. рекомендации. Самара: Вектор, 2020. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

26. **Уайтхед А. Н.** Избранные работы по философии / Пер. с англ., общ. ред. и вступ. ст. М. А. Кисселя. М. : Прогресс, 1990. 716 с.

27. **Удалова Л. В.** Личностное конституирование в эпоху терроризма: негативная и позитивная идентичность // Вестник ТвГУ. Серия: Философия. 2017. № 4. С. 66—71.

28. **Удалова Л. В.** Проблемы влияния современного терроризма на саморазвитие личности (социально-философский анализ): дис. ... канд. филос. наук. Мытищи, 2018. 173 с.

29. **Хоружий С. С.** Проблема постчеловека, или трансформативная антропология глазами

синергийной антропологии // Философские науки. 2008. № 2. С. 10—31.

30. **Frankl V. E.** Wörterbuch der Logotherapie und Existenzanalyse. Böhlau, 2008. S. 471—472.

31. **Kostadinovich D. D., BondarevaYa. V.** Dialogue as a method of modern education // Bulletin of the MSRU. Series: Philosophy. 2020. № 2. С. 27—34.

32. **Mikoshiba M., BondarevaYa. V.** The synthesis of mysticism and rationalism as a paradox of russian religious philosophy // Bulletin of the MSRU. Series: Philosophy. 2020. № 3. С. 55—62.

33. **Mikoshiba M., BondarevaYa. V.** «Russian wanderer in the spiritual worlds», or F. M. Dostoevsky's creative activity in the context of Russian religious philosophy // Bulletin of the MSRU. Series: Philosophy. 2021. № 1. С. 16—22.

Поступила 03.09.2021

Удалова Лариса Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры медиатехнологии и связи с общественностью Тверского государственного технического университета (170026, Тверская область, г. Тверь, наб. Аф. Никитина, д. 22), lv.udalova@mail.ru

Горшкова Светлана Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теологии Тверского государственного университета, (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), s.gorshkova@mail.ru

Мещерякова Лариса Яковлевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теологии Тверского государственного университета, (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), laara25@mail.ru

References

1. Asmolov A.G. [i dr.] O smyslah ponjatija «tolerantnost'» / A.G. Asmolov, G.U. Soldatova, L.A. Shajgerova // Vek tolerantnosti: Nauchno-publicisticheskij vestnik. M.: MGU, 2001. S. 8—18.

2. Asmolov A. G. Na puti k tolerantnomu soznaniyu. M. : Smysl, 2000. 255 s.

3. Bardier G.L. Kompleksnye metody issledovaniya tolerantnosti: avtoref. dis. ... dokt. psihol. nauk. SPb., 2007. 45 s.

4. Bardier G.L. Social'naja psihologija tolerantnosti: dis. ... dokt. psihol. nauk. SPb., 2007. 457 s.
5. Bondareva Ju.M., Kadackih I.Ju. Osobnosti konfliktnogo povedenija sovremennoj studencheskoj molodezhi // Territorija nauki. 2015. № 3. S. 26—29.
6. Bondyreva S. K., Kolesov D. V. Tolerantnost' (vvedenie v problemu): ucheb.-metod. posobie. 2-e izd., ster. M.: MPSI; Voronezh: MODJeK, 2011. 239 s. (Biblioteka psihologa).
7. Grechko P. K. Razlichija: ot terpmosti k kul'ture tolerantnosti: ucheb. posobie. M. : Izd-vo Rossijskogo un-ta družby narodov, 2006. 415 s.
8. Gusev A.I. Tolerantnost' k neopredelennosti: problematika issledovanij // Praktičeskaja psihologija i social'naja rabota. 2007. № 8. S. 75—80.
9. Deklaracija principov tolerantnosti: Utverzhdena rezoljuciej 5.61. General'noj konferencii Junesko ot 16 nojabrja 1995 g. // Istoki tolerantnosti: nacional'nyj psihologičeskij zhurnal. 2011. №2(6). S. 132—134.
10. Drobizheva L. M. Social'nye problemy mezhnacional'nyh otnoshenij v postsovetskoj Rossii. M. : Centr obshhechelovečeskikh cennostej, 2003. 376 s.
11. Drobizheva L. M. Sociologija mezhdnetnicheskoj religioznoj tolerantnosti. M. : Izd-vo In-ta sociologii RAN, 2003. 220 s.
12. Zhmyrova E. Ju. O ponjatii «tolerantnost'» i ee vidah // Vestnik TGTU. 2006. T. 12, № 4B. S. 1265—1269.
13. Il'inskaja S. G. Tolerantnost' kak princip političeskogo dejstvija: istorija, teorija, praktika. M. : Praksis, 2007. 285 s.
14. Klesova S. V. Vospitanie tolerantnosti u studencheskoj molodezhi // Molodoj učenij. 2012. № 4. S. 357—359.
15. Kornilova T. V. Novyj oprosnik tolerantnosti k neopredelennosti // Psihologičeskij zhurnal. 2010. T. 31, №1. S. 74—86.
16. Kornilova T. V. Psihologija riska i prinjatija reshenij. M. : Aspekt Press, 2003. 286 s.
17. Kornilova T. V., Chumakova M. A. Shkaly tolerantnosti i intolerantnosti k neopredelennosti v modifikacii oprosnika S. Badnera // Jeksperimental'naja psihologija. 2014. T. 7, № 1. S. 92—110.
18. Lifincev D. V. [i dr.] Tolerantnost' k neopredelennosti v kontekste social'noj podderzhki: gendernaja specifika v junosti / D. V. Lifincev, A. B. Seryh, A. A. Lifinceva // Nacional'nyj psihologičeskij zhurnal. 2017. № 2(26). S. 98—105.
19. Na puti k tolerantnomu soznaniju / Otv. red. A. G. Asmolov. M. : Smysl, 2000. 255 s.
20. Olport G. Tolerantnaja ličnost' // Nacional'nyj psihologičeskij zhurnal. 2011. № 2(6). S. 155—156.
21. Pochebut L. G. Vzaimoponimanie kul'tur: metodologija i metody jetnicheskoj i kross-kul'turnoj psihologii: psihologija mezhdnetnicheskoj tolerantnosti: ucheb. posobie. SPb: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2005. S. 239—277.
22. Russo Zh.-Zh. Jemil', ili O vospitanii / Per. s franc. M.A. Jengel'gardta. SPb. : Gaz. «Shk. i zhizn'», 1912. 491 s.
23. Spenser G. Vospitanie umstvennoe, nraštvennoe i fizičeskoe / Per. s angl. M. A. Lazarevoj. 4-e izd. M. : LIBROKOM, 2020. 232 s.
24. Suhomlinskij V.A. Izbrannye pedagogičeskie sočinenija: v 3 t. T 3. / Sost. O. S. Bogdanova, V. Z. Smal'; red. N. P. Kuzin i dr.; predisl. N.P. Kuzina, A. G. Dzeverina. M. : Pedagogika, 1981. 639 s.
25. Teplova A. B. Duhovno-nraštvennoe vospitanie detej doškol'nogo vozrasta: metod. rekomendacii. Samara: Vektor, 2020. 1 jelektron. opt. disk (CD-ROM).
26. Uajthed A. N. Izbrannye raboty po filosofii / Per. s angl., obshh. red. i vstup. st. M. A. Kisselja. M. : Progress, 1990. 716 s.
27. Udalova L. V. Ličnostnoe konstituirovanie v jepohu terrorizma: negativnaja i pozitivnaja identičnost' // Vestnik TvGU. Serija: Filosofija. 2017. № 4. S 66—71.
28. Udalova L. V. Problemy vlijanija sovremen-nogo terrorizma na samorazvitie ličnosti (social'no-filosofskij analiz): dis. ... kand. filos. nauk. Mytishhi, 2018. 173 s.
29. Horuzhij S. S. Problema postčeloveka, ili transformativnaja antropologija glazami sinerģijnoj antropologii // Filosofskie nauki. 2008. № 2. S. 10—31.
30. Frankl V. E. Wörterbuch der Logotherapie und Existenzanalyse. Böhlau, 2008. S. 471—472.
31. Kostadinovich D. D., Bondareva Ya. V. Dialogue as a method of modern education // Bulletin of the MSRU. Series: Philosophy. 2020. № 2. S. 27—34.

32. Mikoshiba M., BondarevaYa. V. The synthesis of mysticism and rationalism as a paradox of Russian religious philosophy // Bulletin of the MSRU. Series: Philosophy. 2020. № 3. S. 55—62.

33. Mikoshiba M., BondarevaYa. V. «Russian wanderer in the spiritual worlds», or F. M. Dostoevsky's creative activity in the context of Russian religious philosophy // Bulletin of the MSRU. Series: Philosophy. 2021. № 1. S. 16—22.

Submitted 03.09.2021

Udalova Larisa V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Media Technology and Public Relations Department, Tver State Technical University (170026, Tver region, Tver, 22 Af. Nikitin Ave.), lv.udalova@mail.ru

Gorshkova Svetlana E., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theology, Tver State University (170100, Tver, 33 Zhelyabova St.), s.gorshkova@mail.ru

Meshcheryakova Larisa Y., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Theology Department, Tver State University (170100, Tver, 33 Zhelyabova St.), laara25@mail.ru

Философия дизайна: современные аспекты комплексного проектирования упаковки

Г.И. Фазылзянова¹, С.А. Соловьева², В.Н. Шигорина²

¹ Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

² Череповецкий Государственный Университет

fgi1971@gmail.com

Проанализированы научные статьи по тематике дизайна упаковки молочной продукции с точки зрения философии потребностей постиндустриального общества. Выявлены критерии изменения логотипа в рамках концепции «дизайн, ориентированный на потребителя» в связи с факторами развития молочной отрасли. Определены особенности дизайна упаковки молочной продукции на примере ребрендинга крупных компаний-производителей. Доказано, что изменение потребительского отношения на базе ценности, удовлетворяющей психологическую потребность, расширяет границы профессиональной деятельности дизайнеров упаковки.

Ключевые слова: дизайн упаковки, философия дизайна, молочная продукция, бренд, ребрендинг, логотип, этикетка, потребитель

Design philosophy: modern aspects of integrated packaging design

G.I. Fazylzianova¹, S.A. Solovieva², V.N. Shigorina²

¹ National Research University of Electronic Technology, Moscow

² Cherepovets State University

fgi1971@gmail.com

Analyzed scientific articles on the design of packaging for dairy products from the point of view of the philosophy of the needs of the post-industrial society. The criteria for changing the logo in the framework of the concept of «consumer-oriented design» in connection with the factors of the development of the dairy industry have been identified. The specifics of packaging design for dairy products have been identified using the example of rebranding of large manufacturing companies. It has been proven that changing consumer attitudes based on a value that satisfies a psychological need expands the boundaries of the professional activity of packaging designers.

Keywords: packaging design, design philosophy, dairy products, brand, rebranding, logo, label, consumer.

Представители проектно-художественной деятельности в постиндустриальном обществе, осознавая «новый статус дизайна, его неограниченные возможности, значение в изменении не только предметного мира, но и человеческого, с необходимостью предполагают обращение к дизайну в рамках философской рефлексии» [10]. Чтобы ограничить круг исследования модели формообразования выделим соотношения, образующие связь формы с объективной детерминантой. Это форма-функция и форма-контекст — как результат проектных решений на основе образного осмысления и дизайн-исследования семантических и морфологических проблем современной культуры.

Для опытного дизайнера важно, какими инструментами и приемами он может овладеть, чтобы использовать для достижения результата и его применения в будущем. Даже если это интуитивное открытие, важно уметь пользоваться им и делиться своими разработками. В сфере дизайна существуют четкие предписания и указания, а также довольно общие установки, например, такие, которые были разработаны еще знаменитыми школами дизайна XX века — Баухауз и Оливетти. В конечном счете важны и те, и другие методики, поскольку влияние и возможности дизайна с каждым годом значительнее, а интерес к этой сфере только возрастает. Именно поэтому исследования в области философии дизайна наращивают обороты. Интерес к поиску новых методик и возможностей возрастает, особенно благодаря новым технологиям оценки мнения конечного потребителя. Все изыскания, все элементы специфики деятельности в сфере дизайна направлены на удовлетворение запросов потребителей: вид продукта должен оправдываться и предвосхищать их ожидания.

Дизайн упаковки играет большую роль в продаже, презентации и успешности отдельных товаров или всего бренда. Безусловно, универсальным носителем дизайна упаковки

является этикетка, но наибольшей привлекательностью и эффективностью обладает комплексное проектирование, где в основу концептуального и проектного решений заложены творческие и потребительские идеи, запросы. Актуальность философии дизайна связана с тем, что каждый покупатель предпочитает необычную упаковку с индивидуальным оформлением. Эстетическая и качественная упаковка служит покупателю продолжительное время, выполняя различные функции. Именно поэтому сейчас разработка дизайна упаковки является отдельным направлением в сфере графического и промышленного дизайна. Исходя из этого дизайн упаковки, разработанный для крупных российских представителей производства молочной продукции, представляет интерес в плане выявления современных особенностей проектирования и формирования дизайна упаковки.

Проблемам использования материала, из которого изготавливается упаковка молочной продукции, посвящены научные статьи о роли упаковки в развитии молочного рынка [4] и новых тенденциях в дизайне молочной продукции [9]. Проблемы выбора цветового решения дизайна упаковки поставлены в статье о воздействии цвета на восприятие потребителей [7]. Вопросы дизайна современной упаковки рассмотрены в исследовании ее использования на рынке молочной продукции [8], в обзоре трендов дизайна упаковки молочной продукции [3], в построении системы проектных заданий в графическом дизайне [1].

По оценкам исследовательского агентства INFOLine в 2020 г. значительно увеличился объем производимого сырого молока, так как в стране стало активно развиваться молочное животноводство [11]. Наибольший рост продукции наблюдается в сыроварении, производстве мороженого, сливочного масла и молочной сыворотки, а количество производимых йогуртов, наоборот, сократилось по причине повышения спроса на более

дешевые молочные продукты. В условиях падения доходов населения, снижения рождаемости, в сложной эпидемиологической обстановке с 2021 г. наблюдается спад потребления молочной продукции разного вида. Несмотря на это молочная отрасль продолжает активно развиваться благодаря инвестициям в сферы животноводства и переработки молока.

Мы выбрали для исследования продукцию российской компании Вимм-Билль-Данн и Дмитрогорского молочного завода, а также направление бизнеса зарубежной компании Danone в России, в части молочной продукции: молоко, кисломолочные продукты и напитки, сыры, творог и творожные продукты, йогурты и сливочное масло.

Обоснуем тезис о том, что дизайн-решение создает продукту определенную ценность, через образно-ассоциативные манипуляторные конструкции, оказывая тем самым эмоционально-психологическое воздействие. Например, рассмотрим продукцию Вимм-Билль-Данн под брендом «Чудо». Руководство компании решило существенно обновить имидж упаковки, чтобы удержать внимание потребителя, а также привлечь новую аудиторию, другими словами, идти в ногу со временем. Разработкой нового дизайна занимались лучшие специалисты дизайнерского отдела компании PepsiCo. Перед командой дизайнеров стоял ряд сложных задач: во-первых, сохранить привычный красный цвет упаковки как неотъемлемую часть бренда, во-вторых, сделать изменения заметными, выделяющими продукт среди многих других. По-словам специалистов, «Чудо» берет на себя важную миссию по объединению членов семьи и созданию «вкусных семейных моментов», в которых каждый видит себя частью большой сплоченной «Чудо-команды» [6]. Для этого дизайнеры разместили в обновленном логотипе сердце,

как символ любви, и придумали слоган «Моё любимое чудо», который стал в скором времени широко известным. Логотип следовало размещать только на красном фоне, но после внесения изменений блок логотипа был закрыт, что сделало его универсальным: теперь логотип может быть размещен на фоне любого цвета или использоваться отдельно от упаковки. Для всех надписей дизайнеры разработали единую архитектуру, и разместили её на флаге под логотипом. Такой подход помог систематизировать всю линейку продуктов бренда «Чудо», отсортировать по категориям — от питьевого йогурта до взбитого двухслойного творога.

Торговая марка молочной продукции «Домик в деревне» (выпускается с 1997 г.) является первым брендом компании Вимм-Билль-Данн. Определение и образное решение главной композиции (бабушка на фоне домика) даны дизайнером Андреем Сечиным и основаны на концептуальных и когнитивных прототипах, сформированных посредством заимствований названий литературных произведений: «Домик в Коломне» А.С. Пушкина и «Месяц в деревне» И.С. Тургенева¹, т.е. репрезентации литературных образов и заимствовании их элементов, согласно когнитивной семантике. Целью и обоснованием редизайна упаковки продукции «Домик в деревне» в 2009 году явилось «выделение товаров компании среди конкурентов на полках магазинов за счет образно-визуального качества “натурального состава продуктов” как основного преимущества»². В 2019 г. следующий редизайн элементов образной и графической составляющих рекламной коммуникации этого бренда имел целью показать воздействие самых натуральных, полезных молочных продуктов на организм: бабушка изображена здоровой, полной и светловолосой, что подчеркивает и форма очков³. На создание восприятия

¹ URL: <https://AdIndex.ru/news/design/2019/08/29/274844.phtml> (дата обращения 03.06.2021).

² URL: <https://AdIndex.ru/news/design/2019/08/29/274844.phtml> (дата обращения 03.06.2021).

продуктов как «самых натуральных и молочных» направлены композиционные, шрифтовые и колористические изменения в сторону осветления и минимализма.

Бренд «Простоквашино» компании Danone обязан своим успехом стратегии развития бизнеса, которая оказалась эффективной. Совместно с брендинговым агентством DEPOT WPF компания Юнимилк (Danone и Юнимилк объединили молочный бизнес в России и странах СНГ) провела качественный ребрендинг всей линейки молочных продуктов. Основной задачей, стоявшей перед DEPOT WPF, была разработка такого дизайна упаковки, который выделил товары бренда «Простоквашино» в блок категории «на полке», обеспечил различия в упаковках продуктов с разными наполнителями и разным содержанием жира, а также помог бы разделить товарные категории в рамках одного корпоративного стиля. Предложение применить прозрачную ПЭТ-бутылку для упаковки молочных продуктов стало в 2004 г. революционным для российского рынка. Затем и другие производители переняли такой ход. В 2008 г. было принято решение провести ребрендинг, в результате которого выбраны основные цвета упаковок продукции бренда «Простоквашино» — синий и белый. Изображение на этикетке синего неба, зеленых лугов и деревенских домиков имело целью усилить ассоциацию чистого и натурального деревенского продукта. Рекламный образ бренда — кот Матроскин. Композиция рекламного образа в логотипе отвечает основной идее: кот как бы выныривает из-под контура логотипа, что даёт ассоциацию молочной реки изобилия. На синем фоне логотипа название продукта и бренда белое, контур логотипа желтый. Часть этикетки, не закрытая логотипом, похожа на тельняшку кота Матроскина, благодаря горизонтальным синим полосам на белом фоне.

Далее реклама бренда строилась на идейном содержании, соответствующем свежему молоку: продукт естественного происхождения, молочное животноводство на деревенском просторе, — благодаря чему понятие «свежесть» стало ключевым элементом коммуникации бренда «Простоквашино». Брендинговое агентство VIEWPOINT провело следующий ребрендинг дизайна продукции «Простоквашино» в 2014 г. В новом дизайне сохранены классические синие полосы и немного видоизменен образ кота Матроскина. Это разработка этикетки запланированных к выпуску новинок: десертной группы, сметанных соусов и детских продуктов. Специально для презентации и рекламы этих продуктов на обновленную упаковку были добавлены иллюстрации с изображением клубники, топленого масла, грибов и др. [12].

Помимо бренда «Простоквашино» французской компании Danone в России популярен бренд «Activia». Его обновлением занималось ведущее агентство FutureBrand, реализующее программы трансформации брендов для крупных международных корпораций. Линейка продуктов после редизайна очень разнообразна. Неизменным остался зеленый фон и шрифт. В зависимости от наполнителя на упаковке размещены изображения ягод и фруктов. Эффективность и баланс символизирует новый значок бренда, состоящий из двух вложенных фигур. В тестировании бренда приняли участие 15000 потребителей на семи ключевых рынках — США, Великобритания, Франция, Испания, Германия, Бразилия, Россия. Маркетинговая политика продвижения бренда, мировое позиционирование «стартовало» в сентябре 2016 года в 35 странах⁴.

У бренда «Дмитрогорский продукт» довольно большая история, он основан ещё в 1997 г. [5]. Для молочных изделий Дмитрогорского

³ URL: <https://AdIndex.ru/news/design/2019/08/29/274844.phtml> (дата обращения 03.06.2021).

⁴ Морозова С. Danone проводит ребрендинг Activia [Электронный ресурс] // Adindex (2016).. URL: <https://adindex.ru/news/marketing/2016/09/26/137197.phtml/> (дата обращения: 20.04.2021).

завода разрабатывало дизайн этикеток агенство Wellhead. Торговая марка «Дмитрогорский продукт» для молочных продуктов агропромышленного холдинга Агропромкомплектация является зонтичным брендом. В производстве изделий используются только натуральные продукты и не используются генно-модифицированные организмы. Перед современным дизайном стояла задача подчеркнуть натуральность, качество и свежесть молочных продуктов. В ходе разработки нового дизайна упаковки и логотипа компании использовались экологические знаки и символы hand-made. На экологическую чистоту продукта в логотипе указывает изображение зеленого листочка, а бечевка в упаковке дополняет образ натурального продукта. Эти атрибуты и сегодня подчеркивают высокое качество молочной продукции, производимой без консервантов и ГМО.

Подведем итог. Анализ изменения брендов показал особенности философии дизайна, которые следует учитывать в комплексном проектировании упаковки молочной продукции.

1. *Минимализм.* Проявляется в упрощенных графических элементах, отсутствии лишних эффектов, таких как контуры и тени, в шрифте без усложняющих элементов, засечек и излишней декоративности. Благодаря минимализму композиция выглядит более легкой.

2. *Приближенность к природе.* Натуральные цвета упаковки дают эффект естественности, указывают на экологичность продукта. Отсюда следует, что в дизайне упаковки следует избегать «кислотных» неестественных оттенков.

3. *Однозначность:* информация на упаковке полностью соответствует содержанию, без лишних ассоциативных рядов.

4. *Цветовое кодирование.* Соблюдение четких цветовых акцентов характерно для основных категорий молочных продуктов во всей линейке производимой фирмой товаров.

Добавим, что в дизайне упаковки также учитывается размещение товара на полках магазинов — в целях образования индивидуального визуального ряда, привлекающего взгляд покупателя.

Исходя из особенностей философии дизайна, рассмотренных на примерах изменения дизайна этикеток и логотипов, можно выделить современные аспекты комплексного проектирования упаковки молочной продукции: многофункциональность, минимализм, однозначность образно-ассоциативных решений, цветовое кодирование, экологичность, ориентированность на потребителя.

Как подчеркивает Т.С. Бастрыкина, человек в современном обществе противостоит «возрастающему многообразию различных концепций знания, способов ориентации» [2], поэтому «дизайн является наиболее удобной областью для исследования философских и эстетических проблем», так как он изначально возник как ответ на эстетические и ценностные вызовы постиндустриального общества. Сегодня перед дизайном упаковки стоит задача выявления и решения имплицитных проблем современности — антропологических, аксиологических, коммуникативных, эстетических и др.

Концепция «дизайн, ориентированный на потребителя» является ведущей при создании дизайна упаковки. Изменения потребительского отношения на базе ценности, удовлетворяющей психологическую потребность, расширяет границы профессиональной деятельности дизайнеров упаковки.

Библиографический список

1. *Ажгихин С.Г.* Особенности системы проектных заданий в графическом дизайне (на примере дизайна упаковки) // Преподаватель XXI век. 2010. № 1. С. 55—62.
2. *Бастрыкина Т. С.* Формообразование как проблема философско-эстетического исследования:

автореф. дис. канд. филос. наук. Москва, 2000. 23 с.

3. **Бокарева В.** Топ-10 трендов дизайна упаковки молочной продукции (14.10.2019) [Электронный ресурс] // Unipack.Ru.: отраслевой портал. URL: <https://article.unipack.ru/76532/> (дата обращения: 20.04.2021).

4. **Гнилов А.А., Кальсин С.Л.** Оптимистичный взгляд со стороны. Представители смежной отрасли картонной упаковки - о развитии молочного рынка // ЭКО. 2016. № 6(504). С. 29 -35

5. История бренда [Электронный ресурс]// ДмитроГорский продукт: [сайт]. URL: <https://www.dmitrogorsky.ru/o-brende/istoriya-brenda/> (дата обращения 30.08.2021)

6. Кейс Секрет молочного «Чуда» (28 декабря 2020) [Электронный ресурс] / Milknews: информ. агентство. URL: <https://milknews.ru/longridy/Sekret-molochnogo-Chuda.html/> (дата обращения: 19.03.2021).

7. **Ковалева Л.А., Кострыкина С.А.** Воздействие цвета в дизайне упаковки молочных продуктов на восприятие потребителей // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 50. С. 197-203.

8. **Копырин С.Е.** Использование современной упаковки на рынке молочной продукции // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2017. Т.3, №13. С. 201-206.

9. **Пономарева Е.** Новые тенденции в упаковке молочной продукции (24.09. 2019) [Электронный ресурс] // Лаборатория трендов. URL: <https://t-laboratory.ru/2019/09/24/novye-tendencii-v-upakovke-molochnoj-produkcii/> (дата обращения 03.06.2021).

10. **Философия дизайна: учеб.-метод. пособ.** / А. И. Лойко, Е. К. Булыго, Е. Б. Якимович. Минск: БНТУ, 2017. 73 с.; URL: https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/32889/Filosofiya_dizajna.pdf?sequence=3&isAllowed=y (дата обращения 03.06.2021)

11. **INFOline:** Актуальные тренды на молочном рынке России и мира (231 января 2021) [Электронный ресурс] // RETAIL.RU. URL: https://www.retail.ru/tovar_na_polku/infoline-aktualnye-trendy-na-molochnom-rynke-rossii-i-mira/ (дата обращения: 10.04.2021).

12. Viewpoint представил ребрендинг «Простоквашино» (05.08.2019) [Электронный ресурс] /Unipack.Ru.: отраслевой портал. URL: <https://news.unipack.ru/75602/> (дата обращения: 19.03.2021)

Поступила 04.06.2021

Фазылыязнова Гузалия Ильгизовна — доктор культурологии, профессор, профессор кафедры инженерной графики и дизайна Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники» (Россия, 124498, г. Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, 1), fgi1971@gmail.com

Соловьева Светлана Александровна — канд. филос. наук, доцент кафедры Социальных коммуникаций и медиа, Череповецкий государственный университет, (162602, Вологодская область, город Череповец, проспект Луначарского, 5), ssa_doc@mail

Шигорина Виктория Николаевна — ст. преподаватель кафедры Социальных коммуникаций и медиа, Череповецкий государственный университет, (162602, Вологодская область, город Череповец, проспект Луначарского, 5), Viktorynik2012@yandex.ru

References

1. **Azhgikhin S.G.** Osobennosti sistemy proyektnykh zadaniy v graficheskom dizayne (na primere dizayna upakovki) // Prepodavatel' XXI vek. Soderzhaniye i tekhnologii obrazovaniya. 2010. № 1. S. 55–62

2. **Bastrykina T.S.** Formoobrazovaniye kak problema filosofsko-esteticheskogo issledovaniya : avtoref. dis. kand. filos. nauk . Moskva, 2000. 23 s

3. **Bokareva V.**, Trendy dizayna upakovki molochnoy produktsii: segodnya i zavtra // otraslevoy portal, [Elektronnyy resurs] / Sayt UNIPACK.RU [2019]. Rezhim dostupa: <https://article.unipack.ru/76532/> (data obrashcheniya: 20.04.2021).

4. **Gnilov A.A., Kal'sin S.L.** Optimistichnyy vzglyad so storony. Predstaviteli smezhnoy otrasli kartonnoy upakovki - o razvitii molochnogo rynka // Vserossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal EKO. 2016. №6. S. 29–35

5. Istoriya brenda [Elektronnyy resurs] / Sayt Dmitrogorskiy produkt [2018]. Rezhim dostupa: <https://www.dmitrogorsky.ru/o-brende/istoriya-brenda/> (data obrashcheniya: 30.08.2021).

6. Keys Sekret molochnogo «Chuda». [Elektronnyy resurs] / Sayt Milknews [2020]. Rezhim dostupa: <https://milknews.ru/longridy/Sekret-molochnogo-Chuda.html> (data obrashcheniya: 19.03.2021).

7. **Kovaleva L.A., Kostrykina S.A.** Vozdeystviye tsveta v dizayne upakovki molochnykh produktov na vospriyatiye potrebitелей // Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. 2010

8. **Kopyrin S. Ye.** Ispol'zovaniye sovremennoy upakovki na rynke molochnoy produktsii // Aktual'nyye problemy aviatsii i kosmonavтики. 2017. S. 201-206

9. **Ponomareva Ye.** Novyye tendentsii v upakovke molochnoy produktsii // Molochnaya promyshlennost'. 2019. № 2. S. 50-51.

10. Filosofiya dizayna: ucheb.-metod. posob. / A. I. Loyko, Ye. K. Bulygo, Ye. B. Yakimovich. Minsk: BNTU, 2017. 73 s.; URL: https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/32889/Filosofiya_dizajna.pdf?sequence=3&isAllowed=y (data obrashcheniya 03.06.2021)

11. INFOLine: Aktual'nyye trendy na molochnom rynke Rossii i mira [Elektronnyy resurs] / Sayt RETAIL.RU [2021]. Rezhim dostupa: https://www.retail.ru/tovar_na_polku/infoline-aktualnye-trendy-na-molochnom-rynke-rossii-i-mira/ (data obrashcheniya: 10.04.2021).

12. Viewpoint predstavil rebrending «Prostokvashino» [Elektronnyy resurs] / Sayt UNIPACK.RU [2019]. Rezhim dostupa: <https://news.unipack.ru/75602/> (data obrashcheniya: 19.03.2021).

Submitted 04.06.2021

Fazylzianova G. I., Doctor Culture Science, professor, Professor of engineering graphics and design Department, National Research University of Electronic Technology (MIET) (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, pl. Shokina, 1), fgi1971@gmail.com

Solovyova Svetlana A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Social Communications and Media, Cherepovets State University, (162602, Vologda Region, Cherepovets, Lunacharsky Ave., 5), ssa_doc@mail

Shigorina Victoria N., Senior Lecturer, Department of Social Communications and Media, Cherepovets State University, (162602, Vologda Oblast, Cherepovets, Lunacharskogo Avenue, 5), Viktorynik2012@yandex.ru

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КООРДИНАТ: ОБРАЗОВАНИЕ,
ВОСПИТАНИЕ, РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА
PEDAGOGICAL COORDINATE SYSTEM EDUCATION, UPBRINGING,
HUMAN DEVELOPMENT**

УДК 2.756: 658.512.2

DOI: 10.24151/2409-1073-2021-3-155-159

**Исследование методов имитационного компьютерного моделирования
и визуализации сложных технологических процессов на кафедре
инженерной графики и дизайна НИУ МИЭТ**

Т.Ю. Соколова¹, Г.И. Фазлыязнова¹

*¹Национальный исследовательский университет «Московский институт
электронной техники»*

fgi1971@gmail.com

Приводится обзор тематики бакалаврских и магистерских проектных исследований кафедры инженерной графики и дизайна НИУ МИЭТ. Анализируются результаты исследований. На основе проведенного анализа даются рекомендации в отношении реализации виртуальных производственных пространств и технологического оборудования, выбора технологии интерактивной визуализации, разработки эффективного рабочего процесса от трехмерной модели до интерактивного модуля в составе VR-приложения, разработки макетов и шаблонов интерфейсов.

Ключевые слова: инженерная графика, дизайн, дипломный проект, визуализация виртуальных пространств, трехмерная модель.

**Research of methods of simulation computer modeling and visualization
of complex technological processes at the Department
of Engineering Graphics and Design of NRU MIET**

T.Y. Sokolova¹, G.I. Fazilzyanova¹

¹National Research University Moscow Institute of Electronic Technology

fgi1971@gmail.com

The article provides an overview of the topics of bachelor's and master's design studies of the Department of Engineering Graphics and Design of NIU MIET. The research results are analyzed. Based on the analysis, recommendations are given regarding the implementation of virtual production spaces and technological equipment, the choice of interactive visualization technology,

the development of an effective workflow from a three-dimensional model to an interactive module as part of a VR application, the development of layouts and interface templates.

Keywords: engineering graphics, design, diploma project, visualization of virtual spaces, three-dimensional model.

Научной темой кафедры инженерной графики и дизайна (ИГД), определяющей тематику бакалаврских и магистерских проектных исследований, является исследование методов имитационного компьютерного моделирования и визуализации сложных технологических процессов с применением инструментов виртуальной и дополненной реальности. Научной и инфраструктурной базой проведения исследования является Центр виртуального прототипирования Национального исследовательского университета «МИЭТ» (НИУ МИЭТ). Помимо технической направленности проектов, на базе кафедры разрабатываются проекты гуманитарной тематики. Например, цифровые интерактивные путеводители по историческим маршрутам в виртуальном ландшафте, реконструкции облика исторических и архитектурных объектов в пространстве виртуальной реальности, в том числе безвозвратно утраченных.

Проектные исследования на кафедре имеют три направления: исследование методов построения и визуализации производственных пространств с необходимой долей упрощения и акцентирования внимания на наиболее значимых элементах, создание виртуальных моделей производственных участков; исследование и создание цифровых программных моделей собственно процессов, позволяющих имитировать различные условия производства реальных изделий с различным набором входных данных; исследование, разработка дизайна и реализация интерфейсов взаимодействия человека и моделей оборудования в имитационной среде с использованием технологий виртуальной и дополненной реальностей.

Результатами проведенных исследова-

ний стали: анализ возможностей для реализации виртуальных производственных пространств и технологического оборудования, выбор технологии воссоздания и интерактивной визуализации, разработка эффективного рабочего процесса от трехмерной модели до интерактивного модуля в составе VR-приложения, выбор инструментария для создания интерактивных моделей в пространстве виртуальной реальности с возможностью использования в традиционном варианте, разработка макетов и шаблонов интерфейсов.

Для построения и визуализации производственных пространств и технологического оборудования исследованы современные средства получения моделей на основе реальных объектов — фотограмметрия и лазерное сканирование. Оба этих метода позволяют получить модели объектов любой сложности в масштабе один к одному. В качестве базового был выбран метод фотограмметрии как более универсальный и не требующий дорогостоящего оборудования и программного обеспечения. К недостаткам этого метода стоит отнести меньшую точность и большие временные затраты на построение модели по сравнению с лазерным сканированием. Но так как результаты в обоих случаях непригодны к использованию напрямую, в реальном времени, и требуют доработки (оптимизация, ретопология), то достоинства фотограмметрии перекрывают недостатки.

В качестве окончательного инструмента рассматривался целый ряд продуктов, которые условно можно разделить на специализированные и универсальные. К сожалению, специализированные программные решения, хотя и позволяют получить результат за минимальное время, не предоставляют поль-

зователю достаточно возможности для анимации. Также во многих случаях неудовлетворительными являются качество изображения, с точки зрения реалистичности, и возможности расширения. Универсальные инструменты (Unreal, Unity, Unigine) предпочтительнее, так как позволяют решать ничем не ограниченные задачи взаимодействия и реалистичной визуализации, в том числе в VR/AR. При этом все эти средства доступны в поставке, но требуют доработки под конкретную задачу, которая выполняется достаточно быстро.

При исследовании интерфейсов в формате VR/AR современным решением является управление без применения дополнительных устройств (контроллеров), при помощи сканирования рук пользователя. Современные шлемы VR обладают всем необходимым для реализации такого метода взаимодействия, но возможно и применение специальных устройств, например, LeapMotion, в связке со шлемом VR.

«Слабым звеном» в использовании VR-технологий является собственно шлем виртуальной реальности. При постоянном улучшении качества изображения устройства остаются достаточно громоздкими и неудобными. Также следует учитывать индивидуальные особенности пользователей: проблемы со зрением, вестибулярным аппаратом, психикой. Поэтому параллельно прорабатывалась возможность использования традиционных приложений, не требующих гарнитуры виртуальной реальности, но при этом с полным сохранением функционала.

Особое внимание должно быть уделено исследованию и дизайну VR-интерфейса, так как для среды виртуальной реальности обычные экранные интерфейсы не всегда удобны, даже если они перенесены на виртуальные экраны. Выпадающие подсказки, виртуальные указатели и т.д. должны быть читаемыми в случае текста и легко распознаваемыми в случае пиктограмм. Также имеет смысл ис-

пользовать объемные анимированные элементы интерфейса. Следует учитывать несколько менее высокую точность и «дребезг» указывающих устройств по сравнению с традиционными (мышь, тачпад)

В НИУ МИЭТ были апробированы современные подходы в области цифровизации проектных решений на примере «моделирования сложных систем в технологиях виртуальной реальности», в частности, в проектировании элементов цифрового контента и VR-интерфейсов были использованы концептуальные и визуальные решения в рамках проектных разработок студентов кафедры ИГД.

Результатом апробации явился интерактивный гибридный продукт по микроэлектронной технологии производства МЭМС в технологиях виртуальной реальности и разработанной методической базы, который лег в основу проекта «Организация профориентационной лаборатории для школьников по отраслевым направлениям промышленности».

Целью проекта являлось: «Создание условий для предоставления школьникам возможности ознакомления с продукцией, технологией и научно-производственной инфраструктурой предприятий по различным отраслевым направлениям (микроэлектроника, электроника, системы управления, машиностроение, автомобилестроение, робототехника и т.д.) на примере моделирования сложных систем в технологиях виртуальной реальности».

Профориентационный комплекс был создан на базе НИУ МИЭТ: Центр Виртуального прототипирования кафедры ИГД, Цифровая интерактивная лаборатория Детского технопарка «СМАРТ-ПАРК», — при сотрудничестве с индустриальным партнером АО «Зеленоградский нанотехнологический центр» (ЗНТЦ) и при поддержке Фонда содействия инновациям¹.

¹ URL: <https://dt.miet.ru/mems/info>

Работа с комплексом дала возможность реализовать ключевые технологические операции в режиме виртуальной реальности на оборудовании ЗНТЦ. Перед выходом на виртуальное производство школьники проходили краткий ознакомительный курс, который давал представление о применении микроэлектронных изделий, созданных по МЭМС-технологиям, о принципе действия таких изделий и о МЭМС-технологии их производства.

Интерактивный Профориентационный комплекс состоит из пяти программных модулей: мультимедийное пособие; интерактив «Конструирование МЭМС»; интерактив-обучение «Технология МЭМС»; интерактив-тестирование «Технология МЭМС»; интерактив «VR-изготовление МЭМС на производстве».

Обучающимся предоставляется возможность изучить и пройти ключевые технологические операции на производственном оборудовании в режиме виртуальной реальности. Созданный интерактивный комплекс обеспечивает тестирование обучающихся. При создании виртуальных производственных участков и технологического оборудования использовалась реальная производственная инфраструктура предприятия.

Апробация проводилась на базе Детского технопарка «СМАРТ-ПАРК» НИУ МИЭТ. Основные направления деятельности Детского технопарка «СМАРТ-ПАРК»: предоставление и обеспечение обучающимся возможностей по демонстрации своих профессиональных навыков в сфере технического и научно-технического творчества, формирование механизмов сетевого взаимодействия с высокотехнологичными предприятиями и организациями инновационного территориального кластера Зеленоград, формирование у обучающихся интереса к НИУ МИЭТ, не только как к научному и образовательному учреждению, но и центру VR-технологий и VR-проектов, раскрывающих через визуализацию процесса имитационного моделирования сложные системы и объекты реального мира.

Библиографический список

1. **Говорунов А.** Человек в ситуации виртуальной реальности [Электронный ресурс] // Anthropology: web-кафедра философской антропологии, 2006. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/govorunov-av/chelovek-v-situacii-virtualnoy-realnosti> (дата обращения 03.06.2021).
2. **Йентофт М.** Московское метро — подземное зеркало истории России [Электронный ресурс] // ИноСМИ.Ru: интернет-проект. (19.04.2016). URL: <https://inosmi.ru/social/20160419/236190149.html> (дата обращения 03.06.2021).
3. **Носов Н. А.** Виртуальная психология. М.: Аграф. 2000. Т. 432. С. 10.
4. **Михайлина Е.Н.** Виртуальная реальность как новый способ взаимодействия с реальностью // Компьютер и визуальная культура дизайна в контексте эстетических, онтологических, аксиологических проблем и проектных технологий (цифровая революция — 2017): сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 147—151.
5. **Hsu J.** 4 Things I learned Designing User Interfaces for VR at Disney: [Electronic resource] // Medium — a place to read and write big ideas and important stories. Access mode: <https://medium.com/startup-grind/4-things-i-learned-designing-user-interfaces-for-vr-cc08cac9e7ec> (access date 03.06.2021).

Поступила 13.09.2021

Соколова Татьяна Юрьевна — канд. техн. наук, доцент, зав. кафедры инженерной графики и дизайна, Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» (Россия, 124498, г. Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, 1), fgi1971@gmail.com

Фазылынова Гузалия Ильгизовна — доктор культурологии, профессор, профессор кафедры инженерной графики и дизайна Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники» (Россия, 124498, г. Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, 1), fgi1971@gmail.com

References

1. Govorunov A. Chelovek v situacii virtual'noj real'nosti [Elektronnyj resurs] // Anthropology: web-kafedra filosofskoj antropologii, 2006. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/govorunov-av/chelovek-v-situacii-virtualnoy-realnosti> (data obrashhenija 03.06.2021).
2. Jentoft M. Moskovskoe metro — podzemnoe zerkalo istorii Rossii [Elektronnyj resurs] // InoSMI.Ru: internet-proekt. (19.04.2016). URL: <https://inosmi.ru/social/20160419/236190149.html> (data obrashhenija 03.06.2021).
3. Nosov N. A. Virtual'naja psihologija. M.: Agraf. 2000. T. 432. S. 10.
4. Mihajlina E.N. Virtual'naja real'nost' kak novyj sposob vzaimodejstvija s real'nost'ju // Komp'juter i vizual'naja kul'tura dizajna v kontekste jesteticheskikh, ontologicheskikh, aksiologicheskikh problem i proektnyh tehnologij (cifrovaja revoljucija — 2017): sbornik trudov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2017. S. 147—151.
5. Hsu J. 4 Things I learned Designing User Interfaces for VR at Disney: [Electronic resource] // Medium — a place to read and write big ideas and important stories. Access mode: <https://medium.com/startup-grind/4-things-i-learned-designing-user-interfaces-for-vr-cc08cac9e7ec> (access date 03.06.2021).

Submitted 13.09.2021

Fazylzyanova G. I., Doctor Culture Science, professor, Professor of engineering graphics and design Department, National Research University of Electronic Technology (MIET) (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, pl. Shokina, 1), fgi1971@gmail.com

Sokolova T. Yu., Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Head of Department of Engineering Graphics and Design, National Research University «Moscow Institute of Electronic Technology» (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokina sq. 1), fgi1971@gmail.com

**Новые задачи органов милиции
в годы Великой Отечественной войны**

В.В. Баранов¹, А.С. Беркутов²

¹*Министерство обороны Российской Федерации*

²*НЦСИ Росгвардии*

Рассмотрены новые задачи, возложенные на органы милиции в годы Великой Отечественной войны, связанные с укреплением тыла и содействием фронту. Показана роль милиции в осуществлении эвакуации крупных предприятий военной и базовых отраслей промышленности в восточные регионы страны, в поддержании общественного порядка в находившихся на осадном положении городах, в организации пропускной системы на проезд по железнодорожному и водному транспорту и задержании преступных элементов и дезертиров. Раскрыты специфические задачи органов милиции по укреплению тыла и содействию фронту.

Ключевые слова: Народный комиссариат внутренних дел, Главное управление милиции, военное положение, эвакуация, пропускная система, дезертиры.

**New tasks of the Police in the years
the Great Patriotic war**

V.V. Baranov¹, A.S. Berkutov²

¹*Ministry of Defense of the Russian Federation*

²*NTSSI Rosgvardia*

The new tasks assigned to the militia bodies during the Great Patriotic War, related to strengthening the rear and assistance to the front, are considered. The role of the militia in the evacuation of large enterprises of the military and basic industries to the eastern regions of the country, in maintaining public order in cities under siege, in organizing a pass system for travel by rail and water transport and arresting criminal elements and deserters is shown. The specific tasks of the militia bodies to strengthen the rear and assist the front are revealed.

Keywords: People's Commissariat of Internal Affairs, Main Police Department, martial law, evacuation, access control system, deserters.

В годы Великой Отечественной войны руководством страны перед органами милиции были поставлены новые задачи, связанные с укреплением обороноспособности страны, обеспечением нормальной работы тыла и содействием фронту. Помимо увеличения объема работы по обеспечению государственной и общественной безопасности, которые приобрели в условиях войны особое значение, милиция выполняла ряд специальных заданий правительства, связанных с проведением мероприятий политического и военно-хозяйственного значения.

Военная обстановка потребовала срочно реорганизовать и перестроить работу органов и подразделений милиции, сделав их более подвижными и боеспособными. Личный состав строевых подразделений милиции сразу был переведен на казарменное положение. Новые задачи милиции, связанные с укреплением тыла и содействием фронту, значительно расширили круг обязанностей милиции. Задачи милиции мирного времени были дополнены такими серьезными задачами военного времени, как:

- 1) борьба с дезертирами и лицами, уклоняющимися от военной службы и призыва в Красную армию, а также розыск дезертиров;
- 2) борьба с паникерами, мародерством, распространителями провокационных слухов;
- 3) очистка городов, находящихся на особых режимах, и оборонно-хозяйственных пунктов от подозрительных и сомнительных элементов;
- 4) борьба с хищением и кражами эвакуированных и военных грузов;
- 5) выявление на транспорте среди пассажиров вражеских элементов и лиц, вызывающих подозрение;
- 6) служба заграждения на железнодорожном и водном транспорте, в связи с введением мер по ограничению передвижения граждан по железнодорожным и водным путям сообщения на период военного времени;

7) борьба с «мешочничеством» на транспорте;

8) розыск и поимка дезертиров с предприятий оборонной промышленности;

9) выдача специальных пропусков на проезд по железнодорожному и водному транспорту;

10) наблюдение за соблюдением гражданами обязательных постановлений военных органов власти;

11) восстановление общественного порядка и организация паспортной системы в районах, недавно освобожденных от врага.

Главное управление милиции Народного комиссариата внутренних дел СССР (далее — НКВД), помимо осуществления своих непосредственных задач, выполняло ряд задач, непосредственно связанных с обороной страны, содействием фронту и укреплением тыла страны (см. схему).

После объявления войны Главное управление милиции перешло на круглосуточное несение службы. Постоянная связь поддерживалась с Управлениями милиции Москвы и Московской области, с железнодорожной милицией [10]. Совместно с ЦК ВЛКСМ были созданы бригады для поддержания общественного порядка, пожарной охраны, светомаскировки, очистки дворов от мусора и быстровоспламеняющихся веществ.

Президиум Верховного Совета СССР 6 июля 1941 г. принял Указ «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» [2]. На основании его требований, милиция начала борьбу с паникерами, распространителями слухов, провокаторами и другими дезорганизаторами тыла, а также нарушителями общественного порядка.

В тех местностях, где был введен режим военного положения, территориальные органы милиции проводили проверку прописки населения в городах и населенных пунктах, к нарушителям принимались жесткие административные меры: всем лицам, не имевшим на момент проверки прописки,

Структура Главного управления милиции НКВД СССР в период Великой Отечественной войны

рекомендовалось покинуть данный населенный пункт в течение 24 часов. Лица, которые попадали под ограничения, установленные режимом военного положения (иностранцы, граждане, лица без гражданства, без определенного места жительства и занятий, другие сомнительные и подозрительные с точки зрения милиции лица), выселялись в другие местности в административном порядке [7].

Значительную роль органы милиции сыграли в поддержании общественного порядка в находившихся на осадном положении го-

родах. Например, в соответствии с утвержденным НКВД СССР 14 ноября 1941 г. «Планом мероприятий по очистке города Москвы и Московской области от антисоветского и социально-опасного элемента», местные отделы и отделения милиции учили все неблагонадежные категории населения, а также лиц немецкой, финской, итальянской, румынской и венгерской национальностей, которые должны были быть арестованы в случае ведения ими антисоветской деятельности.

В местах возможной концентрации подозрительных и сомнительных элементов (вокзалы, рестораны, пивные, вокруг оборонных предприятий, погрузочно-разгрузочные воинские пункты, и т.п.) до 20 ноября 1941 г. необходимо было произвести расширение агентурно-осведомительной сети, а лиц, незаконно хранящих оружие, привлекать к уголовной ответственности по законам военного времени. Для проведения мероприятий, определенных планом, привлекались участковые милиционеры и вспомогательные силы (дворники и домовые комитеты). Для ускорения работы следствия была организована группа следователей под руководством начальника Управления НКВД Московской области [3].

С началом военных действий была повсеместно усилена наружная постовая служба. В ближайших к фронту тыловых областях и прифронтовых городах, в местах наибольшего скопления граждан и на окраинах городов выставлялись дополнительные милицейские посты, и была усилена служба патрулирования.

Была развернута работа по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности местной противовоздушной обороны, которая заключалась в рассредоточении больших групп населения и транспорта, спасении людей и их имущества, ликвидации последствий бомбежек и усилении соблюдения режима светомаскировки.

Органы транспортной милиции, наряду с контролем за соблюдением правил светомаскировки на железнодорожном транспорте и поддержанием порядка во время воздушных налетов, сами руководили работой местной противовоздушной обороны, являлись непосредственными участниками спасения пострадавших людей и вагонов с грузами от бомбардировки. В прифронтовых и ближайших к фронту тыловых областях органы милиции принимали участие в работе по борьбе с вражескими парашютистами и диверсантами, а в отдельных случаях участвовали непосредственно в боевых дей-

ствиях. Так, в УССР из личного состава работников милиции была сформирована дивизия, которая, отступая с боями, прикрывала отход воинских частей Красной армии и боролась с немецкими диверсионными группами [14]. (Дивизия в дальнейшем была направлена для несения службы по охране тыла и только в 1942 г. была расформирована). В критический момент на подступах к г. Тула, когда противник прилагал все усилия к тому, чтобы прорваться в город, около 400 работников милиции Тулы выступили на боевые позиции и обороняли рубеж фронта в три километра в течение пяти дней.

Вместе с Красной армией целые милицейские подразделения Молдавской и Украинской ССР по заданию командования Южного фронта принимали непосредственное участие в боевых операциях. Личный состав милиции Кировоградской области в августе и сентябре 1941 г. оборонял подступы к г. Запорожье. Милиция Львовской области охраняла военные объекты и обороняла подступы к г. Первомайск. Военный совет Южного фронта 10 августа 1941 г. вынес постановление о формировании бригады милиции, на которую было возложено следующее: охрана коммуникаций и военных объектов в прифронтовой полосе; организация заградительной службы по борьбе с дезертирством; обеспечение порядка на дорогах и регулирование движения по ним [5, с. 11]. Формирование бригады проходило в тяжелых условиях отступления Красной армии. Тем не менее ее численный состав уже к 20 сентября 1941 г. составлял 2 тыс. 584 чел. При этом в кратчайшие сроки было проведено боевое слаживание и отмечалась высокая организованность и дисциплинированность личного состава.

В сентябре 1941 г., когда немцы устремились к центру Донбасса и создали непосредственную угрозу г. Сталино, по заданию командования фронта подразделения бригады милиции героически обороняли отведенный им участок в районе Новониколаевка до подхода частей Красной армии, и тем

самым сорвали наступление противника на г. Сталино. В ноябре 1941 г. бригада милиции была переформирована в дивизию милиции войск НКВД, в составе трех полков. В августе 1942 г. дивизия, находясь в распоряжении Закавказского фронта, успешно ликвидировала бандитские группы. За боевое отличие и умелую борьбу с вражеской агентурой 180 человек были награждены правительственными наградами.

В период немецко-фашистской оккупации советских районов немало работников милиции влилось в состав партизанских отрядов.

За время войны органы милиции неоднократно участвовали в выполнении специальных оперативных заданий по переселению. Согласно решению советского правительства в августе 1941 г. органами милиции, совместно с войсками НКВД, была проведена работа по переселению немцев из бывшей Республики, немцев Поволжья и других местностей Советского Союза. Всего в отдаленные районы Сибири, Казахстана и Средней Азии было вывезено около 450 тыс. чел. [1, с.101].

Военно-учетная работа органов милиции с началом войны была перенаправлена на проведение мобилизационных мероприятий, призыв военнобязанных из запаса в Красную армию и на выявление уклоняющихся от призыва по военной и трудовой мобилизации. В годы войны на службу в Красную армию было мобилизовано (за вычетом повторно призванных) 29 млн 574 тыс. 900 чел., а всего (с кадровым составом) в армию и на флот было призвано 34 млн 476 тыс. 700 чел. [4, с. 139]. В 1941—1942 гг. органы милиции принимали участие в перерегистрации военнобязанных запаса и в проведении призыва граждан 1924 г. рождения. 26 июля 1942 г. вышло постановление Государственного Комитета Оборона (далее — ГКО) № 2100 «Об укомплектовании Действующей армии», согласно которому

с 10 августа 1942 г. призывались полностью все граждане, родившиеся в 1924 г., вне зависимости от места работы и занимаемых должностей, и далее направлялись:

- в военные училища и запасные воинские части — 450 тыс. чел.;
- в Военно-Морской Флот — 100 тыс. чел.;
- в войска НКВД — 75 тыс. чел.;
- в войска Забайкальского фронта — 25 тыс. чел. [13].

В последующем в 1943 г. при проведении призыва в Красную армию граждан 1925 г. и 1926 г. рождения Наркомату обороны была оказана практическая помощь по медицинскому переосвидетельствованию военнообязанных запаса¹. При проведении данных мероприятий, а также в процессе работы по проверке паспортного режима милицией было выявлено и задержано: дезертиров Красной армии — 53 тыс. 245 чел., нарушителей воинского учета и уклоняющихся от призыва по мобилизации — 293 тыс. 72 чел. Из них было предано суду — 46 тыс. 922 чел., привлечено к административной ответственности — 148 тыс. 556 чел., остальные — 150 тыс. 809 чел. были переданы в военные комиссариаты для направления в воинские части.

При проведении мобилизации транспортных средств органы милиции принимали участие в подготовке материалов для составления мобилизационных планов и в приеме машин (по их техническому состоянию на приемно-сдаточных пунктах). Привлеченными для этой работы сотрудниками инженерно-технической службы Госавтоинспекции было проверено техническое состояние всего мобилизуемого автопарка. В последующий период (конец 1941 г. и начало 1942 г.) при восстановлении неходового транспорта для мобилизации в Красную армию органы Госавтоинспекции контролировали качество и сроки ремонта.

В период эвакуации западных районов было выявлено значительное количество

¹ Из данного призыва 50 000 человек были направлены в войска НКВД для восполнения личного состава, направляемого на формирование 70-й армии.

автомобилей, находившихся в бесхозном состоянии. Для наиболее правильного их использования, по ходатайству Главного управления милиции СНК СССР издано распоряжение, предоставляющее Совнаркомам союзных и автономных республик, областным и краевым исполкомам право распределения и закрепления этих автомобилей. В таком же порядке по инициативе Главного управления милиции разрешен вопрос об использовании брошенных воинскими частями разбитых трофейных автомашин.

С начала войны важнейшей задачей, от решения которой зависела обороноспособность страны, была эвакуация крупных предприятий военной и базовых отраслей промышленности в восточные регионы страны — в Заволжье, на Урал, в Сибирь и Среднюю Азию [15]. Уже 24 июня 1941 г. был образован Совет по эвакуации при Совете народных комиссаров СССР во главе с Н.М. Шверником, который вместе с Советами народных комиссаров республик и промышленными наркоматами руководил эвакуацией предприятий в зависимости от степени их важности для фронта. В результате эвакуации было в кратчайшие сроки переброшено 12 млн тружеников народного хозяйства и более 80 % предприятий оборонной промышленности [16, с. 139].

Органы правопорядка также принимали непосредственное участие в эвакуации населения и промышленных объектов. Переселение и эвакуация из прифронтовых районов требовали значительных по численности нарядов милиции. Работа зачастую осложнялась тем, что проводилась в зоне обстрела противником. Милиция оставалась до последнего момента и уходила с воинскими частями Красной армии. Наркомат путей сообщения перешел на график военного времени по обеспечению воинских перевозок, который начал действовать с 18 часов 24 июня на 44 железных дорогах СССР. Из-за того, что подвижной состав железнодорожного транспорта не мог обеспечить одновремен-

ную перевозку эвакуированного населения и промышленного оборудования, в первые месяцы войны на многих крупных станциях образовалось большое скопление эвакуированных, а отдельные железнодорожные узлы были настолько забиты ими, что создалась угроза срыва своевременного передвижения воинских эшелонов на фронт. В связи с этим весь личный состав органов транспортной милиции в первый период войны, главным образом на прифронтовых дорогах, был привлечен для обеспечения порядка на станциях и в поездах при перевозке эвакуированных. Одновременно осуществлялась работа по выявлению среди эвакуированного с западных районов страны населения подозрительных лиц, распространителей провокационных слухов, дезертиров, а также по изъятию оружия и государственных ценностей, вывезенных ими из эвакуированных местностей.

За период наиболее интенсивной эвакуации — с июля по октябрь 1941 г. — милицией было задержано и передано органам Народного комиссариата государственной безопасности (далее — НКГБ) большое число вражеских агентов и дезертиров, изъято много оружия и государственных ценностей.

Наряду с этим проводилась работа по обеспечению сохранности эвакуированного в тыл заводского оборудования и других государственных ценностей. Для сопровождения товарных эшелонов были созданы милицейские отряды. Только за период с 1 августа по 1 декабря 1942 г. по Ашхабадской железной дороге проследовало 128 053 вагонов с оборудованием и 519 тыс. 137 чел. из числа эвакуированных, сопровождаемых работниками милиции. С 14 января по 9 апреля 1942 г. по Северной, Ярославской, Пермской и другим железным дорогам проследовало — только в поездах, шедших из Ленинграда, — 338 тыс. 970 чел., которые сопровождались работниками милиции.

Руководством НКВД СССР 26 июня 1941 г. на 16 крупных станциях Горьковской, Калининской, Октябрьской, Западной,

Московско-Киевской, Московско-Рязанской, Московско-Донбасской, Московско-Курской, Казанской, Ярославской и бывшей Пензенской железных дорог были созданы оперативные заслоны транспортной милиции, и на 47 станциях этих же железных дорог усилены милицейские посты. В задачи оперативных заслонов входило: содействие уполномоченным Совнаркома в организации погрузки и встреч эвакуированного населения; направление эшелонов с эвакуированным населением через обходные пункты и пресечение потока эвакуированного населения в столичные города — Москву и Ленинград; недопущение высаживания эвакуируемых в городах не по назначению; организация общественного порядка на станциях и пунктах питания.

С началом эвакуации населения из Москвы на московских вокзалах ежедневно скапливались десятки тысяч эвакуируемых. Милиция поддерживала порядок и охраняла оборудование эвакуировавшихся промышленных предприятий. 28 июня 1941 г. на железнодорожном и водном транспорте по указанию НКВД СССР были созданы специальные оперативные группы милиции — с задачей удаления с поездов незаконно проезжающих лиц и выявления среди них преступников, мародеров, дезертиров и другого уголовного элемента. Кроме того, были созданы прифронтовые оперативные группы, в обязанность которых входило следить за четким выполнением железнодорожниками приказов воинского командования и распоряжений НКПС, выявлять и информировать военное командование о появляющихся вражеских частях и парашютистах, принимать меры к уничтожению их, наблюдать за эвакуацией и отводом подвижного состава в тыл.

В декабре 1941 г., когда после разгрома немцев под Москвой началось массовое возвращение в Москву ранее эвакуированных, на основных магистралях, ведущих к Москве, были созданы милицейские контрольно-

пропускные пункты. На железнодорожном транспорте вокруг Москвы было организовано свыше 100 оперативных заслонов, с числом работников милиции свыше тысячи человек. Этими оперативными заслонами до 1 апреля 1942 г. было снято с поездов 886 тыс. 288 чел., незаконно возвращавшихся в Москву. Государственный Комитет Обороны 28 марта 1942 г. выпустил постановление № 1506 «Об ограничении передвижения граждан по железным дорогам и водным путям сообщения на военное время» [11]. В соответствии с ним, на органы милиции возлагалась обязанность выдачи пропусков гражданам на право перемещения по железнодорожному и водному транспорту СССР. Пропуска выдавались районными, городскими и линейными отделениями милиции по месту жительства граждан: завербованным на работу; возвращающимся эвакуированным; поступающим в учебные заведения; а также в случае возвращения к месту постоянного жительства; в случае болезни или смерти ближайших родственников. В пригородном сообщении проезд совершался без пропусков. Особыми постановлениями регулировался въезд/выезд в г. Москву и г. Куйбышев, запретные зоны и пограничную полосу [12].

В задачи милиции входила не только организация пропускной системы и выдача пропусков населению, но и установление заградительной службы на железнодорожном и водном транспорте. С начала введения пропускной системы на проезд по железнодорожному и водному транспорту оперативными группами транспортной милиции, сопровождающими поезда, было снято с поездов и пароходов 2 млн 488 тыс. 882 чел. — незаконно проезжающих пассажиров. За весь 1943 г. и первые пять месяцев 1944 г. органами милиции выявлены лица, незаконно проезжающие в поездах и пароходах с фиктивными и поддельными командировочными удостоверениями и пропусками — 80 тыс. 73 чел. С начала Великой Отечественной войны и до июня 1944 г. оперативными группами

и заградительными заслонами милиции сняты с поездов и не допущены к проезду нарушители правил проезда — 4 млн 291 тыс. 451 чел. Из них оштрафованы за незаконный проезд — 1 млн 815 тыс. 517 чел. — на сумму 200 043 720 руб. Кроме того, направлено 561 303 административных протокола для взыскания штрафа по месту жительства. За это же время оперативными группами и заслонами милиции на железнодорожном и водном транспорте было задержано 496 тыс. 292 чел. преступного элемента, в том числе:

- лиц, подозреваемых в шпионаже и диверсии — 6 тыс. 564 чел.;
- предателей и изменников — 1 тыс. 277 чел.;
- за антисоветскую агитацию — 2 тыс. 850 чел.;
- военных дезертиров — 155 тыс. 291 чел.;
- дезертиров с предприятий оборонной промышленности и транспорта — 141 тыс. 983 чел.;
- лиц, разыскиваемых органами НКВД и НКГБ, в том числе бежавших из мест заключения и ссылки — 13 тыс. 538 чел.

За этот же период органами милиции было изъято у пассажиров большое количество оружия: пулеметов — 353, автоматов — 778, винтовок — 14 738, револьверов и пистолетов — 7099, патронов разного калибра — 907 554, ружей разных — 692, мин и гранат — 5433 единиц.

Приведенные цифры характеризуют лишь часть работы органов милиции по выявлению дезертиров, уголовных преступников, шпионов, диверсантов, предателей Родины, проделанной исключительно органами транспортной милиции. Территориальными органами милиции, помимо этого, с начала войны до 1 января 1944 г. было задержано дезертиров Красной армии и уклоняющихся от призыва и мобилизации — 651 тыс. 950 чел., уголовного элемента и нарушителей общественного порядка — 2 млн 612 тыс. 603 чел.

В начале марта 1942 г. в соответствии с постановлением СНК СССР на Главное

управление милиции было возложено осуществление учета эвакуированного населения [9]. Приняв в марте 1942 г. в свой состав Центральное справочное бюро эвакуированного населения (далее — ЦСБ), расположенное в г. Бугуруслане Чкаловской области, Главное управление милиции немедленно приступило к работе. Работа оказалась чрезвычайно сложной и громоздкой, так как существовавшая система учета эвакуированного населения не была приспособлена для справочной работы, кроме того, многие сотрудники ЦСБ не справлялись с возложенными на них обязанностями. К моменту приема его Главным управлением милиции имелось свыше полумиллиона неисполненных запросов. Необходимо было коренным образом реорганизовать работу ЦСБ. С этой целью в апреле 1942 г. органами милиции были проведены мероприятия по единовременной регистрации всего эвакуированного на восток населения и организована новая справочная картотека.

Имевшийся к моменту приема ЦСБ необработанный материал, в количестве 613 000 запросов, был к концу 1942 г. полностью обработан, и в дальнейшем исполнение запросов производилось своевременно: на следующий день после поступления. На 1 июня 1944 г. справочная картотека ЦСБ состояла из 4 104 454 учетных карточек на 6 млн 240 тыс. 101 чел., граждан, находящихся в эвакуации. За весь период с 1941 г. по 1 июня 1944 г. в ЦСБ поступило 6 077 562 запроса об установлении места жительства эвакуированных граждан, по которым разыскивалось 16 млн 261 тыс. 1 чел.; по исполнении поступивших запросов установлено местожительство 2 млн 861 тыс. 950 чел.

В связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий», на милицию был возложен розыск дезертиров с предприятий военной промышленности. В соответствии

с постановлением ГКО № 2401 от 11 октября 1942 г. «О мерах наказания дезертиров, занимающихся бандитизмом, вооруженными грабежами и контрреволюционной повстанческой работой», дезертиры из Красной армии, военной промышленности, занимающиеся бандитизмом, вооруженными грабежами и контрреволюционной повстанческой работой, заочно предавались суду Военных трибуналов по ст. 58-1 «б», как изменники родине. Члены их семей попадали под действие постановления ГКО № 1926 от 24 июня 1942 г. «О членах семей изменников родине». За время с 1 января 1942 г. по 1 апреля 1944 г. органы милиции разыскивали по приговорам военным трибуналов, народных судов и по постановлениям прокуроров 406 тыс. 791 чел. Кроме того, во время массовых проверок населения за этот период по инициативе органов милиции задержаны дезертиры с предприятий военной промышленности — в количестве 117 тыс. 605 чел.

Таким образом, в годы войны органам милиции со стороны Правительства страны были поставлены новые задачи, связанные непосредственно с укреплением тыла и содействием фронту, задачи значительно расширили круг обязанностей милиции.

Органы милиции в годы войны выполняли ряд специфических задач, связанных с обеспечением проведения государством мероприятий военного времени. В сложных условиях первого периода войны органы правопорядка оказались стабилизирующим фактором, позволившим в кратчайшие сроки организовать работу тыла Советского Союза. Во втором и третьем периодах Великой Отечественной войны, в ходе освобождения территории страны от врага, милиция организовывала мирную жизнь граждан, восстанавливала органы государственной власти, инфраструктуру и хозяйственные объекты, что приближало победу в войне.

Библиографический список

1. **Бруль В. И.** Депортированные народы в Сибири (1935—1965 гг.). Сравнительный анализ // Наказанный народ: репрессии против российских немцев. М., 1999 г.
2. Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 32(147).
3. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 207. Т. 2. Л. 587—588.
4. Гриф секретности снят. М.: Воениздат, 1993.
5. **Кузнецов В. А., Поздняков А. П.** Охраняя тыл действующей армии. М. 1985.
6. Министерство внутренних дел: исторический очерк. 1902—2002 гг. М.: Объединенная редакция МВД России. 2004. 648 с.
7. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. документов. Т. 2. Кн. 1. М.: Книга и бизнес, 1995.
8. Органы и войска НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны: военно-исторический труд: в 2 т. М.: Редакция журнала «На боевом посту», 2020.
9. **Потемкина М. Н.** Органы руководства эвакуированным процессом: российский опыт Первой и Второй мировых войн // Опыт мировых войн в истории России: сб. статей. Челябинск: Каменный пояс, 2007. 612 с.
10. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 127. Д. 100. Л. 2.
11. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 25. Л. 191.
12. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 25. Л. 191. об.
13. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Ед. хр. 83. Л. 70—76.
14. РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 39385. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.
15. **Устинов Д.** Во имя Победы: Записки наркома вооружения. М.: Воениздат, 1988. 318 с. (Военные мемуары).
16. **Шахурин А.** Воспоминания // Вопросы истории. 1975. № 3.

Поступила 09.08.2021

Submitted 09.08.2021

Баранов Валерий Петрович — доктор исторических наук, профессор, генерал-полковник, генеральный инспектор Управления генеральных инспекторов Министерства обороны Российской Федерации

Беркутов Андрей Сергеевич — кандидат исторических наук, полковник, начальник отделения военно-исторического отдела НЦСИ Росгвардии

Baranov Valery Petrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, colonel general, inspector general Offices of Inspectors General Ministry of Defense of the Russian Federation

Berkutov Andrey Sergeevich — Candidate of Historical Sciences, colonel, head of department military history department of the National Center for Contemporary Art of the Russian Guard

References

1. Brul' V. I. Deportirovannye narody v Sibiri (1935—1965 gg.). Sravnitel'nyj analiz // Nakazannyj narod: represii protiv rossijskikh nemcev. M., 1999 g.
2. Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1941. № 32(147).
3. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii). F. R-9401. Op. 12. D. 207. T. 2. L. 587—588.
4. Grif sekretnosti snjat. M.: Voenizdat, 1993.
5. Kuznecov V. A., Pozdnjakov A. P. Ohranjaja tyl dejstvujushhej armii. M. 1985.
6. Ministerstvo vnutrennih del: istoricheskij ocherk. 1902—2002 gg. M.: Ob#edinennaja redakcija MVD Rossii. 2004. 648 s.
7. Organy gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne: sb. dokumentov. T. 2. Kn. 1. M.: Kniga i biznes, 1995.
8. Organy i vojska NKVD SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: voenno-istoricheskij trud: v 2 t. M.: Redakcija zhurnala «Na boevom postu», 2020.
9. Potemkina M.N. Organy rukovodstva jevakuirovannym processom: rossijskij opyt Pervoj i Vtoroj mirovyh vojn // Opyt mirovyh vojn v istorii Rossii: sb. statej. Cheljabinsk: Kamennyj pojas, 2007. 612 s.
10. RGASPI (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii). F. 17. Op. 127. D. 100. L. 2.
11. RGASPI. F. 644. Op. 1. D. 25. L. 191.
12. RGASPI. F. 644. Op. 1. D. 25. L. 191. ob.
13. RGASPI. F.644. Op. 2. Ed. hr. 83. L. 70—76.
14. RGVA (Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv). F. 39385. Op. 1. D. 1. L. 30.
15. Ustinov D. Vo imja Pobedy: Zapiski narkoma vooruzhenija. M.: Voenizdat, 1988. 318 s. (Voennye memuary).
16. Shahurin A. Vospominanija // Voprosy istorii. 1975. № 3.

Корпоративная налоговая культура и изменения налоговой лояльности населения: эффект пандемии

С.А. Назаров

*Национальный исследовательский университет «Московский институт
электронной техники»*

naz0281@yandex.ru

Рассматриваются проблемы уклоняющегося налогового поведения крупных корпораций. Показывается, что налоговая оптимизация, являясь легальной стратегией, не соответствует представлениям общества о честном налоговом поведении, поскольку является одним из факторов роста экономического и социального неравенства. Отмечается, что во время пандемии коронавируса Covid-19 это неравенство углубилось, вызвав снижение лояльности населения к распределительной политике государства. Уплата хозяйствующими субъектами «справедливой», предусмотренной законом, суммы налога общественностью рассматривается как их действие на благо общества, проявление моральной позиции и социальной ответственности со стороны менеджмента компании. Предлагаются направления по формированию налоговой культуры корпораций.

Ключевые слова: налоги, налоговая мораль, налоговая этика, корпоративная налоговая культура, государственно-монополистический капитализм.

Corporate tax culture and changes in the tax loyalty of the population: the pandemic effect

S.A. Nazarov

National Research University of Electronic Technology (MIET)

naz0281@yandex.ru

The problems of evasive tax behavior of large corporations are considered. It is shown that tax optimization, being a legal strategy, does not correspond to society's ideas about honest tax behavior, since it is one of the factors of the growth of economic and social inequality. It is noted that during the Covid-19 coronavirus pandemic, this inequality deepened, causing a decrease in the loyalty of the population to the state's distribution policy. The payment by economic entities of a «fair» (provided for by law) amount of tax by the public is considered as their action for the benefit of society, a manifestation of the moral position and social responsibility on the part of the company's management. The directions for the formation of the corporate tax culture are proposed.

Keywords: taxes, tax morality, tax ethics, corporate tax culture, state-monopolistic capitalism.

В сентябре 2021 г. Правительство Великобритании объявило о повышении налогов на 12 млрд фунтов (14,05 млрд евро, 16,5 млрд долларов) в год, чтобы пополнить бюджет страны, расходная часть которого увеличилась из-за пандемии Covid-19. Финансируемая государством Национальная служба здравоохранения срочно должна оказать медицинскую помощь 5,5 млн пациентам, не страдающим коронавирусом, однако ожидающим в очереди, образовавшейся из-за сложившейся во время пандемии нехватки ресурсов системы здравоохранения. Правительство также планирует увеличить трансферты сектору социальной помощи, который недофинансируется много лет. Это уже второе за год объявление об увеличении налогов. В марте правительство Великобритании заявило, что повысит корпоративные налоги на шесть процентных пунктов, до 25 %, предупредив, что пандемия оставит долгосрочные экономические «шрамы».

Администрация президента США Джо Байдена также планирует повышение налогов для финансовой компенсации бюджету беспрецедентной правительственной поддержки предприятий и частных лиц во время пандемии. Корпоративный налог, а также подоходный налог для самых богатых американцев существенно вырастут. Так, вводится существенно более высокая ставка налога на прирост капитала в размере 43,1 % для тех, чей доход превышает 1 млн долларов. Налоговая служба США будет реформирована, чтобы повысить эффективность сбора неуплаченных налогов на сумму около 630 млрд долларов.

С 1 января 2021 г. в России также вступил в силу закон о налогообложении доходов граждан с депозитов, если сумма их сбережений превышает 1 млн руб., а также была введена повышенная ставка налога на доходы физических лиц (НДФЛ) в размере 15 % для россиян с доходами от 5 млн руб. в год (соответствует 416,7 тыс. руб. в месяц). Как видим, существует определенная тенденция:

пандемию должны «оплатить» корпорации или богатые граждане.

У большинства легально работающих налогоплательщиков — частных лиц, в частности в России, нет возможности избегать налогов, поскольку налоги отчисляются уже при выплате зарплаты. Наиболее крупные и богатые корпорации во всем мире имеют такую возможность. Так, одним из современных и находящихся в исключительно легальном поле видов менеджмента крупных компаний является налоговый менеджмент — вид менеджмента, посредством которого компании стремятся достичь своих бизнес-целей при минимизации потерь доходов и прибыли из-за налогов. Главным элементом такого менеджмента является налоговое планирование: планирование налоговой тактики и стратегии, нацеленное на максимальное использование инструментов и механизмов снижения налогового бремени компании. Все инструменты и механизмы (надбавки, вычеты, скидки, освобождения от налогов, амнистии и т. д.) абсолютно легальны и кодифицированы и предоставлены государством специально для этой цели — для снижения налогового бремени крупных, в первую очередь государственных корпораций.

Следовательно, налоговое планирование в целях уменьшения налогового бремени сущностно отличается от «уклонения от уплаты налогов». Последнее является противоправным и незаконным действием и относится к ситуации, когда юридическое или физическое лицо пытается уменьшить налоговые обязательства путем сокрытия доходов или завышения расходов, осуществления фиктивных транзакций и т. д. Хотя налоговое планирование является вполне законным видом деятельности, оно осуществляется преимущественно с целью максимально избежать уплаты налогов или уменьшить налоги. В экономической и юридической литературе цель налогового менеджмента и налогового планирования в последние годы принято обозначать термином

«налоговая оптимизация». Это понятие можно определить следующим образом: «Уменьшение размера налоговых выплат — это те или иные целенаправленные действия налогоплательщика, которые позволяют последнему избежать или в определенной степени уменьшить его обязательные выплаты в бюджет. Иными словами, при уменьшении размера налоговых выплат налогоплательщик действует целенаправленно, предпринимает определенные действия, используя те или иные методы, результатом которых будет экономия денежных средств» [3, с. 74]. Таким образом, «избегание налогов» или «оптимизация налоговых выплат» — это термины, используемые для обозначения законного¹, но агрессивного по отношению к другим участникам правовых и экономических отношений использования финансовых инструментов и других механизмов для получения налогового результата, не предусмотренного законом и не приветствуемого обществом, с точки зрения норм морали и справедливости.

Однако если налоговая оптимизация законна, то что делает ее проблемой деловой этики и налоговой морали?

Государство, кодифицируя нормы налогового законодательства, должно стремиться к установлению такого социального баланса, который воспринимался бы большинством населения как справедливая распределительная политика. Модель «справедливости», в самых общих чертах, предполагает, что предприятия и богатые граждане платят налоги, что эти налоги образуют значительную доходную часть бюджета, которая, в свою очередь, может быть потрачена государством на реализацию различного рода социальных программ, в частности на борьбу с пандемией. Соответственно, проблема возможности для предприятия или физического лица

осуществлять налоговую оптимизацию попадает в сферу этики, поскольку, во-первых, у государства есть все правовые и управленческие механизмы для расширения или сужения возможностей корпораций по снижению налогового бремени (а в настоящее время есть основания для суждения, что такие возможности у государственных корпораций достаточно широки, чтобы интерпретировать всю ситуацию как государственно-монополитический капитализм), во-вторых, у бизнеса есть выбор в отношении своего подхода к толкованию законов и, следовательно, к уплате налогов. Оставаясь в рамках закона, бизнес проводит свою этическую линию, свое понимание социальной справедливости. Этот подход может распространяться и на то, в какой стране зарегистрированы филиалы фирмы и в соответствии с какими законами и какому государству они платят налоги.

Здесь следует оговориться, что эти схемы широко применяются не только в России. Во всем мире широко обсуждается *неэтичность* стратегий налоговых оптимизаций, применяемых национальными и транснациональными корпорациями, такими как Google, Microsoft, Apple, Starbucks. В 2019 г. по меньшей мере 60 компаний сообщили Налоговой службе США, что их ставки федерального налога США в 2018 г. фактически равнялись нулю в отношении дохода, полученного от операций в США. Среди них такие корпорации, как технологический гигант Amazon.com Inc., сервис потоковой передачи развлечений Netflix Inc., а также глобальный нефтяной гигант Chevron Corp., производитель фармацевтической продукции Eli Lilly & Co. и производитель сельскохозяйственного и коммерческого оборудования Deere & Co. На глазах у всего мира корпорации играют в налоговые игры, перемещая прибыль

¹ Согласно определению Конституционного суда РФ, «...которые хотя и имеют своим следствием неуплату налога или уменьшение его суммы, заключаются в использовании предусмотренных государством прав, связанных с освобождением на законном основании от уплаты налога или с выбором наиболее выгодных форм предпринимательской деятельности и, соответственно, оптимального вида платежа» [20].

между юрисдикциями, чтобы избежать налогов, используя пробелы и несоответствия в налоговых нормах разных стран. В последние годы имели место крупнейшие скандалы международного масштаба (Панамское дело, утечка информации в Швейцарии), которые демонстрируют ту легкость, с которой транснациональные корпорации и состоятельные частные лица из многих стран могут максимизировать прибыли и доходы, минимизируя налоги, применяя устоявшиеся глобальные финансовые системы офшорных финансовых центров (Бермудские острова, Каймановы острова) и получая помощь сторонних организаций (трастовые компании и поставщики юридических услуг). Даже частные лица, члены Королевской семьи Великобритании, подвергаются критике за применение таких схем. В период пандемии эта критика стала особенно острой, поскольку исключительно остро встал вопрос о социальной справедливости.

На наш взгляд, существует прямая связь между налогами корпораций и справедливостью, обеспечиваемой социально ориентированным государством, отрицание такой связи является лицемерием. Уплата хозяйствующими субъектами «справедливой» (предусмотренной законом) суммы налога в тех странах, в которых они работают, на наш взгляд, следует рассматривать как их действие во благо общества, проявление моральной позиции и социальной ответственности со стороны менеджмента компании. Вклад в общественное благо заключается в выплате в бюджет тех сумм, которые государство может расходовать — на здравоохранение или поддержку граждан во время пандемии.

Напротив, уклонение корпораций от уплаты справедливой доли налогов является

морально не оправданным, поскольку демонстрирует сознательный отказ менеджмента от выполнения социальных обязательств перед обществом и государством. Такое поведение в открытом обществе делает компанию уязвимой для обвинений в погоне за сверхприбылью, наносит ущерб репутации и подрывает доверие к ней общества. Однако в политэкономических реалиях государственного монополистического капитализма государство нередко создает дополнительные льготные условия для государственных корпораций и естественных монополий, а руководство компаний часто утверждает, что его ответственность заключается в максимальном увеличении прибыли акционеров при соблюдении закона, а в случае с компаниями, акционером которых является государство, — прибыли государства.

Опросы общественного мнения показывают, что общество не одобряет стратегий налоговых оптимизаций: по мнению большинства респондентов, законные действия компаний следует рассматривать как нечестные, а снисходительность по отношению к такого рода схемам — как несправедливость со стороны государства². Четверо из пяти человек из всех вариантов эмоционального отношения к такому поведению корпораций и государства выбирают «гнев». Опросы также показывают: налоговая оптимизация, применяемая крупным бизнесом и «богачами» для большинства опрошенных является второй по важности этической проблемой российской налоговой культуры после сохранения плоской шкалы подоходного налога.

Здесь важно упомянуть, что одной из ключевых особенностей российской налоговой культуры является отношение к налогам как к основному инструменту осуществления

² Наши выводы базируются на результатах пилотного социологического исследования «Налоговая культура современной России», проведенного исследовательской группой студентов и преподавателей НИУ МИЭТ (г. Москва) под руководством Т. В. Растимешинной (профессора кафедры философии, социологии и политологии) в целях изучения состояния налоговой культуры граждан и определения возможности и необходимости воздействия на процессы ее формирования со стороны органов государственного управления. Его итоги вполне соотносимы с исследованиями налоговой культуры, проводимыми ВЦИОМ и ФОМ.

государственной распределительной справедливости. Соответственно, большинство опрошенных считает возможным уклонение от налогов в случае, если человек или компания прибегают к этой тактике в условиях крайней необходимости, а уклоняющееся налоговое поведение люди склонны оправдывать бедностью, нуждой, перспективой закрытия или сокращения штата сотрудников и прочими угрозами существованию человека, семьи, корпорации. Поэтому раздражение, гнев и недовольство россиян вызывает в первую очередь государство, которое сохраняет плоскую (несправедливую по мнению большинства) шкалу налогообложения, при этом множеством льгот и преференций создают дополнительную правовую базу для уклоняющегося налогового поведения корпораций и «богачей».

Вторым источником раздражения являются сами «богачи» и корпорации, которые, по мнению большинства, имея сверхприбыли, могут и должны платить налоги, но получают из рук государства и открыто (в некоторых высказываниях респондентов «цинично») используют законную возможность этого не делать.

Для большинства россиян очевиден общественный вред от уклоняющегося поведения корпораций и в меньшей степени — от уклоняющегося поведения самих граждан. Граждане понимают, что аморальное налоговое поведение корпораций приводит к росту неравенства, что оно увеличивает налоговое бремя для «рядовых налогоплательщиков». Это социальное неравенство, умножаемое государством и корпорациями, в свою очередь, по мнению респондентов, детерминирует вынужденное, вторичное по отношению к корпоративному, уклоняющееся поведение граждан, мелких предпринимателей, самозанятых и др. Граждане отмечают, что во время пандемии эффект от несправедливых действий государства и уклоняющегося поведения корпораций усилился. Граждане,

чьи доходы уменьшились, продолжают платить налоги, а государство своими субсидиями, льготами и трансфертами поддерживает крупные корпорации.

Таким образом, общественность считает справедливым и ожидает следующих изменений и действий от государства и корпораций, которые в своей совокупности она готова рассматривать как моральные и этические.

Государство должно установить «справедливые» налоги, в соответствии с основным принципом «богатый платит больше» (большинство респондентов высказываются за установление прогрессивной шкалы налогообложения); минимизировать налоговые преференции для крупных корпораций; государству в лице органов государственного управления и их пресс-служб необходимо уделять больше внимания разъяснению своей позиции по вопросам своей распределительной политики и своей интерпретации «духа» налогового законодательства, чтобы обеспечить уверенность большинства в соответствии его политики и управленческой стратегии представлениям граждан о содержании общественного блага.

Предприятия должны платить свою «справедливую долю» налога. Причем «справедливая» сумма — это не объективная установленная законом цифра, а ее *отражение в субъективном восприятии большинства*. Поскольку граждане (и это является условием их собственной налоговой честности) *хотят убедиться, что налоговое бремя не ложится несправедливым образом на бедных и честных налогоплательщиков*, которые «играют по правилам», платят свою долю, в соответствии с нормами закона и морали, — и проигрывают от своей честности. Поэтому необходимым элементом корпоративной налоговой культуры должно стать не только честное налоговое поведение, но и взаимодействие с внешней средой в целях разъяснения и возможно даже популяризации решений и обстоятельств, лежащих в основе

налоговой позиции хозяйствующего субъекта. Это означает, что внешний мир требует от компании не только сообщений о том, сколько налогов было уплачено, но и прозрачности истории бизнес-решений, которые убедили бы общество, что сумма уплаченных налогов не только законна, но и справедлива, а поведение компании соответствует нормам этики и морали.

Библиографический список:

1. Emerging from the shadows. The shadow economy to 2025 // ACCA [Electronic resource]. URL: <https://www.accaglobal.com/sg/en/professional-insights/global-economics/Emerging-from-the-shadows.html> (access date 13.09.2021).
2. **Lord N.** Tax avoidance might be legal but it's time we seriously questioned its ethics [Electronic resource]. URL: <https://theconversation.com/tax-avoidance-might-be-legal-but-its-time-we-seriously-questioned-its-ethics-87133> (access date 13.09.2021).
3. **Абакарова Р. III.** Законные действия в сфере управления налогами // Теория и практика общественного развития. 2015. № 6(7). С. 74—76.
4. **Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А.** Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015. 692 с.
5. **Балацкий Е. В.** Эффект Пикетти: комментарий к новой концепции // Тегга Economicus, 2017. Т. 15, № 2. С. 40—56.
6. **Василенок В. Л., Быков В. Н.** О некоторых угрозах экономической безопасности России // Экономика и экологический менеджмент. 2012. № 1. С. 85—91.
7. **Дианов Д. В., Ляпин А. Е.** Статистическая оценка факторов современной экономической преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 245—251.
8. **Долгова А. И.** Закономерности преступности, борьба с ней и научное обеспечение борьбы // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон / Под ред. А. И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2001. 576 с.
9. **Капелюшников Р.** Неравенство: как не примитивизировать проблему // Вопросы экономики. 2017. № 4. С. 117—139.
10. **Климова Н. О.** К вопросу о проблеме идентификации уклонения от уплаты налогов // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 1. С. 4—11.
11. **Коломейцев Н. В.** В России рекордный рост социального неравенства [Электронный ресурс] // Коммунистическая партия Российской Федерации. URL: <https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/186124.html> (дата обращения 13.09.2021).
12. **Коноваленко С. А., Корнилович Р. А.** Формирование системы индикаторов наличия экономических правонарушений в финансово-кредитной сфере // Экономика и предпринимательство. 2015. № 11-1(64). С. 81—85.
13. **Магун В. С., Руднев М. Г.** Изучение базовых ценностей россиян на основе Европейского социального исследования [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/data/326/183/1240/present.pdf> (дата обращения 13.09.2021).
14. **Макклоски Д. Н.** Измеренный, безмерный, преувеличенный и безосновательный пессимизм. О книге «Капитализм в XXI веке» Томаса Пикетти // Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 4. С. 153—195.
15. **Мальцев А. А., Мальцева В. А.** Возвращение мрачной науки? Размышления о книге Т. Пикетти «Капитал в XXI веке» и будущем мировой экономики // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13, № 1. С. 204—219.
16. **Мареева С. В.** Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения // Вестник института социологии. 2018. Т. 9, № 3. С. 101—120.
17. **Миланович Б.** Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 333 с.
18. **Николаев Д. А.** Влияние теневой экономики на международное движение капитала в современных условиях // Экономика. Налоги. Право. 2018. Т. 11, № 5. С. 108—117.
19. **Пикетти Т.** Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 592 с.

20. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2003 г. № 9–П «По делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного Кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П. Н. Белецкого, Г. А. Никовой, Р. В. Рукавишников, В. Л. Соколовского и Н. И. Таланова // СЗ РФ. 2003. №24. Ст. 243.

21. **Стиглиц Д.** Цена неравенства. Чем расхождение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015. 511 с.

22. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. Режим доступа: <https://www.gks.ru/>

23. **Эйхенгрин Б.** Зеркальная галерея. Великая депрессия, Великая рецессия, усвоенные и не усвоенные уроки истории. М.: Издательство Института Гайдара, 2016. 245 с.

Поступила 13.09.2021

Назаров Сергей Анатольевич — старший преподаватель кафедры Права, Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» (площадь Шокина, 1, Зеленоград), naz0281@yandex.ru

References

1. Emerging from the shadows. The shadow economy to 2025 // ASSA [Electronic resource]. URL: <https://www.accaglobal.com/sg/en/professional-insights/global-economics/Emerging-from-the-shadows.html> (access date 13.09.2021).

2. Lord N. Tax avoidance might be legal but it's time we seriously questioned its ethics [Electronic resource]. URL: <https://theconversation.com/tax-avoidance-might-be-legal-but-its-time-we-seriously-questioned-its-ethics-87133> (access date 13.09.2021).

3. Abakarova R. Sh. Zakonnye dejstva v sfere upravlenija nalogami // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2015. № 6(7). S. 74—76.

4. Adzhemoglu D., Robinson Dzh. A. Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proishozhdenie vlasti, процветания и нисхеты. М.: AST, 2015. 692 с.

5. Balackij E. V. Jeffekt Piketti: kommentarij k novoj koncepcii // Terra Economicus, 2017. T. 15, № 2. S. 40—56.

6. Vasilenok V. L., Bykov V. N. O nekotoryh ugrozakh jekonomicheskoy bezopasnosti Rossii // Jekonomika i jekologicheskij menedzhment. 2012. № 1. S. 85—91.

7. Dianov D. V., Ljapin A. E. Statisticheskaja ocenka faktorov sovremennoj jekonomicheskoy prestupnosti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2019. № 2. S. 245—251.

8. Dolgova A. I. Zakonomernosti prestupnosti, bor'ba s nej i nauchnoe obespechenie bor'by // Zakonomernosti prestupnosti, strategija bor'by i zakon / Pod red. A. I. Dolgovo. М.: Rossijskaja kriminologicheskaja asociacija, 2001. 576 s.

9. Kapeljushnikov R. Neravenstvo: kak ne primitivizirovat' problemu // Voprosy jekonomiki. 2017. № 4. S. 117—139.

10. Klimova N. O. K voprosu o probleme identifikacii uklonenija ot uplaty nalogov // Izvestija Irkutskoj gosudarstvennoj jekonomicheskoy akademii. 2013. № 1. S. 4—11.

11. Kolomejcev N. V. V Rossii rekordnyj rost social'nogo neravenstva [Jelektronnyj resurs] // Kommunisticheskaja partija Rossijskoj Federacii. URL: <https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/186124.html> (data obrashhenija 13.09.2021).

12. Konovalenko S. A., Kornilovich R. A. Formirovanie sistemy indikatorov nalichija jekonomicheskikh pravonarushenij v finansovo-kreditnoj sfere // Jekonomika i predprinimatel'stvo. 2015. № 11-1(64). S. 81—85.

13. Magun V. S., Rudnev M. G. Izuchenie bazovyh cennostej rossijan na osnove Evropejskogo social'nogo issledovanija [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.hse.ru/data/326/183/1240/present.pdf> (data obrashhenija 13.09.2021).

14. Makkloski D. N. Izmerennyj, bezmernyj, preuvelichennyj i bezosnovatel'nyj pessimizm. O knige «Kapitalizm v XXI veke» Tomasa Piketti // Jekonomicheskaja politika. 2016. T. 11. № 4. S. 153—195.

15. Mal'cev A. A., Mal'ceva V. A. Vozvrashhenie mrachnoj nauki? Razmyshlenija o knige T. Piketti «Kapital v XXI veke» i budushhem mirovoj jekonomiki // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij. 2018. T. 13, № 1. S. 204—219.

16. Mareeva S. V. Social'nye neravenstva i social'naja struktura sovremennoj Rossii v vosprijatii

naselenija // Vestnik instituta sociologii. 2018. T. 9, № 3. S. 101—120.

17. Milanovich B. Global'noe neravenstvo. Novyj podhod dlja jepohi globalizacii. M.: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2017. 333 s.

18. Nikolaev D. A. Vlijanie tenevoj jekonomiki na mezhdunarodnoe dvizhenie kapitala v sovremennyh uslovijah // Jekonomika. Nalogi. Pravo. 2018. T. 11, № 5. S. 108—117.

19. Piketti T. Kapital v XXI veke. M.: Ad Marginem Press, 2015. 592 s.

20. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 27.05.2003 g. № 9—P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenija stat'i 199 Ugolovnogogo Kodeksa Rossijskoj Federacii v svjazi s zhalobami grazhdan P. N. Beleckogo, G. A. Nikovoj, R. V. Rukavishnikova, V. L. Sokolovskogo i N. I. Talanova // SZ RF. 2003. №24. St. 243.

21. Stiglic D. Cena neravenstva. Chem rassloenie obshhestva grozit nashemu budushhemu. M.: Jeksmo, 2015. 511 s.

22. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki: oficial'nyj sajt. Rezhim dostupa: <https://www.gks.ru/>

23. Jejhengrin B. Zerkal'naja galereja. Velikaja depressija, Velikaja recessija, usvoennye i neusvoennye uroki istorii. M.: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2016. 245 s.

Submitted 13.09.2021

Nazarov Sergey A., Senior Lecturer of the Law Department, National Research University «Moscow Institute of Electronic Technology» (1 Shokin Square, Zelenograd), naz0281@yandex.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ВНИМАНИЕ! Для публикации статьи в журнале автор оформляет подписку на 2 экземпляра номера, в котором будет опубликована его статья.

ВАЖНАЯ ИНФОРМАЦИЯ! Статьи принимаются в редакцию только при наличии договора о передаче авторского права.

Научный журнал «**Экономические и социально-гуманитарные исследования**» публикует на русском языке оригинальные и обзорные статьи. Верстка журнала осуществляется в издательской системе, функционирующей в сети IBM-совместимых компьютеров. Журнал имеет формат A4 и изготавливается по технологии цифровой печати.

В редакцию предоставляются:

- 1) текст статьи, включая аннотацию, рисунки, таблицы, библиографический список, список авторов и сведения о них, подготовленный на компьютере и распечатанный на лазерном принтере на белой бумаге формата A4 с четким и ясным шрифтом;
- 2) электронный вариант статьи на лазерном диске или USB-флеш-накопителе, подготовленный на IBM PC в формате MS Word for Windows (для иногородних авторов допускается передача электронного варианта статьи по e-mail);
- 3) экспертное заключение, рекомендации кафедры, сопроводительное письмо на официальном бланке (для сторонних организаций);
- 4) лицензионный договор о передаче авторского права в 2 экземплярах.

Основные рубрики:

- экономические науки;
- философские науки;
- социологические науки;
- политические науки;
- исторические науки;
- педагогические науки;
- психологические науки.

Статья должна быть подписана всеми авторами.

Ориентировочный объем публикаций: для статьи — не менее 10 страниц текста и 5 рисунков, для краткого сообщения — до 6 страниц текста и 2 рисунка.

Материал для публикации должен быть собран в один файл с названием **ФамилияИО_Название статьи**.

Оформление первой страницы статьи: индекс УДК; название статьи; инициалы, фамилия автора; название учреждения, где выполнена работа; краткая (но не менее 500 знаков, считая пробелы) аннотация на русском языке; ключевые слова. Далее следует текст статьи.

Содержание статьи должно соответствовать тематическому направлению и научному уровню журнала, обладать определенной новизной и представлять интерес для широкого круга читателей.

Внимание! Редакция должна быть уверена, что ни представленная работа, ни ее части не были ранее опубликованы и не находятся на рассмотрении в других изданиях. Все поступающие материалы проходят проверку в программе «Антиплагиат».

Аннотация (предоставляется на русском и английском языках) должна включать характеристику исследования с освещением его основных вопросов. Рекомендуется использовать отработанные клише: рассмотрены, изучены, представлены, проанализированы, обоснованы, показаны и др.

Ключевые слова или словосочетания (на русском и английском языках) отделяются друг от друга точкой с запятой.

Текст печатается через полтора интервала с размером шрифта не менее стандартного машинописного (Times New Roman, кегль 13). Абзацы отделяются друг от друга одним маркером конца абзаца (применение этого символа в других целях не допускается), ширина отступа (1,25 м) устанавливается в меню Word *Формат* → *Абзац*; набор текста начинается с левого края; по правому краю текст не выравнивается; текст набирается без переносов. Все слова внутри абзаца разделяются только пробелом. Перед знаками препинания пробелы не ставятся, после них — один пробел. Не допускается применение разрядки, псевдографики, а также стилей.

В рукописи должна быть **сквозная нумерация** страниц, рисунков и таблиц.

Рисунки (максимальный размер 13 × 21 см, размер шрифта не менее 9) должны быть черными, контрастными, читабельными. Каждый рисунок должен иметь подпись. На все рисунки должны быть ссылки по тексту.

Векторные рисунки предоставляются в форматах EPS или CDR (версии не выше Adobe Illustrator CS5, CorelDRAW X3). Текст и линии на рисунке должны быть редактируемыми (текст не «в кривых»).

Полутоновые рисунки (фотографии) принимаются только в градациях серого, могут быть предоставлены в формате TIFF (без компрессии) или в виде оттиска на матовой бумаге (предпочтительный формат 9 × 12). Использование MS Word не допускается.

Бумажные оттиски рисунков должны быть пронумерованы и подписаны (на обороте каждого рисунка разборчиво написать порядковый номер, фамилию и инициалы автора). На иллюстрациях, по внешнему виду которых трудно или невозможно определить их расположение, следует сделать пометки «верх» и «низ».

Таблицы должны иметь заголовки и порядковые номера, на каждую из них в тексте должна быть ссылка.

Для **форматирования текста** не следует использовать повторяющиеся пробелы и знаки табуляции. Необходимо различать дефис (-), знак «минус» (—) и тире (—).

Для математических и химических **формул** следует выбирать шрифт 11 кегля. Пронумерованные формулы (нумеруются только те, на которые есть ссылки в тексте) выносятся отдельной строкой и располагаются по центру. Буквы латинского алфавита набираются курсивом, буквы греческого и русского алфавитов, математические функции $\lim$, $\lg$, $\ln$, $\arg$, const , $\min$, $\max$ и т. д., а также названия химических элементов — прямым шрифтом. Подстрочные и надстрочные индексы должны стоять строго на своих местах и быть размечены (подстрочные помечаются дугой сверху, надстрочные — снизу). Символ не должен сливаться с надсимвольным элементом.

При использовании в тексте **аббревиатур** необходимо давать их расшифровку.

При выборе **единиц измерения** следует руководствоваться утвержденной системой единиц физических величин (см. ГОСТ 8.417-2002).

Географические названия должны соответствовать атласу последнего года издания.

В тексте **ссылки на цитируемую литературу** даются в квадратных скобках. Список литературы оформляется в порядке ссылок на нее по тексту.

Рекомендуется использовать не более 15 (опубликованных) литературных источников.

Библиографическое описание оформляется согласно ГОСТ Р.7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Необходимо указать:

— для **книг**: фамилию и инициалы автора (курсивом), полное название книги, место издания, издательство, год, том или выпуск, ссылку на конкретные страницы;

— для **периодических изданий**: фамилию и инициалы автора (курсивом), название статьи, название журнала, год издания, том, номер, страницы публикации;

— для **материалов конференций, школ, семинаров**: фамилию и инициалы автора, название доклада, время и место проведения конференции (мероприятия), название конференции (мероприятия), город, издательство, год, страницы публикации;

— для **электронных ресурсов**: фамилию, инициалы автора, название, год, номер (если есть), URL, дату обращения.

Список авторов и сведений о них должен содержать:

— информацию о каждом авторе для публикации (на русском языке) — фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (полное название организации), занимаемая должность, почетные звания и т. п.;

— e-mail для публикации в Интернете.

Необходимо также предоставить контактную информацию (не для публикации) — телефон, адрес электронной почты. В статье, подготовленной несколькими авторами, следует указать ответственного за прохождение статьи, для аспирантов — научного руководителя.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается редколлегией по результатам анонимного рецензирования.

Рукописи, не соответствующие указанным требованиям, редакцией не рассматриваются.

Статьи направлять по адресу: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ, редакция журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования».

E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Подписной индекс 80114

Подписаться на журнал можно по каталогу «Газеты. Журналы» агентства «Роспечать» в любом отделении Почты России

Этические нормы публикационного процесса

Редакционный совет и главный редактор научного журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования» (ЭСГИ) придерживаются принятых международным сообществом принципов публикационной этики, отраженных, в частности, в рекомендациях Комитета по этике научных публикаций (*Committee on Publication Ethics, COPE*), Совета по этике Ассоциации научных редакторов и издателей, а также учитывают ценный опыт авторитетных международных журналов и издательств.

Во избежание недобросовестной практики в публикационной деятельности (плагиат, изложение недостоверных сведений и др.), в целях обеспечения высокого качества научных публикаций, признания общественностью полученных автором научных результатов, каждый член редакционного совета, автор, рецензент, издатель, а также учреждения, участвующие в издательском процессе, обязаны соблюдать этические стандарты, нормы и правила и принимать все разумные меры для предотвращения их нарушений. Соблюдение правил этики научных публикаций всеми участниками этого процесса способствует обеспечению прав авторов на интеллектуальную собственность, повышению качества издания и исключению возможности неправомерного использования авторских материалов в интересах отдельных лиц.

Редакция оставляет за собой право отклонить публикацию статьи в случае нарушения указанных ниже правил.

Принципы, которыми должен руководствоваться автор научных публикаций

Автор (или коллектив авторов) осознает, что несет первоначальную ответственность за новизну и достоверность результатов научного исследования, что предполагает соблюдение следующих принципов:

- авторы статьи должны предоставлять достоверные результаты проведенных исследований; заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы;

- авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в предоставленной рукописи, полностью оригинальны, при этом заимствованные фрагменты или утверждения должны быть оформлены с обязательным указанием автора и первоисточника, а чрезмерные заимствования, так же как плагиат в любых формах, включая неофор-

перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы;

- необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования — в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования;

- авторы не должны предоставлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале;

- качестве соавторов статьи должны быть указаны все лица, внесшие существенный вклад в проведение исследования, при этом среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании;

- если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала.

Нарушения публикационной этики

При возникновении ситуации, связанной с нарушением публикационной этики со стороны редактора, автора или рецензента, требуется обязательное расследование. Это распространяется как на опубликованные, так и неопубликованные материалы. Редакционный совет обязан потребовать разъяснения без привлечения лиц, которые могут иметь конфликт интересов с одной из сторон.

Редакция журнала ЭСГИ защищает репутацию авторов и внимательно относится ко всем случаям обнаружения плагиата в статьях. В целях обеспечения объективности редакция тщательно исследует каждый случай и рассматривает аргументы всех заинтересованных сторон.

Прежде чем предпринимать дальнейшие действия, редакционный совет стремится получить максимально точную информацию у авторов спорной публикации или владельцев авторских прав и изучает ее. Решение редакции беспристрастно, объективно и не зависит от третьих лиц.

Редакция журнала ЭСГИ оставляет за собой право не реагировать на обвинения в плагиате, если обвинитель предоставляет недостоверную персональную информацию либо действует в неэтичной или угрожающей форме. Редакция не обязана выносить на обсуждение случаи предполагаемого плагиата лицами, не имеющими к нему прямого отношения.

Ethical Norms of Publishing

Editorial Board and Editor-in-Chief of the journal *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* (ESGI) are committed to publication ethics principles adopted by international community, notably presented in Guidelines of Committee on Publication Ethics, COPE and of Russian Association of Science Editors and Publishers' Ethics Board; they also take advantage of valuable experience of respected international journals and publishing houses.

In order to avoid unfair practice in publication activities (plagiarism, statement of unreliable information etc.) and to ensure high quality of scientific publications and recognition of authors' scientific results by the public, each member of Editorial Board, author, reviewer, editor, and each of organizations participating in publishing process must observe ethical standards, norms and rules and take all reasonable measures to prevent their violation. The observance of scientific publication's ethical rules by all participants of this process contributes to assurance of authors' intellectual property right, to improvement of publications' quality and eliminates the possibility of author's materials unlawful use for the convenience of particular persons.

Editorial team reserves the right to decide against publication of a paper in the event that below specified rules are violated.

Principles to which the science publication author should comply

Author (or group of authors) is / are aware of his / her / their primary responsibility for novel nature and reliability of scholarly results, which is premised on the observance of following principles:

- the authors of a paper must provide reliable results of undertaken study; demonstrably wrong or fabricated statements are unacceptable;
- the authors must guarantee full originality of research results stated in the manuscript they provide, it being understood that borrowed fragments or statements must be presented as citations, with obligatory reference to primary author(s) and source, while excess borrowing, as well as any form of plagiarism, including text copying without source attribution, text recycling or misappropriation of other's research results, are unethical and unacceptable;

- the contributorship of all persons who influenced in some way or other the study progress, must be acknowledged; notably, the paper must contain references to works relevant to the pursuance of research;

- the authors must not provide to the journal a manuscript sent to another journal and being under consideration there nor a paper already published in another journal;

- all persons who contributed considerably to the pursuance of research must be listed as paper's coauthors, with that it is unacceptable to list among coauthors the persons who did not participate in the research;

- if the author detects significant errors or inaccuracies in the paper on the stage of its consideration or after its publication, he / she must notify the editorial team of that as soon as possible.

Publication ethics violations

Should there be situation related to publication ethics violation on the part of editor, author or reviewer, mandatory investigation is required. This is applicable to published as well as unpublished materials. Editorial Board must require explanation with no involvement of persons who might have conflict of interest with either party.

The ESGI journal editorial team protects authors' reputation and is attentive to all cases of plagiarism detection in the papers. For the sake of objectivity the editorial team investigates thoroughly each case and considers the reasons of all parties involved.

Before taking any future action the Editorial Board endeavors to obtain the most accurate information possible from the authors of publication at issue or from copyright holder and studies it. Editorial team's judgment is impartial, objective and not influenced by third parties.

The ESGI journal editorial team reserves the right to be without responding to plagiarism claims if the accuser provides unreliable personal information or acts in unethical or threatening way. Editorial team has no obligation to submit for discussion the cases of supposed plagiarism not having a direct relationship to it.

Для заметок

Для заметок